

Хольгер
АРБМАН

ВИКИНГИ

...отряды скандинавских воинов кардинально изменили всю ситуацию в Европе.

Историческая библиотека

Историческая библиотека

Хольгер
АРБМАН

ВИКИНГИ

Санкт-Петербург
Евразия
2006

УДК 94(4)
ББК 63.3(4)4
А79

Sean By Vitautus

Серия «Историческая библиотека» основана в 2001 году

Holger Arbman
THE VIKINGS

Перевод с английского Н.В. Ереминой

Научный редактор к. и. н. А.А. Хлевов

Серийное оформление С.Е. Власова

Компьютерный дизайн Ю.М. Мардановой

Подписано в печать 16.02.06. Формат 84×108^{1/32}
Усл. печ. л. 18,48. Тираж 4000 экз. Заказ № 582.

Арбман, Х.

А79 **Викинги / Хольгер Арбман; пер. с англ. Н.В. Ереминой. —**
СПб.: Евразия, 2006. — 269, [51] с. — (Историческая библиотека).

ISBN 5-8071-0190-1

Произведение выдающегося шведского археолога Хольгера Арбмана посвящено истории викингов.

Цель данного исследования — создание панорамной картины эпохи, оказавшей огромное влияние на дальнейшее развитие всей европейской цивилизации.

Книгу отличают доступный стиль изложения и строгая документальность привлекаемого материала.

УДК 94(4)
ББК 63.3(4)4

© Перевод. Н.В. Еремина, 2003
© Вступительная статья. А.А. Хлевов, 2003
© Евразия, 2006
© Оформление.
ООО «Издательство АСТ», 2006

Оглавление

<i>Предисловие к русскому изданию</i>	7
Введение	15
Глава 1	
Скандинавские истоки	45
Климат	48
Поселения	49
Военные лагеря	53
Погребения	55
Рост торговых городов	60
Купцы	75
Глава 2	
Британские острова и острова Атлантического океана	87
Острова Атлантики	90
Остров Мэн	97
Англия	101
Ирландия	116
Глава 3	
Континентальные государства	125
Империя франков	125
Испания и Средиземноморье	142

Глава 4	
Шведские викинги на Востоке	148
Ладожский регион	151
Южная Россия и Каспий	157
Новгород	161
Киев	163
Глава 5	
Исландия, Гренландия и Америка	175
Исландия	176
Гренландия	183
Америка	186
Глава 6	
Искусство эпохи викингов	196
Избранная библиография	237
Краткий терминологический словарь	243
Географический указатель	251
Именной указатель	264
Иллюстрации	271

Предисловие к русскому изданию

Книгой выдающегося шведского археолога Хольгера Арбмана издательство «Евразия» продолжает серию книг, составляющих своего рода золотой фонд мировой научной и научно-популярной литературы, посвященной эпохе викингов.

Вышедший в издательстве «Тэймз и Хадсон» в 1961 году очередной том фактически закрыл тему археологического прошлого древней Скандинавии. Книга О. Клиндт-Йенсена «Дания до викингов», изданная «Евразией» в русском переводе, а также известные работы А. Хагена «Норвегия» и М. Стенбергера «Швеция» были посвящены архаическому периоду истории Северной Европы. Изложение в них было доведено до рубежа VIII–IX столетий — именно в этот момент окружающий мир «открыл» для себя Скандинавию, причем при обстоятельствах, далеко не самых благоприятных для него.

Выплеснувшиеся на европейские берега отряды скандинавских воинов, большинство из которых у себя дома были обычными крестьянами, кардинально изменили всю ситуацию на континенте. Совершенствование феодальной системы,

коррекция социальной структуры европейских стран, первые шаги централизации безнадежно раздробленных и погрязших в междоусобицах англо-саксонской Британии и королевства франков, да и других регионов — лишь наиболее известные следствия этих походов. А ведь была еще масштабная колонизация, в результате которой целые области Англии и Франции стали преимущественно датскими и норвежскими по этническому составу; были торговля и наемничество; были отдаленные уголки мира, где скандинавы выступили в роли первопроходцев — острова Атлантики и Северная Америка. Был, наконец, «Восточный путь» (Austrvegr) — достаточно общее определение всех стран, лежавших к востоку от Скандинавии, — Прибалтики, Руси, земель финно-угров, арабских стран и сказочной и богатой Византии, своеобразного предела мечтаний для многих викингов.

Книга Х. Арбмана не является чем-то совершенно уникальным. На фоне огромного числа произведений, посвященных викингам, она выделяется скорее сбалансированностью своего содержания. Автор не ставит своей задачей исчерпать какой-либо из аспектов деятельности викингов — да и не ведет речи лишь о самих викингах. Его цель — создать панорамную картину всей эпохи, картину, которая должна оставить у читателя целостное представление о причинах возникновения в Скандинавии своеобразного и чрезвычайно интересного цивилизационного очага, оказавшего воздействие на соседей из других регионов, а также о всех основных составляющих того феномена, который нашим современникам известен

как «эпоха викингов» и рассмотрение которого во всей его полноте стало возможным лишь сейчас, не будучи доступно его современникам.

В поле зрения исследователя и популяризатора последовательно оказываются все компоненты мира викингов: от ландшафта и особенностей хозяйственной жизни до своеобразных черт социального устройства, от хуторских поселений до того, что стало, пожалуй, более всего привлекать ученых в последние десятилетия — ранних городских структур, сыгравших такую важную роль в развитии торговли и в христианизации Севера.

Значительная часть текста посвящена, разумеется, наиболее ярко освещенному письменными источниками вопросу пребывания и деятельности скандинавских викингов в Западной Европе. Однако при этом автор никоим образом, во-первых, не замыкает свое внимание на западном фланге экспансии, а, во-вторых, вполне удачно демонстрирует, что деятельность скандинавов в Европе не была однобокой и исключительно разрушительной. Последнее мнение, являющееся уже даже не вчерашним, а позавчерашним днем исторической науки, по-прежнему обнаруживает себя в популярной литературе и, следовательно, оказывает влияние на мнение читателя. Показательно, что Арбман предпочитает региональный подход, отчетливо демонстрируя изменения той роли, которую играли викинги в различных локусах континента, к тому же подчёркивая изменение этой роли с течением времени.

Отдельное внимание автора уделяется наиболее рафинированной форме экспансии викингов —

заселению островов Северной Атлантики. Этот способ реализации накопленной скандинавами внутренней энергии привел к появлению нескольких по-своему эталонных обществ, два из которых (Гренландия и Винланд) были своего рода «филиалами» главного и основного очага общества такого типа — Исландии X–XIII веков. Филиалами, игравшими безусловно второстепенную роль и относительно быстро сошедшими со сцены истории, но лишь с тем чтобы подчеркнуть своеобразие исландского варианта демократии позднеродового общества, наиболее последовательно претворившего в жизнь идеалы архаической Скандинавии.

Заключительная глава посвящена искусству эпохи викингов. Краткий, но при этом всесторонний анализ прикладного искусства и динамики основных стилей того времени сам по себе чрезвычайно симптоматичен. Он отмечает один из немногих примеров популяризации, да и вообще структурирования, информации о чрезвычайно интересном и далеко не всегда удачно освещаемом в литературе феномене, отчетливо демонстрирующем особенности мышления и мировосприятия скандинавов. Отметим, что вскоре после выхода книги Арбмана, в 1966 году, увидела свет совместная монография Д. М. Вильсона и О. Клиндт-Йенсена «Искусство викингов», целиком посвященная данному вопросу. К сожалению, необходимо признать, что концентрация внимания исключительно на прикладных формах искусства и игнорирование литературы и устно-поэтического творчества (эти пласты информации привлечены в книге лишь как кладезь

примеров и исторический источник) существенно обедняет восприятие эпохи, так как именно пересечение и взаимоналожение двух основных сфер проявления скандинавской духовности дает возможность предельно отчетливо прочувствовать внутренний мир северян. Вместе с тем стоит отметить, что именно эта глава выглядит у Арбмана наиболее насыщенной информационным содержанием и подчиненной общему замыслу.

Отдельно стоит упомянуть ту часть книги, где повествуется о взаимоотношениях скандинавов и Руси. Так получилось, что издание книги Х. Арбмана пришлось на время пикового противостояния на международной арене советских исследователей-антинорманистов и западных ученых, отстаивавших тезис о высокой и специфической роли скандинавов в процессе формирования Древнерусского государства. Пронизанный идеологическими штампами и откровенной пропагандой спор угас лишь в последнее десятилетие, однако следы его разбросаны там и тут по страницам научной литературы. Не избежал этих излишеств и Арбман. Тезис о скандинавской колонизации Северо-Запада и достаточно традиционное для шведской науки того времени (находившейся под сильнейшим влиянием патриарха шведской археологии Туре Арне) восприятие русско-скандинавских контактов и тогда, и по сей день стоят в противоречии с известными фактами и свидетельствами археологии. Однако следует признать, что в целом позиция автора вполне объективна и, во всяком случае, находится ближе к исторической истине, нежели выводы большинства отечественных специалистов,

синхронные ей — выводы, продиктованные, впрочем, не столько внутренним убеждением, сколько велением времени.

Как бы то ни было, российской читающей публике теперь предстоит знакомство с научно-популярным трудом мэтра скандинавской археологической науки. Перед русскоязычным читателем открывается перспектива самому сделать выводы, насколько успешно автору удалось вместить в относительно небольшой объем текста все своеобразие эпохи викингов и передать то, что делало ее на протяжении веков столь привлекательной для бесчисленных профессионалов и любителей прошлого. Подчеркнем еще раз: перед нами не только книга, содержащая «необходимый и достаточный» минимум информации о викингах, их мире и времени, но и авторская позиция, объективно изложенная для широкого читателя. Хочется надеяться, что «Викинги» Хольгера Арбмана займут достойное место на книжной полке многих любителей истории, а для профессионалов откроется возможность ознакомиться с известным произведением своего коллеги и на русском языке.

ВИКИНГИ

Возможно, накал страстей, который характерен для описаний набегов норманнов европейскими хрониками, вызванный столкновением Западной Европы с викингами, все еще воздействует на наши представления о них. Викинги виделись европейским церковным хроникам, которые часто становились жертвами их набегов, в некоем злобещем свете, и поэтому описывались ими как злобные пираты, разрушающие христианскую цивилизацию. Принимая сложившуюся точку зрения, более поздние авторы сразу выносили викингам приговор, хотя некоторые (очевидно завидуя их возможностям) романтизировали норманнскую дерзость и независимость. Одна научная школа, описывающая викингов, не желала признавать, что они представляли какую-либо важность в истории европейской культуры, и набеги викингов рассматривала не иначе как катаклизм, от которого Европа постепенно излечилась. Другая школа, хотя и рассматривала викингов в духе описаний древних германцев Тацитом или

благородных дикарей Руссо, также отрицала, что они внесли какой-то свой вклад в европейскую цивилизацию в обмен на те достижения, которые восприняли от нее. Порой создается впечатление, что экспедиции викингов истолковываются обеими школами как дерзкая, но простая сага, повествующая только о сжигании монастырских библиотек и разрушении ими книжной культуры, и соответственно хронисты либо обвиняли скандинавов, либо восхваляли их. Уже король Альфред, который имел право судить о набегах викингов, добросовестно признал, что библиотеки, которыми Англия была полна, «прежде чем они были опустошены и разорены», потеряли свое значение задолго до набегов, так как науки и знания в стране находились в совершенном упадке. На этот факт некоторые современные историки ссылаются как на оправдание викингов.

Естественно, что мы, рассуждая о викингах, в первую очередь представляем себе их ладьи, которые являлись величайшими шедеврами кораблестроения, а самих норманнов — вооруженных топорами и мечами, нападающих на какой-то открытый берег лишь по той причине, что именно свои набеги они и воспевали в собственной литературе. Но было бы неверно предполагать, что общество викингов было менее сложным, чем освященное традицией и обособленное христианское общество, которое они разоряли. Вульфстан из Йорка в своей проповеди к англичанам, когда «большинство

их преследовалось данами», находит совершенно неестественным, что «если серв ушел от своего лорда к викингам, перешел из христианства в язычество, встречая своего господина в сражении, убивает его, ему не нужно платить вергельд* родственникам бывшего господина; а если бы его прежний господин убил серва, он должен был заплатить вергельд за него, как если бы тот был свободным человеком». Тот факт, что значительно большее число свободных людей проживали в «Области датского права»; чем в остальной Англии, по данным «Книги Страшного суда», предполагает, что основной характеристикой культуры викингов (во всех случаях их столкновения с другими обществами) была мобильность — не только географическая, но и социальная. Своими достижениями в области кораблестроения, навигации и торговли викинги, кажется, более обязаны технологии, чем цивилизации, а типичное описание норманнов в «Речах Высокого» не является чересчур романтичным и может представляться несоответствующим героическому образу скандинава:

* Вергельд — букв. «военное золото», «золото войны» — натуральный или денежный штраф, платившийся в качестве искупления родичам убитого. Выплата вергельда, оговоренного обычаем или устраивавшего родственников, снимала необходимость кровной мести с их стороны. Отсюда позднейшее славянское «вира» с тем же значением.

Примеч. ред.

Глупый надеется
Смерти не встретить,
Коль битв избегает,
Но старость настанет —
Никто от нее
Не същует защиты.

(Речи Высокого, 16)

или

День хвали вечером,
Жен — на костре,
Меч — после битвы,
Дев — после свадьбы,
Лед — если выдержит,
Пиво — коль выпито.

*(Речи Высокого, 81)**

В данном случае имеет смысл замена образа храброго викинга, пьющего мед из черепов своих врагов в Вальхалле (результат неправильного перевода в XVIII веке поэтической фразы «рог для питья»), образом совершенного «инженера»,двигающегося без усталости из одной страны в другую, провозглашающего в качестве своего главного принципа правило, что обо всем следует судить только в свете действительного опыта, и готового продавать свои услуги тому, кто предложит за них лучшую цену. Этот образ викинга, по-видимому, нельзя считать более показательным и верным, нежели образ жаждущего крови пирата или благородного дикаря, сложившийся ранее, и для многих он даже может показаться менее

* Перевод А. Корсуна.

привлекательным; в любом случае, представленную фигуру викинга, обладающего несомненными техническими знаниями, невозможно считать чуждой нашей развитой цивилизации, и достоинства викингов, проявляющиеся в их искусстве, ритмическом стихосложении, силе, а также в последовательности и умении работать с любым материалом, достигая при этом значительных высот, могут быть более очевидны именно для нас, чем для наших предков.

Важнейшими основаниями для понимания образа жизни викинга, наделенного значительными техническими знаниями, являются его «инструменты торговли». И здесь мы прежде всего имеем в виду корабли викингов и их оружие. Корабли нам известны благодаря счастливой случайности, так как они хорошо сохранились, будучи герметично запечатанными в голубой глине норвежских погребальных курганов в Туне, Гокстаде и Усеберге: их модели и копии, изготовленные с различной степенью точности, способствовали тому, что образцы этих судов стали восприниматься как типичные военные весельные суда викингов. Однако эти корабли не использовались викингами для длительных морских походов к чужим берегам. Точная копия судна из Гокстада пересекла Атлантику под парусом в 1893 году, что свидетельствует в пользу представления о возможности использования подобного типа судов для походов в Исландию, Гренландию и Америку; это не доказывает, однако, что они

в действительности могли участвовать в подобных мероприятиях. В морских путешествиях, предполагающих военные цели, мужчины, принимающие участие в сражениях, могли также сидеть за веслами, но длительные поездки с грузом в открытом море невозможно было предпринимать без паруса и более маленькой команды для управления кораблем (около 15–30 человек), которую нужно было также кормить и платить ей жалованье. Из отчетов о морских путешествиях, данных Отером (Охтхере) и Вульфстаном королю Альфреду, ясно, что их суда двигались только под парусом без использования весел. Хотя такие корабли не сохранились, нам кое-что известно о способе их навигации. Так, например, некоторые характерные черты ладьи, найденной в Гокстаде, могут дать отчетливое представление об их действительной конструкции. Корабль из Усеберга, напротив, в то время как он может многое поведать об искусстве викингов, никогда не мог быть избран даже самым безрассудным норманном для морского путешествия. Степсель мачты этого корабля был расколот (и скреплен вновь при помощи железного обруча), прежде чем он был захоронен, и поэтому представляется чрезвычайно ненадежным для длительного морского путешествия: из-за отсутствия балласта судно не могло бы выдержать ветер, именно это обстоятельство, вероятно, способствовало тому, что его мачта испытала значительное напряжение, которое привело к ее расщеплению.

Корабль из Гокстада в длину составляет 76,5 фута, в ширину — 17 футов, при осадке в 3 фута (руль опускался немного ниже) высота борта над водой в средней части судна составляла 3 фута 9 дюймов. Данные измерения должны вызвать восхищение любого человека командой, которая под руководством капитана Магнуса Андерсона провела подобное судно через Атлантику. Однако вместимость его в современном измерении составляет лишь немногим более 30 тонн, и совершенно ясно, что именно использование весел определило сам дизайн ладьи. Весла, установленные на корабле из Гокстада, не были ни громоздкими, ни длинными, требовавшими широкого взмаха, как, возможно, вообразили себе некоторые. Длина весел составляла только 16 футов (на носу и на корме, где фальшборт был выше линии воды, они длиннее), соответственно они не были больше, чем те, что используются на современных спасательных шлюпках, напротив, весла викингов изготавливались достаточно легкими и с очень узкими лопастями. Недавний опыт, проведенный командами обученных гребцов на воссозданных с большой точностью в современных условиях ладьях викингов, показал, что взмах веслом, который был необходим для продвижения судна по морю, должен был быть коротким и быстрым, отличающимся от взмаха веслом при гребле на реке. Можно с уверенностью говорить о том, что любое судно, которое в большей степени полагалось на парус, нежели на весла,

имело большую осадку и высокий надводный борт, и по экономическим причинам — большую вместимость. Однако это не приводило к его неповоротливости, так как на корабле из Гокстада, например, киль установлен на фут глубже в середине корабля, чем на его концах, что свидетельствует о том, что корабельщики викингов знали, как легко и быстро заставить судно повернуть на другой галс, усиливая при этом его боковую устойчивость, уравнивая судно с помощью килля в середине корабля. Более поздняя история о Торберге Скавхогге (Строгале, см. Сагу об Олаве, сыне Трюггви, 88) (он разрушил изогнутый борт корабля, который посчитал неудовлетворительным, одним ударом топора так, что восстановить его уже не представлялось возможным) показывает, что в Скандинавии существовали признанные независимые специалисты в кораблестроении. Однако этих фактов явно недостаточно, чтобы утверждать, что именно подобный вполне научный подход к установке килля корабля обеспечил ему возможность двигаться против ветра, например в случае, если судном управляла слишком малочисленная команда, чтобы грести. Толщина обшивки днища корабля из Гокстада только 1 дюйм толщиной. Это меньше, чем у многих современных судов вчетверо меньшей длины, что, однако, свидетельствует об аналогичном современному рациональном подходе викингов к конструированию корабля. Если бы киль прикреплялся к каркасу, он должен был быть намного толще, иначе

скрепления разошлись бы под напором волн. Обшивка, тщательно выделанная из дерева, первоначально была в три раза толще, так что можно сказать, что борта корабля оказывались сшитыми с помощью узких планок, изготовленных из гибких сосновых корней, связанных со шпангоутами. Таким образом, такие преимущества, как максимальная устойчивость и водонепроницаемость судна, оказались объединены с его минимальным весом (и таким образом с максимумом качественных характеристик), напоминая о наиболее технически усовершенствованных современных гоночных машинах, и свидетельствуют, что ладьи викингов изготавливались с таким мастерством, которое находит аналогии только в нашем веке. Основание мачты устанавливалось на кильблоке, составляющем больше 10 футов в длину, чтобы распределять давление потоков воздуха. Далее мачта проходила через еще более длинный бимс (16 футов в длину), взмывая вверх над корабельными настилами, в которых были спроектированы отверстия, тянущиеся по направлению к носовой и кормовой частям судна, так что мачта могла быть легко поднята и опущена. Траверз переднего края каждого фальшборта прикреплял к его внутренней стороне тяжелый бимс с двумя отверстиями, которые были направлены слегка вверх под различными углами. Они, возможно, предназначались, чтобы плотно закрепить конец *beiti-ass*, иными словами, рангоут, использовавшийся для расширения основания паруса, который

в противном случае оказывался плохо прикрепленным. Однако позиция рангоута, предложенная викингами, давала возможность жестко фиксировать постановку ведущего края паруса так, чтобы корабль мог плавать по направлению потоков ветра. Рангоут должен был быть даже более необходимым на «хавскипах» (морских кораблях викингов) или океанских судах, которые не имели полной команды гребцов, и обеспечение необходимого управления им, без сомнения, становилось предметом особой заботы хозяина судна.

Торстейн Бычья нога, составлявший команду «Длинного змея», корабля короля Олава, участвовал в битве при Свельде, но получил упрек от короля за то, что он не сражался так, как следует — с мечом и копьем, как всем повелевал Бог; напротив, Торстейн использовал свои кулаки, а затем и рангоут, чтобы сбрасывать врагов в море, объясняя свои действия следующим образом: «каждый мужчина должен делать то, что он может» [т. е. знает как]. Его слова говорят о той гордости, которую мог испытывать он, профессиональный моряк-викинг, за свое искусное владение инструментом своего ремесла. Именно рангоут и его разумное использование на морских кораблях освободили мореплавателя от необходимости ожидать попутного ветра, и поэтому, а также по некоторым другим причинам, как мы полагаем, норвежский мореплаватель Отер, описывая королю Альфреду свои путешествия, рассказал, что на Норд — Капе в Норвегии он

ждал ветра, чтобы обогнуть мыс и от запада пройти к северу, прежде чем плыть дальше, не признаваясь в том, что он сильно зависел от него. Позднее, рассказывая о своем путешествии, Отер свидетельствует, что ему пришлось ждать настоящего сильного ветра, чтобы войти в Белое Море, но это обстоятельство вполне объяснимо, так как из-за тающего снега там образуется сильное течение: чтобы справиться с таким течением, Отеру не оставалось ничего другого, как войти в Белое море на полной скорости с попутным ветром, не оставляя своему судну никакой возможности лечь в дрейф. Ожидание попутного сильного ветра в Норд-Капе не несет даже оттенка намека на неуверенность Отера или его нежелание предпринимать какие-то действия, но, напротив, свидетельствует об уверенности, свойственной лишь знающему человеку, ожидающему естественного развития событий, каким на самом деле и был Отер. Чтобы обогнуть Норд-Кап, желательно было положиться, как он и сделал, на постепенно затихающие юго-западные ветры, которые выводили корабль, помогая ему обойти преваляющие северо-восточные воздушные потоки. Кроме того, Отеру было необходимо убедиться, что он не находился на пути наступающих и усиливающихся штормовых ветров. Ожидание Отером благоприятного периода, когда ветер сместится к северу от запада, вполне могло иметь место в реальности, так как он знал, что ветры перемещаются против часовой стрелки в таких географических

районах, и смещение ветра означало, что шторм был безопасен для его движения на север. Современные капитаны траулеров с большим опытом и хорошим знанием данной территории разделяют эту точку зрения и считают, что если ветер сместился к северу от запада, то он не возникнет снова, и ожидание Отером перемены ветра (что не заняло бы много времени) свидетельствовало, возможно, больше о благоразумии капитана, нежели о действительной необходимости. Скорость, с которой шло его судно, никогда не подвергалась сомнениям, даже если сравнить ее со стандартами XIX века, а некоторые явные неточности, замеченные редакторами в отчете Отера, исчезают, когда мы принимаем во внимание течения, описанные в современных штурманских книгах. Определенный отрезок пути (откорректированный в соответствии с течениями), который проходил корабль Отера за день, очень хорошо согласуется с обычным днем плавания ладьи, описанным в сагах, — 100 миль со скоростью 4 узла. Современные копии корабля из Гокстада с тренированными гребцами показали, что судно могло двигаться с еще большей скоростью. Например, копия корабля, изготовленная в 1893 году, в среднем развивала скорость до 11 узлов под парусом, но примечательно, что реконструированные суда представляют для нас только относительную важность, так как именно корабль Отера определяет все наши рассуждения о средней скорости и среднем расстоянии обычного морского путешествия.

В настоящее время выделяют две черты, признанные самыми характерными для кораблей викингов. Прежде всего это ряд щитов вдоль фальшборта, а также руль, установленный на правом борту (или на борту управления), а не на корме; все модели кораблей, как бы плохо они ни сохранились, представляют эти признаки. Вывешивание щитов в ряд на фальшборте должно было, возможно, свидетельствовать о знатности и богатстве хозяина корабля, и их устанавливали, только пока судно стояло в гавани. Едва ли викинги выходили в море со щитами, независимо от того, шло судно под парусом или на веслах, ведь в любом случае они серьезно затрудняли бы работу корабля, а их установка не могла быть продиктована какой-то серьезной военной необходимостью. Действительно, мы знаем, как указал Х. Шетелиг, что щиты никогда не вывешивали на фальшборте корабля при отправлении его в плавание, но только, когда он стоял в гавани, хотя сохранились свидетельства, что некий исландец отплыл к фьорду на корабле, оснащенном щитами, но поскольку для судна, находящегося в плавании, это не было характерно, он впоследствии даже получил соответствующее прозвище — «Бьерн-щитоносец». Вторая отличительная черта кораблестроения викингов — это руль, который хотя и является с нашей точки зрения довольно необычным, но в действительности его с уверенностью можно назвать одним из лучших примеров совершенного функционального дизайна корабля.

Установка руля под килем служила той же цели, которую в настоящее время на судне выполняет современный выдвижной киль или подветренный борт, а именно для усиления боковой устойчивости корабля и, таким образом, повышения эффективности плавания и устойчивости корпуса. Кроме того, руль легко поднимался, чтобы уменьшить осадку корабля, когда тот причаливал. Отсутствие руля на корме делало возможным без усилий поднимать ее на возвышение, что сохраняло судно сухим, прежде чем оно отправлялось в следующее морское плавание.

Илл. 21

На парусе корабля из Гокстада, возможно, были изображены красные и белые вертикальные полосы, но резьба на камнях из Готланда показывает смешанный рисунок паруса, состоящий из пересекающихся диагональных линий, из письменных источников нам также известно, что такой рисунок широко использовался. Запутанная сеть между парусом и корпусом, вырезанная на некоторых камнях, иногда интерпретировалась исследователями как декоративное продолжение изображаемого паруса, представляющего традиционное плетение, но при отсутствии свободно двигающихся шкивов на корабле такой парус очень трудно было опустить (мы знаем, что для этого обычно его должен был «оседлать» член команды), особенно когда парус наполнялся ветром. Кажется вероятным предположить, что рисунок на камнях — это сеть линий снастей для уборки парусов; она предоставляла возможность сворачивать

парус на реях, а также поддерживала парус и предотвращала его искривление.

Магнитный компас был тогда неизвестен, но некоторые исследователи, в частности С. В. Сельвер, настаивали на том, что викинги использовали какой-то вид солнечного компаса. Тем не менее свидетельства, на которые они ссылаются в этом случае, весьма сомнительны. Однако зная об использовании викингами особого измерения — «*eyktarstadr*» — (при котором образовывался угол в 60° на юго-запад) в описании географического положения Винланда, с уверенностью можно сказать, что викинги не только представляли связь между солнечной широтой, высотой и долготой, но также имели какие-то средства для определения азимута, об измерении которого свидетельствует «*eyktarstadr*», позволявший определять местонахождение судна без привязки к каким-то объектам на земле. Несомненно, что для определения азимута требовалось какое-то устройство. Оставляя в стороне вопрос, был ли предмет, найденный в Эйстрибюнде в Гренландии С. Л. Вебеком, в действительности таким прибором, необходимо просто отметить, что, без сомнения, викинги использовали какое-то подобное устройство. Также представляется вероятным, что сохранилась и некая устаревшая карта викингов, показывающая направления и проложенные морские курсы на так называемой «игральной доске», напоминающей средневековые доски с обозначением галса. На них устанавливался кольшек, который передвигали на подходящее

количество дырочек на доске, чтобы зарегистрировать расстояние, пройденное кораблем в различных направлениях, для определения нового курса.

Секиру, очевидно, стали воспринимать в качестве типичного оружия викингов уже в XIV веке, когда «бородатый» топор с режущим краем, направленным вниз, был назван топором данов. Он представляет наиболее типичный скандинавский вид секиры, который, имея характерную форму (с «бородкой»), появляется во второй половине IX века. Тот факт, что секира сохранила свое типовое имя вплоть до XIV века, т. е. спустя пять веков после того, как сам стиль топора подвергся некоторым изменениям, свидетельствует о том, какое глубокое впечатление она производила на тех, с кем викинги схватывались в сражении. Топор, украшенный в стиле Еллингс, представляет характерную форму, выработанную в X веке, при которой важно было соблюсти симметрию (его лезвие слегка удлинялось вверх и вниз). В 1000 году секира, которую викинги использовали в сражениях на Западе, видимо, имела изящную выпуклость (которую не нарушали ни «бородка», ни угол топора). Она начиналась от узкого лезвия, соприкасающегося с древком, доходя до широкого округлого лезвия, равно сбалансированного над и под точкой соединения с древком. Этот тип секиры получил известность, так как именно его использовали в военных кампаниях Свейна и Кнута (подобные топоры были найдены на дне

Темзы недалеко от Старого Лондонского моста, а железные крюки, покоившиеся вместе с ними, вполне возможно связать с атаками Олава на мост, которые описаны в «Саге об Олаве Святом»); этот тип топора, однако, не получил такого широкого распространения, как его предшественники, для которых были характерны низкие края углов лезвия. Они найдены на Оркнейских островах, Ислэе, Дублине и Йорке, т. е. на всей территории, на которой действовали викинги.

Некоторое представление о развитии меча викингов также можно получить, исследуя территорию его распространения. На Шетландских островах мы находим меч с простой треугольной головкой на рукояти и прямой гардой, напоминающий тот, что использовали норвежские поселенцы в Британии в VIII и IX веках. Более поздний тип меча, относящийся к первой половине X века, представлен серией находок, обнаруженных на пространстве от о. Мэн, через всю область Дэнло, до Норвича. У него длинное заостренное треугольное навершие и изогнутая гарда: примеры этого типа также найдены в Норвегии, где все они украшались в стиле английского орнамента. Возможно, данный тип развился в поселении викингов на Британских островах, по-видимому, в то же самое время, что и мечи, которые были более распространены на континенте, но оставались редкими для Британии. У континентальных мечей были прямые гарды с треугольным навершием, расходившимся на три или пять долей,

каждая из которых часто принимала форму головы какого-либо животного. Ближайший пример этому типу в Британии — мечи с небрежно выделанными полукруглыми головками на вершине гарды, разделенными на три секции неглубокими желобками. Возможно, что именно эти мечи изображены на монетах викингов, найденных в Йорке и на Нанбарнхольмском камне вблизи него. Два меча этого типа, обнаруженные в Йорке, и некоторые подобные ему — в Ирландии, явно свидетельствуют о том, что Йорк, находившийся на главном пути перемещения викингов с востока на запад, оказывался, таким образом, в гораздо большем соприкосновении с различными европейскими культурами, нежели другие районы Британии.

Другой тип меча, получивший в Британии известность, вполне сопоставимую с распространением боевого топора, найденного на дне Темзы, также обнаружен в этой реке и совершенно не встречается в колониях викингов в Ирландии и Шотландии, хотя в то же время он является типичным для юга и востока Балтики. Этот тип меча относится, возможно, к позднему X веку, периоду правления Свейна и Кнута, и интересен тем, что его орнамент, выполненный на слегка закругленной рукояти, разделен на три доли. Такой меч носил сам Кнут, насколько мы можем судить по его описанию самого себя, которое сохранилось в новом монастырском служебнике (MS Stowe 944).

Наиболее важной частью меча, однако, являются не декоративные черты рукояти и гарды, но лезвие: и во многих случаях можно с уверенностью говорить о том, что оно также часто импортировалось, как, впрочем, и эфес, хотя чаще всего к викингам оно поступало из мастерских Рейна, нежели с Британских островов. Конечно, не все мечи, на которых стоит клеймо Ингельри или Ульфберта, действительно были изготовлены этими прославленными мастерами, но как бы то ни было, действительно, очень часто лезвие ввозили из зарубежных мастерских, а затем подгоняли его к рукояти, чтобы меч, с одной стороны, был удобен, а с другой — удовлетворял местному вкусу, независимо от того, был ли этот вкус английским или скандинавским. Главным украшением лезвия была насечка из металла (волнистый рисунок, напоминающий спинку гадюки, который вполне мог вдохновить поэтов на частое упоминание в своих произведениях этого периода о лезвии со «змеиным орнаментом»). Аслак Лиестоль привел убедительные доказательства того, что Эйрик Кровавая Секира из Йорка, скорее всего, владел мечом данного типа, если, конечно, его интерпретация строки в поэме Эгиля в похваление Эйрика верна. А. Лиестоль также предоставил наиболее убедительное объяснение технологии создания насечки со змеиным рисунком при ковке мечей. Поперечные сечения на мечах с насечками показывают, что на некоторых из них, также как на многих прибрежных камнях, были выгравированы буквы.

Данный факт, однако, не являлся бы предметом для обсуждения, если бы прежняя точка зрения (что рисунок создавали путем вбивания полос металла в специальные желобки, выгравированные на поверхности) была верной. А. Лиестоль предполагает, что процесс создания рисунка был очень похож на тот, что применяется в настоящее время в производстве леденцов, украшенных узором. Плоская заготовка, из которой должен был быть произведен меч, сначала прокатывалась в тонкий лист, состоявшийся из двух или трех различных видов стали, и затем разрезалась продольно на полосы, которые в разрезе практически сохраняли равные углы. После этого полосы скручивались в различных направлениях и вновь разрезались на две половины. Таким образом, вдоль оси получившейся болванки образовывался неровный волнистый рисунок, сформировавшийся при кручении полос, изготовленных из первоначального прокатанного листа. Две половинки образовавшихся болванок затем вновь сковывались вместе, тем самым создавая внешние поверхности новой заготовки. Различные образцы насечек, действительно найденные на мечах викингов этого типа, появились благодаря тому, что мастер каждый раз при изготовлении меча принимал правильное решение, насколько тонко необходимо раскатать первоначальную заготовку, на какое количество брусков необходимо разрезать металлический лист, в каком направлении скручивать полосы, чтобы создать правильную про-

екцию сечений (над или вдоль оси бруска) для образования внешней стороны меча. Эта техника трудоемка и сложна (А. Лиестоль проанализировал поверхность одного меча, который состоял из пятидесяти восьми первоначально отдельных кусков металла!), но принятая мастерами технология, оказавшаяся вполне понятной для них, красноречиво свидетельствует о выдающихся способностях скандинавских кузнецов, работавших в период эпохи викингов.

Арабские писатели, такие как Аль-Бируни и Аль-Кинди, на которых ссылался профессор Валиди, высоко оценивают два иностранных народа — франков и русов (или шведских поселенцев на территории Руси), способных изготавливать и оставаться неизменно верными своим мечам, сделанным из раскатанного мягкого железа и стали, которые оказываются лучше в холодных условиях, чем мечи, изготовленные из ближневосточной стали (она имеет другое название). Анализ меча этого типа, проведенный Орвиком, показывает, что дополнительные раскатанные листы, из которых изготавливали первоначальные болванки, состояли из стали с 0,2-процентным содержанием углерода и они были тоньше тех, что не имели углеродного наполнения, в свою очередь отражая точную связь между функциями меча и его орнаментом, представляющим широко распространенный и признанный исследователями лучшим рисунок, использовавшийся, таким образом, даже для создания насечки.

Илл. 25

Щиты и кольчуги, изображенные на ковре из Байе, не являются типичными для ранних веков эпохи викингов; щит с остроконечным концом и длинная кольчуга сменили более ранние круглые щиты и короткую кольчугу, обнаруженные на рисунках с изображением воинов на камнях в Мидлтоне, хотя они заставляют предположить, что хорошо подогнанный остроконечный шлем с защитой для носа и щек использовался викингами на западе уже в начале X века. Более тщательно изготовленный шлем явился результатом развития тех моделей, что были найдены в Венделе или Саттон-Ху. Очевидно, данный тип сохранился и был изображен на некоторых камнях (например, на Нанбарнхольмском камне), но не являлся обязательной частью снаряжения каждого воина, которое считалось вполне завершенным при наличии копья и короткого ножа с одним режущим краем или сакса с характерным расширением позади острия, образующего угол.

Героические саги о норманнах сыграли второстепенную роль только в сравнении с их кораблями, оказав большое влияние на воображение народов, с которыми викинги сталкивались в своих походах. В переводах Уильяма Морриса и сэра Джорджа Дасента они убедительно свидетельствовали о том, что викинги постепенно переходили от безрассудной жестокости, проявляемой ими в отношении побежденного населения, к определенной лояльности. И их благородные порывы и стремление к порядку стали воспринимать в качестве

типичной черты, свойственной «нашим скандинавским предкам», как начали называть викингов. В. П. Кер приводит очень необычное объяснение данной аномалии, когда вдруг жаждущий крови разбойник, отправляющийся в походы в иные страны, дома оказывается почтенным сельским жителем. Исследуя этот вопрос, необходимо учитывать, что лучшие примеры скандинавских саг были записаны и увидели свет благодаря деятельности современников Дж. Чосера, живших три века спустя окончания эпохи викингов. Нет никакого сомнения, однако, что в основе своей саги сохраняли сознательно культивировавшуюся традицию устной передачи информации, которая ни разу не прерывалась начиная с раннего периода эпохи викингов и поэтому может поведать многое об интересующем нас народе, но было бы опасно полагать, что те события и факты, которые излагались в сагах, являются истинной и непреложной правдой об эпохе викингов. Вот что В. П. Кер говорит о сагах: «это запись творившегося “беспредела” — история в прозе, рациональная и безучастная по характеру, взвешивающая на все события в беспристрастном свете. В целом саги представляют такой вид литературы, которому не нужно ничего перенимать ни от идей гуманизма, ни рационализма». Такая точка зрения справедлива не только в описании характера саг, но и вполне верна в формировании нашего представления об их авторах. Однако мы не должны заблуждаться, приписывая четкость и ясность в описании

событий всем архаическим сказителям, которые в X веке сообщали, например, о визите Эгиля в Йорк, — приписывая в большей степени, нежели мы связываем достоинства «Гамлета» или «Макбета» Шекспира с Холиншедом или с утраченными английскими сагами, датируемыми X веком.

Мрачные описания, содержащиеся в «Речах Высокого», соотносимы с периодом викингов в большей степени, нежели уже слегка формализированный героизм некоторых персонажей саг, таких как, например, Гуннлауг или Гуннар. Подобный подход к описанию героев появился в сагах, поскольку те были записаны более поздними почитателями эпохи викингов, и поэтому оказались столь близки по духу переводчикам XIX века. Устная традиция, которую составитель саги использовал как сырой материал, возникла в эпоху викингов, и на ее основании мы можем представить, что захватывало народное воображение в то время. Однако литература периода викингов представлена в сагах только скальдическими поэмами, которые впоследствии цитировали различные авторы, поскольку полагали, что их строки были созданы в тот же период времени, к которому относились описываемые в сагах события. Данные поэмы не представляются нам совершенно удивительными и необъяснимыми, поскольку они всецело являются продуктом своей эпохи. Главный смысл их создания авторами заключается не в том, чтобы представить на наш суд совершенный стих или утонченность

литературной идеи, так как сюжеты в сальдической поэзии обычно просты — это, например, восторг, в который викинга привели дары или хороший корабль, похвала конунга, обеспокоенность грозящей опасностью, — поэтому главное усилие автора направлялось в большей степени не на создание изящного повествования, а на конструирование сложного метафорического образа, должного свидетельствовать о некоем виде остроумия и искусности самого сказителя. Часто исследователи проводят аналогии между литературой и скульптурой, что нередко опасно, однако нельзя не признать, что искажение нормального синтаксиса и фантастическая сложность прорисовки частных и малозначительных элементов представляют в скальдической поэзии параллель с искажением и гипертрофированием образа животного, являющегося типичным для искусства викингов. Когда Харальд Суровый, возглавлявший последний набег викингов, произносит перед Стэмфордбриджем стихи по поводу предстоявшей ему битвы:

И встреч ударами
 Синей стали
 Смело идем
 Без доспехов.
 Шлемы сияют,
 А свой оставил
 Я на струге
 С кольчугой рядом, —

но затем немедленно извиняется за свою немногословность, заявляя, что «эти стихи не были

достаточно хороши, мне придется сочинить лучше», и декламирует другую строфу:

В распре Хильд — мы просьбы
Чтим сладкоречивой
Хносс — главы не склоним —
Праха горсти в страхе.
Несть на сшибке шапок
Гунн оружием вежу
Плеч мне выше чаши
Бражной ель велела.

(Сага о Харальде Суrowом, 91),—*

мы чувствуем, что осознали что-то важное, что подводит нас к правильному пониманию взглядов викингов на литературное сочинение. Например, человеческая рука — это земля ястреба, так как во время соколиной охоты викинги помещали на руку сокола, а огонь руки — это золото колец; именно поэтому под фразой «богиня огня на земле ястреба» следует понимать «госпожа», образ (кеннинг), который в поэзии иногда изменяется, если ее автор опускает слово «огонь». Литература викингов, очевидно, включала также трагические баллады о Вельсунгах и различные поэмы о богах, как трагические, так и абсолютно нелепые. Если говорить о других направлениях в литературе, то можно отметить, что у викингов была и высокопрофессиональная поэзия, создававшаяся на заказ по определенному случаю. Современному читателю такая поэзия неизбежно должна

* Перевод стихов О. А. Смирницкой.

показаться недостаточно прочувствованной, особенно если сравнить ее с современной эпохе викингов поэзией англосаксов. Только в некоторых поэмах о море можно ощутить образы как реальной, так и выдуманной действительности, созданные авторами саг.

Если мы проявим достаточную предусмотрительность и осторожность, рассматривая саги как свидетельство определенного литературного вкуса (или событий) эпохи викингов, мы можем многое узнать о контактах между ранней скандинавской литературой и другими европейскими литературами этого периода. Поэтов, работавших на Британских островах на правителей, которые были викингами по происхождению, можно отличить от других авторов, так как для английских поэтов характерен более красочный стиль в изложении событий, описываемых в поэме, и точная рифма и, кроме того, они многое заимствовали от сохранившейся и культивировавшейся на территории англосаксонской Англии латинской поэзии. Неточная рифма и особая стихотворная форма скальдической поэзии уходят корнями в поэзию ирландских профессиональных поэтов, если принять версию, предложенную профессором Турвилль-Петра. Во всей Скандинавии был принят литературный стиль, созданный северными сказителями, сохранившими в своем творчестве ирландские и английские мотивы, которые появились в английской среде, и этот стиль также служат напоминанием об истоках происхождения некоторых декоративных

стилей в искусстве викингов. Другую сторону контакта скандинавов с британцами и ирландцами необходимо рассмотреть, опираясь на сохранившийся церковными хронистами материал, который использовался более поздними авторами как основа для создания саг. Мы обладаем некоторыми свидетельствами, позволяющими сделать вывод, что епархия архиепископа Йорка, занимавшаяся в том числе и вопросами культуры, находилась на службе у викингов.

Наполненный запутанными историческими событиями период между вторжением Великой Армии в 867 году и смертью Эйрика Кровавая Секира постепенно можно будет восстановить полностью, исследовав чеканку монет, осуществлявшуюся церковными монетными дворами по повелению тех или иных английских правителей скандинавского происхождения, в то время как район Пятиградия, который не обладал ресурсами Йорка, по всей видимости останется во многом неизвестным для историка. К сожалению, воссоздание истории викингов в Британии затрудняется и тем, что церковные хронисты более позднего времени уже не искали оснований для своих сообщений о тех или иных событиях исключительно в устной традиции норманнов, которая господствовала в королевствах викингов, хотя для нас апелляция хронистов к взглядам скандинавов была бы весьма ценна. Тем не менее очевидно, что на территории Британии существовала некая письменная хроника, которая оставалась в Йорке в течение всей его оккупации англо-

саксами, и она восприняла, хотя и частично, скандинавскую версию, описывая события с точки зрения норманнов и их влияния на интересы викингов, в отличие от других летописцев, которые рассматривали викингов только как врагов. Она, конечно, не сохранилась, но ее существование можно доказать, ссылаясь на то количество письменных сообщений, описывавших события этого периода с норманнской точки зрения, которые представлены церковными летописцами севера Англии, основывавшихся, вероятно, на одном общем письменном источнике. Некоторое указание на восприятие скандинавской точки зрения английскими церковными хронистами содержится также в манускрипте «Англосаксонской хроники», которая является продолжением хроники, созданной в Йорке: она ничего не сообщает о великом поражении скандинавов в битве при Брунанбурге (сражение в долине Винхейд в саге об Эгиле), но представляет отдельные записи о земельных интересах той или иной семьи, которые мы также встречаем в так называемых родовых сагах: «В этом году Ситрик убил своего брата Ньяля в Ирландии».

Однако, реконструируя исторические события, мы не можем всецело полагаться только на интерпретацию литературных источников, которые в любом случае отличаются от литературной формы, существовавшей в тот же период времени в самой Скандинавии эпохи викингов. Но разумное и осторожное использование письменных источников в какой-то степени

делает для нас возможным составить свое представление о идеях и целях людей, живших и действовавших в эпоху викингов. С другой стороны, этот период времени часто представляется исследователями как некий необъяснимый взрыв человеческой энергии, сила которого в течение трех веков вела скандинавов через моря известного в то время мира, оставив после себя несколько топонимов, диалектных слов и героические истории, сюжеты которых столь последовательны, что заставляют нас говорить об оригинальном и поэтому легкоузнаваемом стиле и духе.

Алан Л. Биннс

Скандинавские истоки

Любая новая культура обычно является результатом постепенного развития, но в некоторых условиях значительные изменения могут происходить столь быстро, что мы оказываемся лишены возможности определить решающие факторы, воздействовавшие на процесс становления культуры. Контакты с другими странами важны, но не могут выступать в качестве единственных определяющих факторов культурного развития. Для Скандинавии эпоха викингов, на первый взгляд, может представляться периодом подобного резкого скачка в развитии культуры, но более пристальное изучение археологического материала свидетельствует, что в этот период были сохранены все основные признаки культуры, сложившейся до эпохи викингов. Постепенное ее развитие в контакте с Западной Европой уже происходило в предшествующий период, в Вендельскую эпоху, названную так по месту в Упланде (Средняя Швеция), где были обнаружены захоронения в ладьях. В данных захоронениях,

как и в других захоронениях в ладьях, умершие погребались с пищей, оружием и предметами быта, среди которых уже были найдены стеклянные кубки и шерстяная одежда из Западной Европы.

Большой хутор на острове Хельге на озере Меларен, в 12 милях от Стокгольма, находился в тесном контакте с Западной Европой уже в VIII веке, а его владельцы, по всей видимости, были торговцами-мореплавателями и бондами (сельскими хозяевами). Орнамент с изображениями животных, обнаруженный на предметах, например изготовленных из металла, из скандинавских погребений этого времени, также свидетельствует о связи с Западной Европой и о том, что искусство резьбы по дереву в это время было забыто мастером, работавшим с другим материалом; однако более адекватным проводником к пониманию идей рассматриваемой эпохи (которая не оставила нам письменных источников) является художественная резьба на камнях на острове Готланд, в особенности резьба, которая относится к VIII веку. Изображения на камнях представляют Вальхаллу и сцены из легенды о Нибелунгах, напоминающие об исландских сагах и скальдах, которые ассоциировались с эпохой викингов; так как поэмы скандинавского происхождения этой эпохи не сохранились, древнеанглийский «Беовульф» с богатым материалом по истории Скандинавии является нашим единственным письменным источником, сопоставимым с археологическими данными.

Илл. 1, 22

Археологический материал эпохи Вендель ясно свидетельствует об одном факте: за ранними эпизодическими контактами скандинавов с другими балтийскими землями вскоре последовала колонизация последних. В Гробине, на востоке от Либавы (совр. Лиепая) в Курляндии (Латвия) Биргер Нерман, проводя раскопки с 1929 года, обнаружил три отдельных поля погребений, относящихся приблизительно к периоду от 650-го до 800 года. В одном из захоронений, содержащем около тысячи кремированных останков, были найдены как оружие, так и броши, которые представляли собой типичные образцы искусства, развивавшегося на острове Готланд. К этому же типу относится еще одно из данных полей погребений. Совершенно иные черты были свойственны третьему полю. Над его захоронениями возводились курганы, и предметы, обнаруженные в погребениях этого типа, свидетельствуют о контактах уроженцев Гробиня с жителями долины оз. Меларен в Средней Швеции. Недалеко от Гробиня располагается большой «форт», окруженный земляным валом. На его территории найдены наконечники стрел и керамика меларнского типа. Возможно, Гробиня — это тот самый Зеебург, город семи тысяч воинов, упоминание о котором мы находим у Римберта в жизнеописании святого Ангария. Также сочинение Римберта указывало на существование «форта» в Апулии, которая находилась, как сообщает автор, южнее Гробиня в Курляндии (совр. Апуоле в северо-западной Литве), где действительно был

обнаружен один из крупнейших древних «фортов» на Балтике. Представляется даже возможным предположить, что множество наконечников стрел, которые были найдены в насыпи перед «фортом», являются свидетельством шведских набегов на территорию современной Литвы.

Другая колония Готланда на южном берегу Балтики находилась рядом с Эльбингом. Возможно, это укрепленное поселение можно считать «фортом» Трусо, которое описал Вульфстан королю Альфреду. Погребения на территории этой колонии, представляющие типичные черты захоронений острова Готланд, появляются на территории Балтики уже в VIII веке и сохраняются вплоть до эпохи викингов.

У нас нет свидетельств о строителях и жителях этих поселений, несмотря на то что в нашем распоряжении находятся запутанные рассказы Харальда Серая Шкура и Сигурда Хринга в более поздних сагах. Только от последующей эпохи викингов сохранились письменные источники. Но даже несмотря на сочинения Римберта, Отера и Вульфстана, для того чтобы исследовать историю Скандинавии в данный период, мы практически всецело должны полагаться на археологические данные.

Климат

Климат и условия жизни населения не подверглись радикальным изменениям. Распространение людей по территории Скандинавии можно проследить благодаря археологическим данным и топонимам: плотность населения, выросшая в Западной Европе, как, впрочем,

и в Скандинавии, начиная с VII века достигла высшего пика в X веке. В Норвегии, например, в течение всего VII века хутора строились на гористых землях, на месте которых сейчас располагаются горные пустоши. Возможно, что в то время деревья на склонах росли немного выше, чем сейчас, но люди оказывались не готовы отстаивать свои отдаленные поселения на территории, отвоеванной у природы, и, исследуя поздний период эпохи викингов, в этих местах мы уже не встречаем археологических находок, так как люди покинули свои поселения, и те просто превратились в летние пастбища. В то же время наиболее легкие песчаные почвы и морена, по-видимому, находились в активном использовании, а более тяжелый глинистый грунт должен был ждать наступления XVIII века и появления мелиоративной системы, чтобы люди могли использовать эти земли не только в качестве пастбищ.

В настоящее время мы не располагаем большим материалом о формах постройки, существовавшей в рассматриваемый период, так как дома строились из дерева и не дошли до наших дней. Но представляется вполне вероятным, что население жило как на изолированных хуторах, так и в деревенских общинах, возможно в разных пропорциях в различных частях Скандинавии. Например, усадьба в Эдсвикене на севере Стокгольма состояла из хозяйского дома и группы небольших подсобных помещений (включая кузницу, где плавил железо и отливали бронзу). Там, где дорога проходит

Поселения

через вершину горной гряды, на скале высечена руническая надпись, датированная XI веком: «Атфари и Торгильс высекли эти руны в память о Хорси, своем отце, и Видфари, своем брате». На невысоком холме к западу от хутора находится поле погребений. Тела умерших в богатых украшениях кремировали в каком-то другом месте, а затем их прах доставлялся на погребальное поле, где над могилой возводился небольшой курган или устанавливались каменные фигуры, образовывавшие квадраты и треугольники. Хутору в Эдсвикене также принадлежало другое кладбище, за болотистым лугом, могильные курганы которого переполнены кремированными останками. Возможно, это кладбище предназначалось для погребения рабов.

Несмотря на то что усадьбы, подобные описанной выше, создавались для ведения замкнутого натурального хозяйства, в эпоху викингов существовали ремесленники, специализировавшиеся в том или ином деле и бродившие от поселения к поселению, подобно появившимся позднее точильщикам ножей. Об одном из таких ремесленников, жившем, видимо, на острове Готланд, мы можем составить ясную картину. Принадлежавший ремесленнику дубовый ящик с рабочим инструментом и два помятых бронзовых котелка, находившиеся рядом с ящиком, были найдены в 1936 году земледельцем, разрабатывавшим поле на месте высохшего Мястермюрского озера. Возможно, ящик упал за борт летом или ушел под лед зимой,

когда ремесленник перебирался через озеро. Владелец ящика был разносторонним человеком. Для выполнения тяжелой работы по металлу в его распоряжении находились мощные молоты, болванка для клепки металла и инструмент для изготовления гвоздей. Для более легкой, например декоративной, работы по металлу он мог использовать напильники и кернеры. По-видимому, ремесленник также работал с медью, так как пользовался специальным молотом дляковки медных котелков изнутри, обжимкой для клепки металлов и ножницами, которые человек, нашедший ящик с инструментами, мог использовать по назначению и разрезать металлический лист. Возможно, ремесленник вырезал ножницами необходимые для ремонта медных изделий куски из своих помятых котелков, делая из них заплаты. Его можно назвать и плотником, так как в набор инструментария, найденного в ящике, входили топоры, тесло, рашпили, замечательная пазовая пила и рубанок для профильной резки, необходимый при обтесывании гарпунов для охоты на китов и других предметов. Одно из долот, принадлежавших ремесленнику, очень напоминает долото современного бондаря. Это значит, что наш ремесленник с таким же успехом мог делать и бочки. Весы, которые он использовал, заботливо отрегулированы и изящно украшены, что предполагает, что ремесленник продавал результаты своего труда (такие как, например, висячие замки и три больших коровьих колокольчика) на вес. Поразительно,

Илл. 3, 4, 5

- Илл. 4

как похожи его инструменты, относящиеся к позднему периоду эпохи викингов, на инструменты периода начала индустриальной эпохи.

Мы соприкасаемся с культурой эпохи викингов также в районе Ольборга в Дании, где в ходе археологических раскопок были расчищены часть деревни и поле погребений. Деревня отличалась большим количеством домов, построенных в пределах деревянного частокола. Деревенское кладбище находилось за пределами деревни на холме, с которого открывался вид на Лим-фьорд с одной стороны и пролив Каттегат — с другой. Первые захоронения, относящиеся к VI веку, располагались на вершине холма, с течением времени новые захоронения возникали на южных склонах, ниже уровня старых погребений, подобно годовым кольцам на дереве. В конце X века деревня оказалась засыпанной песком, как Помпеи были погребены под лавой, и с тех пор находилась в полной неприкосновенности. Когда археологи расчистили деревню и погребения, перед исследователями предстало кладбище, оказавшееся в точности таким, каким оно было оставлено в X веке, с камнями, установленными так, чтобы образовывались фигуры в форме треугольников, кругов и квадратов; на месте погребений не выросла новая растительность, и ни один камень не был сдвинут со своего места. Распаханные поля, принадлежавшие жителям деревни, простирались вплоть до самого кладбища и в настоящее время все еще видны длинные, узкие и глубокие борозды,

Илл. 6

тянувшиеся по направлению к центру поля. Такая вспашка позволяла сделать почву достаточно рыхлой, чтобы создать условия для поддержания ее плодородности. Возможно, кладбище, а вместе с ним и пашня были засыпаны осенью сразу после вспашки. Вдоль поля проходила довольно узкая дорога, на которой сохранился след двухколесной повозки, проехавшей по вспаханной борозде как раз перед штормом, принесшим песок.

Когда люди вновь пришли в эти места (в этот раз они селились в верхней части старого поля с захоронениями), форма строительства поселений изменилась. Впервые в Скандинавии в середине XI века начали строить усадьбы, где хозяйственные и жилые постройки располагались вокруг внутреннего двора, став общим типом для жителей южной Скандинавии. Он давал людям убежище, что было действительно важно, так как поселение располагалось на открытой стороне старого поля погребений над Лим-фьордом. Возможно, по той же причине некоторые из построек подобного типа, обнаруженные в Линдхольме, были окружены массивными деревянными изгородями.

Совершенно иной тип построек характерен исключительно для Дании (возможно, что по его примеру велось строительство поселения в Англии в Уорхэм Кэмпе, недалеко от Уэльса в Норфолке). Оно состоит из круговых военных лагерей, окруженных большим валом (который был первоначально дополнен частоколом) и рвом. Внутри лагеря располагались дома, от

*Военные
лагеря*

Илл. 24

которых до нас дошли только некоторые части плана первых этажей. Дома строились в форме ладьи в группах по четыре дома вокруг центрального внутреннего дворика. В Треллеборге были найдены четыре группы домов, каждая из которых занимала одну четвертую часть круговой зоны. Треллеборг, находящийся на западном побережье Зеландии, является самым известным из поселений этого типа, данные о котором были опубликованы в 1948 году археологом Поулем Нерландом. Недавние раскопки, производившиеся доктором Шульцем, привели к открытию другого важного и большего по размеру лагеря в Аггерсборге, состоявшего уже из 48 домов. Также доктор Шульц исследовал аналогичный лагерь в Фюркате. Четвертый лагерь находился в центре современного города Оденсе; в нем проводились полевые работы с целью определения типа построек.

Точный порядок, сопровождавший строительство подобных лагерей, указывает на наличие в них жесткой дисциплины, чуждой обычным гражданским поселениям эпохи викингов. Поэтому может представляться, что эти поселения были спроектированы с военными целями, но теория, указывающая, что население лагерей состояло исключительно из мужчин, может быть опровергнута обнаружением большого количества женских скелетов в Треллеборге.

Лагерь в Треллеборге довольно маленький, если сравнивать его с лагерем в Аггерсборге, используя в качестве стандартной единицы измерения римский фут (11,613 дюйма). Так,

например, расстояние от центра лагеря до внутренней стороны круглой насыпи в Треллеборге составляет только около 234 римских футов в сравнении с 407 футами, зафиксированными в лагере в Аггерсборге. Тем не менее в более позднее время, видимо, назрела необходимость расширить лагерь, и за внешней стороной укреплений были построены пятнадцать домов, которые затем были окружены другим, меньшим по размеру, валом. Возможно, что именно подобные большие лагеря, как мы полагаем, определенно свидетельствуют об организованном военном духе, свойственном позднему периоду эпохи викингов, когда даны управляли огромной империей, протянувшейся от Северного моря до островов Силли. Если это так, то военные силы, которыми командовали такие короли, как Кнут и Свейн, должны были быть очень могущественными; раскопки показали, что лагерь в Треллеборге мог вмещать около двенадцати сотен вооруженных людей.

Однако военные лагеря все же довольно редки и стоят особняком в изучении истории викингов. Наиболее полную информацию о культуре данной эпохи мы получаем, исследуя захоронения, часто с очень богатым и разнообразным инвентарем. Многие из умерших кремировались, но курган не всегда возводился на месте кремации. Люди считали, что умершие, по крайней мере в течение определенного времени, продолжали жить на месте своего захоронения, и поэтому клали в погребение оружие, игрушки, пищу и т. д. Но иногда исследо-

Погребения

вателям встречаются очень простые захоронения, в которых находится только глиняный горшок с пеплом, собранным после кремации, и немногочисленные предметы быта.

В действительности нам очень мало известно о представлениях викингов о загробной жизни. Яйца и небольшие хлебцы, которые встречаются в некоторых могилах, вполне вероятно могли быть связаны с верованиями в возможность воскрешения. В доказательство существования у викингов веры в продолжение жизни после смерти можно привести отрывок из очень детального, появившегося в рассматриваемый период времени, отчета о путешествии, составленного арабским автором Ибн Фадланом, затронувшим вопрос о погребальных обычаях скандинавов, о которых ему рассказал один из викингов, находившихся на территории Руси, около 920 года. Норманн объяснил, почему скандинавы сжигали своих умерших: «Вы, о арабы, глупы. Воистину, вы берете самого любимого для вас человека и из вас самого уважаемого вами и бросаете его в прах (землю) и съедают его прах и гнус и черви, а мы сжигаем его во мгновение ока, так что он входит в рай немедленно и тотчас»*.

Однако следует иметь в виду, что Ибн Фадлан работал с переводчиком: возможно, арабский автор не смог правильно и точно понять и воспроизвести комментарий викинга об обрядах

* Цит. по: *Ковалевский А. П.* Книга Ахмеда Ибн Фадлана... — С. 145.

захоронения. Более того, поскольку в отчете Ибн Фадлана появилось слово «рай», можно сделать вывод, что он по-своему истолковал слова викинга и вынес из них информации больше, чем они предполагали в действительности.

Периодически в Скандинавии встречаются захоронения без кремаций, как в простых погребениях в «гробах», так и в больших погребальных камерах: они характерны для Бирки. Так как захоронения часто ориентированы на восток и запад, возможно, они свидетельствуют о распространении христианского влияния. Наиболее важные захоронения без кремаций, дошедшие до нас от предшествующего периода, представлены грандиозными погребениями в ладьях, которые встречаются на всем протяжении речного пути через города Вендель, Вальсгерде, Туна и Ультуна. В течение всего периода викингов (пока они не перешли к созданию бескурганых кладбищ в конце XI века) большие и богатые семьи следовали старой традиции захоронения. Но неясно, есть ли какая-нибудь связь между представленными захоронениями в ладьях, гробах и погребальных камерах. Последние, возможно, появились в Скандинавии вместе с купцами с континента и могут быть также связаны с миссией Ангария. Сначала погребальные камеры стали популярны в южной Скандинавии и Бирке и лишь периодически возникали где-либо еще. В целом для периода эпохи викингов кремация является наиболее распространенным ритуалом в Средней Швеции, но не во всей

Скандинавии: так, например, в Сконе доминируют погребения без кремации, а в Дании пропорция кремаций к ингумациям составляет примерно два к трем.

Погребения в ладьях без кремации не являлись монополией только значительных семей землевладельцев Венделя, Вальсгерде и Туны. Крупное захоронение в ладье в Орбю к северу Уппсалы было, к несчастью, разграблено в древности, но оно тем не менее хорошо представляет процедуру захоронения. Ладья помещалась в большую яму, умершего клали на постель из травы, а вокруг него — оружие

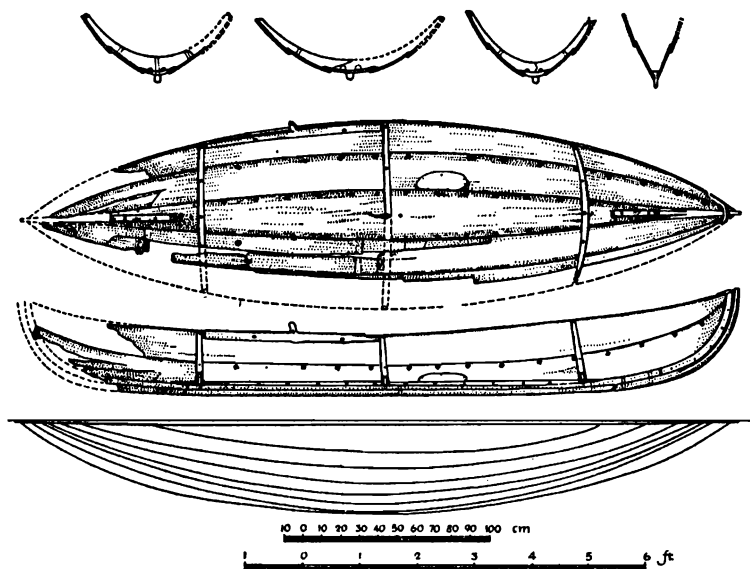

Рис. 1. Лодка, обнаруженная в погребении эпохи викингов в Орбю (Уппланд)

(позднее украденное) и домашнюю утварь. Рядом с ладьей лежал убитый арабский жеребец, вместе с собакой породы грейхаунд. Ладья была покрыта досками, включая старые полозья от саней, и затем засыпана землей.

В Туне в Вестманланде обнаружены восемь аналогичных небольших ладьей (20 футов в длину), в каждой из которых была захоронена женщина. В одном из погребений старая женщина лежала на соломенном тюфяке на похоронных дрогах, на ней было великолепное жемчужное ожерелье с серебряным кулоном. Сохранившиеся части декоративного плетения, восточных шелков и разноцветной каймы одежды женщины свидетельствуют, что она происходила из знатной и богатой семьи. В носовой части ладьи находилась кухонная утварь: глиняные и деревянные кубки, сковорода, квашня, кувшины для хранения пищи, ящики из бересты, а также аккуратно поставлена чаша и аккуратно положена богато украшенная резьбой деревянная ложка. Весла были установлены на фальшборте, будто готовые к последнему путешествию. Захоронения мужчин в ладьях, которые, очевидно, должны находиться на другом участке, все еще не обнаружены.

Однако наиболее известные из всех могил эпохи викингов находятся в Вестфольде в Норвегии — в Усеберге, Гокстаде, Туне, Борре; местные правители были захоронены в небольших парусных судах, например погребение в ладье в Усеберге, или в обладающих хорошими мореходными качествами кораблях (погребения

Илл. 8, 9,
10

Илл. 7

в Гокстаде и Туне). Глинистые почвы этого района хорошо сохранили деревянные суда, которые практически не дошли до нас из других областей Скандинавии, и по этой причине захоронения Вестфольда предоставляют исключительно ценную информацию об искусстве и жизни норманнов в этот период времени. Ладья в Ладбю, которую датируют 900 годом, обнаруженная на острове Фюн (Дания), была довольно большим, но не подготовленным для длительных морских путешествий кораблем, использовавшимся, видимо, в качестве сторожевого судна только для каботажного плавания вдоль побережья.

*Рост
торговых
городов*

Несмотря на то что хутора, деревни и традиции захоронения, которые мы находим на территории Скандинавии, не позволяют провести резкое разграничение эпохи викингов от их предшественников, тем не менее существует признак, способствующий решению этого вопроса. Дело в том, что эпохе викингов свойственно широкое развитие торговли и соответственно становление торговых городов и появление профессиональных купцов. Впервые сведения о торговом городе в Скандинавии мы находим в «Анналах франкских королей» 804 года, описывающих вторжение данов под предводительством Готфрида. Сам Готфрид, как сообщает хроника, был родом из Слиесторпа, находившегося на границе между племенами данов и саксов. Готфрид прославился тем, что четырьмя годами позже начал войну против славянского племени ободритов, разрушил их торго-

вый город Рерик (Росток?) и переселил всех торговцев этого города в родной Сliestорп (под этим названием, как полагают историки, скрывался скандинавский Хедебю). Хедебю находился в основании полуострова Ютландия и, таким образом, контролировал торговый путь из Северного моря на Балтику, являясь постоянным предметом споров между данами и германцами. Некоторое время город находился под властью королевского дома из центральной Швеции, пока в 934 году Хедебю не захватил германский король Генрих Птицелов.

Довольно большая часть Хедебю сохранилась. Поражают воображение огромные полукруглые земляные укрепления, окружающие город. В некоторых местах они достигали 30 футов в высоту. Однако массивные оборонительные сооружения не возводились в ранний период жизни города, а появившиеся позднее укрепления часто перестраивались. Хедебю занимал обширную территорию в 60 акров и соединялся через систему земляных укреплений с Холлингштедтом, портом, находившимся в 11 милях от города на той стороне полуострова, что обращена к Северному морю. Город располагался на берегах реки Трене, впадающей в Эйдер, вверх по которому плавали корабли из Северного моря. Груз, прибывавший на них, перекладывали на специальные повозки в Холлингштедте и везли до земляных укреплений в Хедебю, а оттуда по судоходной реке можно было выйти к Балтийскому морю и другим торговым судам. Именно этим торговым путем

из Фрисландии в Скандинавию прибывали яркие цветные ткани и предметы роскоши, например специи и изделия из стекла. Первоначально Хедебю был небольшим городком, и только в течение X века он расширился и постепенно стал занимать большую часть территории в пределах полукруга оборонительных сооружений. Через город проходил речной поток с укрепленными берегами, вдоль которых строились здания различного размера — от 22 на 54 футов до 10 на 10 футов, которые представляли как складские помещения, так и жилые дома и небольшие мастерские. Постройки, принадлежавшие тому или иному купцу, окружались плетеной изгородью. В пределах ограждений часто выкапывали колодец, и многие купеческие постройки, находившиеся непосредственно на берегу реки, имели ступеньки, выходившие к воде.

За первым насильственным переселением купцов из Рерика в Хедебю последовало, согласно жизнеописанию святого Ангария, написанного Римбертом, дальнейшее заселение города различного рода торговцами из разных районов Скандинавии. Римберт сообщает, что после того, как в Хедебю была построена христианская церковь и город стал безопаснее для многих европейских купцов-христиан, торговцы-саксы из Гамбурга и Бремена или купцы из Дорестада свободно посещали Хедебю без страха, что ранее не представлялось возможным. Саксы и фризы, по-видимому, играли значительную роль в развитии торговых связей

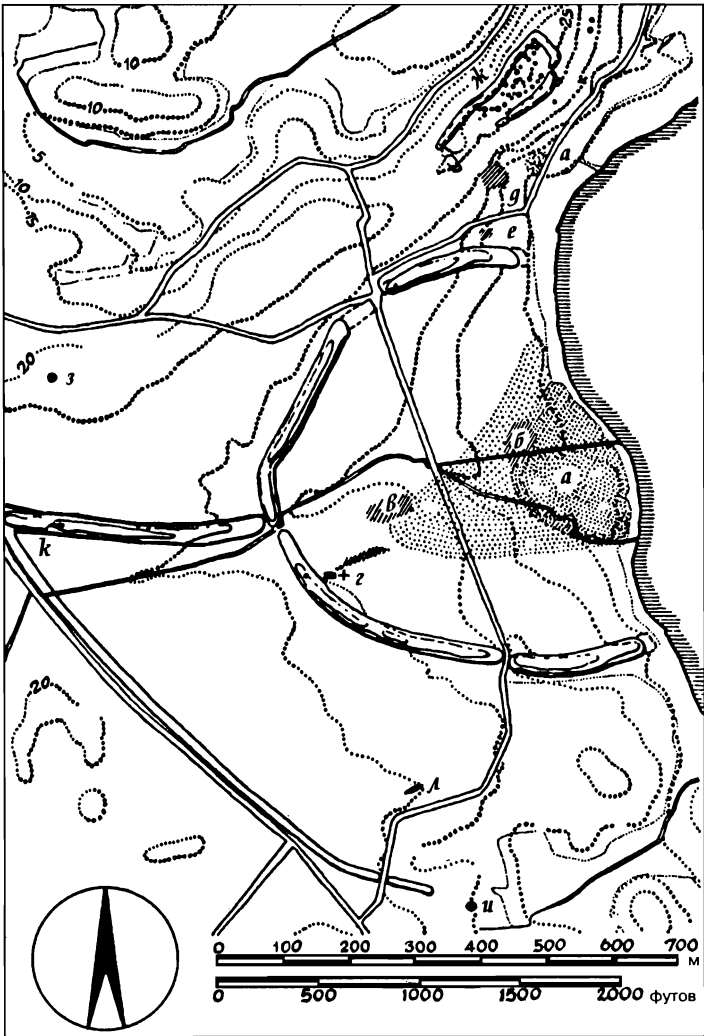

Рис. 2. План построек в Хедебю (Ютландия):
а) древнейшее поселение; б) квартал ремесленников; в-е) кладбища периода викингов; ж) укрепления на холме; з, и) древние погребальные курганы; к) погребение VIII века; л) погребение в ладье

Хедебю, хотя нам неизвестно, жили ли они там постоянно. Совершенно иное и довольно негативное описание города и его жителей в конце X века дано арабским историком Ай-Тартуши. Перед ним предстал, как он сообщает, большой, грязный и бедный город, жители которого питаются исключительно рыбой, пьют, будто воют подобно собакам, и поклоняются Сириусу. Вероятно, в то время, когда Ат-Тартуши посещал Хедебю, условия жизни населения резко ухудшились (поскольку X век был менее мирным, чем IX век). Кроме того, отношение арабского историка к жителям (которые, как он говорит, использовали мазь, сохранявшую красоту и молодость с возрастом) напоминает отношение современного европейского туриста, рассказывающего о примитивных народностях, с которыми он столкнулся в своих путешествиях. Такие рассказы неизменно представляют некую смесь романтизма и патронских чувств. Поэтому эти свидетельства можно использовать в качестве исторического источника, только проявляя большую осторожность.

Из Хедебю некоторые товары направлялись в другой самый старый из известных торговых городов Швеции — Бирку на северо-западе острова Бьерке, около озера Меларен. В нашем распоряжении находятся два довольно полных описания Бирки. Одно из них можно найти в сочинении Римберта «Житие святого Ансгари», относящемся приблизительно к 870 году, а другое — в датируемом 1070 годом труде

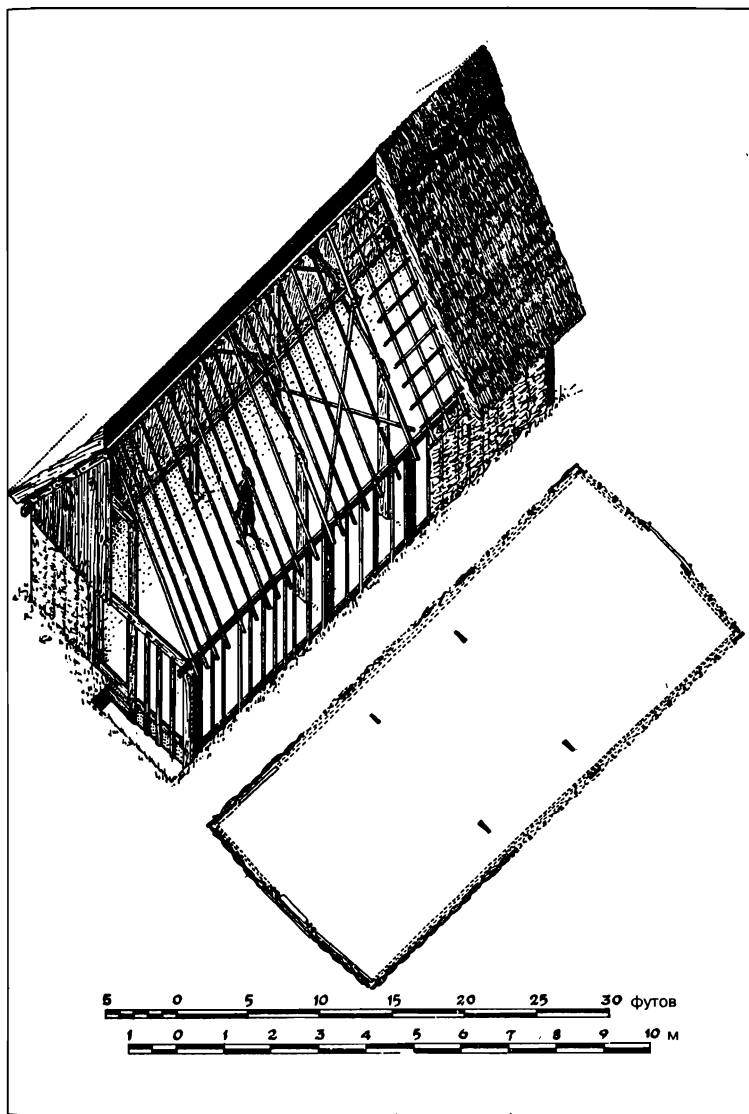

Рис. 3. Аксонометрическая реконструкция и план дома в Хедебю

Адама Бременского (который, однако, не был в Скандинавии и всецело полагается на сообщения Римберта о путешествии Ангария в Скандинавию). Рост научного интереса к изучению Бирки современными учеными оказался связан с археологическими раскопками, проводившимися Яльмаром Стольпе, которого направлял его интерес к янтарю, обнаруженному в водах у Бирки. Исследовав поселение, он пришел к выводу, что оно представляет собой некий старый торговый город. Яльмару Стольпе также позднее сообщили, что гораздо больше находок, по-видимому, можно сделать, проводя раскопки в районе так называемой Черной Земли (которая оказалась местоположением обширного древнего города), нежели на берегу моря. Сам город и принадлежащие ему кладбище и форт всесторонне и тщательно исследовались начиная с 1880-х годов, и в результате проделанной кропотливой работы перед исследователями предстала весьма полная и детальная картина поселения, которое фактически можно назвать метрополией викингов. Форт был построен на вершине скалы 100 футов в высоту и контролировал доступ к гавани. На западной стороне форта, находившейся под защитой скалы, не требовалось возводить оборонительные сооружения, но на оставшихся трех сторонах были установлены мощные крепостные укрепления из земли и камней 6 футов в высоту и от 25 до 50 футов толщиной с тремя воротами. Северная сторона форта обращена к узкому проливу и помещью

Илл. 15

Адельсе. Теперь жители острова называют его «Воротами Короля», и вполне вероятно, что Адельсе было королевским владением уже в IX веке.

Город располагался в 50 ярдах к северо-востоку от форта, так что между ними оставалось некоторое пространство, видимо намеренно созданное строителями поселения. Хотя район на месте Бирки называется Черной Землей (он получил это название от темной окраски из-за фрагментов древесного угля и органического материала, который придал почве черный цвет, отличающий ее от почв других частей острова), мы не обладаем свидетельствами, что город когда-либо сжигали. В Бирке приходится исследовать лишь остатки хозяйственной жизнедеятельности (мусор), оставленные поколениями. На территории поселения археологи обнаружили два типа дома. Стены одного из них были составлены из плетеных прутьев, обмазанных глиной. Видимо, ее предварительно выравнивали и укладывали частями на стены дома, так что прутья все-таки оставались различимыми. Другой тип дома представлял собой сруб. При его строительстве использовали огромные вертикальные деревянные балки, которые тщательно подгоняли друг к другу. Промежутки между балками закрывали смесью глины и мха. Вероятно, большие, треугольные в разрезе глиняные куски, которые исследователи находят на территории древней Бирки, представляют остатки построек данного типа. Однако у нас нет причин предполагать,

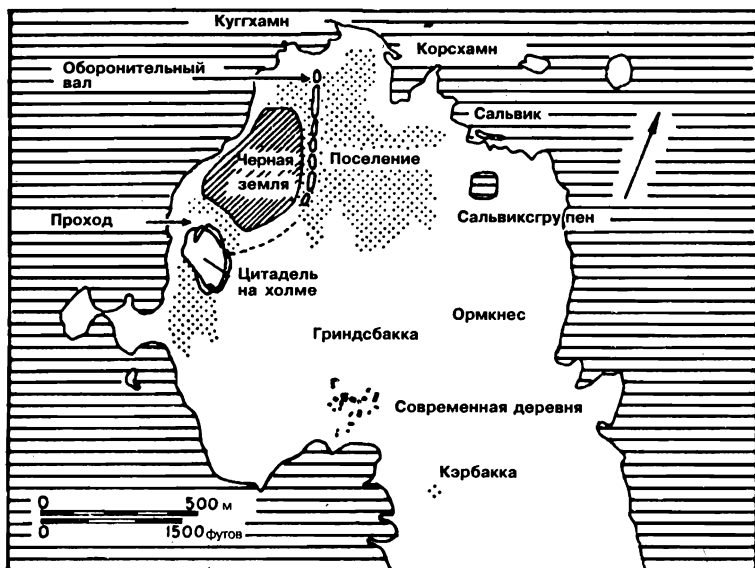

Рис. 4. План Бирки.

Территории кладбищ отмечены точечным заполнением

что описанные выше две техники строительства относятся к двум различным временным периодам жизни города. Строительство в Хедебю велось иными способами и, насколько мы можем предполагать, отражало разные национальные традиции. С этой точки зрения исследователи различают два подхода к строительству, который был характерен для Бирки — германский и скандинавский. Западно-германский способ заключался в укреплении стены дома с внутренней стороны с помощью досок, в то время как его внешняя сторона представляла собой плетение из прутьев (ср. *wand*: «wall», стена). Скандинавский тип постройки

отличает стена, составленная из вертикальных балок. Мы не встречаем аналогичного смешения народов (или традиций) где-либо еще за пределами Бирки, однако это не позволяет нам прийти к какому-нибудь определенному выводу в отношении данных типов строения. Бирка занимала площадь около 30 акров. Она имела свои собственные укрепления, из которых сохранилась только оборонительная стена в 500 ярдов, протянувшаяся к заливу Кутгхамн (фризское: гавань для торговых кораблей). Эта стена, возможно, расширялась в противоположном направлении к форту. Данное оборонительное укрепление достигало 6 футов в высоту и 20–40 футов в ширину, проходя вдоль вершины невысокого хребта, на довольно большом расстоянии от города. Оно, по-видимому, предназначалось, чтобы на раннем этапе определить угрозу возможного нападения, с этой целью и было оставлено пространство между городом и стеной для отражения атаки. Его могли также использовать и как контрольный пункт над любыми другими оборонительными сооружениями, отстоящими от горного хребта на некоторое расстояние. На сегодняшний день в сохранившейся части укрепления найдено не менее шести проходов. Навряд ли они предназначались для установки ворот, так как население города не нуждалось в таком количестве ворот на кладбище. Скорее всего, здесь высились деревянные сторожевые башни, не сохранившиеся до настоящего времени. Часть городского вала, возможно, была увенчана

деревянной стеной, которая напоминает крепостные стены, окружавшие русские города в более позднее время.

Побережье окружали фортификационные сооружения в форме полукруга, оставляя его открытым ветрам в трех направлениях. Найденные здесь остатки свай из тяжелого дуба, возможно, являются сохранившимися элементами пристани и волнорезов. Город имел несколько гаваней. Мы упоминали об одной из них — Кутхамн. Другая гавань — Корсхамн — соединяла город с находившимся в восточной части острова искусственным водоемом, Салвиксгрупен, стороны которого достигали 180 футов. Водоем, в свою очередь, выходил к длинной лагуне (200 ярдов) с искусственным входом. Большое количество пепла, найденного в отверстиях в насыпи, выходящей к морю, как раз на запад от форта, объясняется тем, что в данном месте была установлена обращенная к проливу Седертелье сигнальная башня.

*Илл. 12, 14
16, 17*

Бирка прежде всего была торговым городом и сохраняла свое значение большого торгового центра не только в летний, но и в зимний периоды времени. Во многих могилах на кладбище поселения найдены шипованная обувь и большое количество коньков, свидетельствующих о том, что торговля не прекращалась и тогда, когда замерзало озеро, соединявшее город с Балтийским морем. Кроме того, зима была лучшим временем года для торговли мехами, так как зимние меха считались самыми лучшими и являлись главными товарами,

которые обменивались на серебро и шелк с Востока, а также соль, одежду и предметы роскоши из Западной Европы.

Бирка была, таким образом, важным торговым центром в Скандинавии, наравне с Хедебю: как и Хедебю, Бирка первоначально не имела укреплений: городская насыпь и вал были здесь возведены только в X веке, довольно беспокойном периоде на Балтике. Действительно, около 900 года место, где находилась сигнальная башня, было выровнено и укреплено, возможно, чтобы усилить оборонительные сооружения города. Здесь в большом количестве найдены оружие, части кольчуг, умбоны, ножи, наконечники копий и стрел, т. е. в основном предметы военного назначения, но совершенно отсутствуют вещи, которые могли бы принадлежать женщинам. Представляется вероятным, что в домах, сделанных из глины, находился гарнизон города.

Третьим важным пунктом развития торговли в Скандинавии был Каупанг в Скирингссале на западной стороне Осло — фьорда в Норвегии. В ходе раскопок, проводившихся доктором Шарлоттой Блиндхейм, здесь было обнаружено целое кладбище, на котором хоронили купцов. Могилы на нем располагались близко друг к другу и были одинаково оформлены; в основном умерших хоронили в ладье, в которую клали некоторые предметы, использовавшиеся ими в торговле, например маленькие и изящные бронзовые весы (с их помощью взвешивали серебро и золото, которое служило для

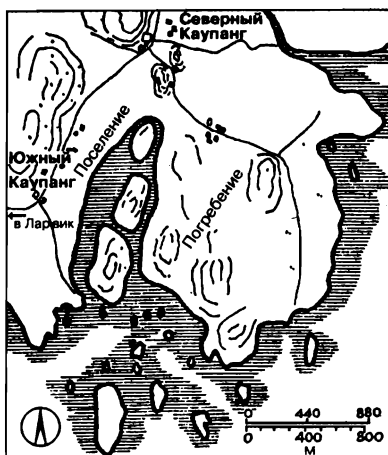

Рис. 5. План Каупанга в Скирингсале

оплаты), а также шикарное оружие и украшения (довольно часто купцы привозили их из Англии и Ирландии). Примечательно, что Отер после своего путешествия на юг к Скирингссало продолжил плыть по проложенному маршруту в Англию и что название поселения сохранило свою англосаксонскую форму Скирингес Хилл, более того, сам археологический

материал свидетельствует об очень сильной связи города с Англией.

Название Каупанг означает «торговое место», «торжище». Но город имел ряд серьезных отличий от Бирки и Хедебю. Каупанг обладал удобной естественной гаванью. Его береговая сторона находилась под надежной защитой высоких горных хребтов, между которыми располагалось болото. Раскопки показали, что строительство зданий, разбросанных между горным хребтом и бухтой, было похоже на современную «ленточную застройку». В середине поселения находится открытое поле, выходящее к бухте. Вероятно, оно и являлось торговым местом. Кроме того, можно предположить с большой степенью уверенности, что в Каупанге торговля шла только летом, а не круглогодично, как в Хедебю и Бирке. В любом случае

Илл. 48

это объясняло бы отсутствие защитных сооружений в городе.

Стремительное развитие городов во всей Скандинавии около 800 года, несомненно, связано с усилением королевской власти и становлением более стабильной социальной структуры населения, даже если на сегодняшний день данных о формировании скандинавских королевств недостаточно, чтобы всецело соотнести их с развитием городской жизни. Иногда исследователи высказывали точку зрения, что Хедебю и Бирка были не скандинавскими, а фризскими торговыми колониями. Однако не обнаружено никаких археологических свидетельств, указывающих на то, что Бирка была фризским поселением, хотя, очевидно, возможно, что какое-то время там находилась фризская торговая станция. Поэтому именно правление Карла Великого (768–814 гг.) и организацию им обширного и сильного государства необходимо рассматривать как базу, создавшую условия для городского развития в Скандинавии.

Вероятно, данные, которыми мы обладаем о функционировании превосходно отлаженного бюрократического аппарата государственного образования Карла Великого, весьма способствовали формированию у исследователей искаженного представления о его государстве. В нашем распоряжении находится полная и действительно подробная информация в отношении организации королевских поместий, которые являлись не просто обычными самообеспечи-

вающимися сельскохозяйственными единицами, но также производили разнообразные промышленные товары «на экспорт» (главным образом для армии). Обширный объем информации о подобных поместьях часто подводит нас к ложному представлению о том, что они составляли значительный вес в государстве, и заставляет даже таких именитых историков, как Пиренн, недооценивать торговые города Карла Великого. На самом деле королевские поместья составляли только незначительную часть крупных хозяйственных образований в стране. С другой стороны, мы имеем весьма смутное представление о жизни небольших самостоятельных хуторов и деревень, а также о городах и торговых поселениях, многие из которых были основаны уже в начале IX века. Все это заставляло исследователей высказывать предположение, что города не играли важной роли в государстве Карла Великого, однако эту точку зрения совершенно невозможно примирить с тем фактом, что после 776 года он сам жил около шести месяцев в году не в своих поместьях, но в таких крупных городах, как Аахен, Вормс, Франкфурт, Вюрцбург и Регенсбург (когда он не участвовал в военных кампаниях).

Недавние археологические раскопки, проводившиеся в Вильгельмсхафене и Эмдене, предоставили историкам обширную информацию о развитии торговых городов, основанных около 800 года, т. е. в период правления Карла Великого. В городах строили деревянные

здания, располагавшиеся вдоль главной улицы, в конце которой, как например в Эмдене, ставили небольшую деревянную церковь. Обычной для торговых городов Карла Великого была обширная застройка, разделявшаяся на жилую и хозяйственную части (соответственно для людей и животных). В целом городские здания были довольно небольшими и не предусматривали строительства помещений для хранения сельскохозяйственных продуктов. Вероятно, в основном в торговых городах проживало купеческое сословие, которое предпочитало строить свои дома недалеко от удобного судоходного пути. Были ли города эпохи Карла Великого заселены постоянно, как Бирка и Хедебю, или как Каупанг только в летний период, мы не знаем.

Скандинавские купцы, насколько нам известно из источников, занимались торговой деятельностью как на больших открытых рынках в летний период, так и в торговых городах круглогодично. Всех скандинавских купцов условно можно разделить на два типа и называть «торговцами-шкиперами» и «торговцами-землевладельцами». «Торговец-шкипер» был профессиональным купцом, посвящавшим все свое время торговому делу, но не имевшему, видимо, определенного места для ведения своей деятельности. Поздние саги ярко рисуют образ такого купца. Так, например, осенью он может прибывать на собственном корабле в Исландию, временно выводить его из строя и оставаться на зиму с каким-нибудь крестьянином,

Купцы

чтобы вновь отправиться в путешествие весной на летние рынки Скандинавии. «Торговец-землевладелец» также имел основательные знания о морском деле, но торговля не являлась для него главным источником доходов. Как правило, у купца-землевладельца была своя земля, которую он обрабатывал как любой мелкий землевладелец, и поместье, в которое он должен был возвращаться ко времени урожая.

Мы можем составить довольно полное представление о торговце-землевладельце на основании рассказа скандинавского путешественника и купца Отера. Его рассказ был записан «господином Отера, королем Альфредом» в 870-х годах; он включил его в свой перевод сочинения Орозия. Таким образом, описание Скандинавии, предоставленное английским королем Альфредом, весьма ценно, так как получено им непосредственно из первых рук и весьма хорошо дополняет довольно туманные описания Скандинавии, которые были доступны из сочинений историков начала V века. Кроме того, то, что Альфред назван господином Отера, помогает нам составить представление о положении скандинавского купца. Возможно, визит Отера в Англию был связан исключительно с вопросами торговли и требовал соблюдения некоторых сложившихся обычаев в установлении торговых отношений между двумя заинтересованными сторонами. Например, сага об Эгиле сообщает об одном из таких обычаев. Так, норманны, отплывающие в Англию, обычно крестились, но не проходили

весь обряд, поэтому «они могли вести дела как с христианами, так и с язычниками и продолжать верить в то, что более всего их удовлетворяло». Меха Отера могли найти хороший сбыт в Англии, а моржовая кость (образец которой он привез королю Альфреду) могла выступить более дешевым заменителем слоновой кости. Норвежские слова из рассказа Отера, подвергшиеся при записи некоторому влиянию со стороны английского языка, стали предметом филологических спекуляций, но в любом случае они свидетельствуют об установлении тесных связей между Норвегией и Англией и являются широко распространенными словами в норвежском языке. Если рассматривать английские находки из Каупанга, представляется очевидным, что хорошие связи с английским двором были весьма желательны для скандинавского торговца. Но Отер был, вероятно, не только купцом, но и мелким землевладельцем. Хозяйство его состояло из 20 коров, 30 овец, 20 свиней и небольшой пашни, для обработки которой он использовал лошадей. Но главное богатство Отера заключалось в дани, которую ему платили финны. Однако на основании более поздних саг мы можем сделать вывод, что ко времени визита Отера к Альфреду право сбора финнской дани было конфисковано Харальдом Прекрасноволосым и объявлено королевской монополией после создания им Норвежского королевства и уже не могло быть привилегией местных ярлов, каким был Отер. Исследуя данный период времени в истории

Скандинавии, исландские историки двумя столетиями спустя пришли к выводу о том, что многие из их предков оставили Норвегию, не желая принимать власть Харальда, так что Пааш предположил, что Отер мог оказаться одним из тех, кто покинул Скандинавию, предпочитая отправиться в Англию. Как бы то ни было, право на дань, о котором сообщает Отер, живший, по его собственным словам, на самом крайнем севере («дальше его никто из норвежцев не селился») и собиравший с финских охотников, проживавших на его земле, дань мехами, гагачьим пухом и корабельным канатом из тюленьих и моржовых шкур, было аннулировано. Он описал королю Альфреду свою исследовательскую экспедицию, цель которой заключалась в том, чтобы «посмотреть, что там за земли» и разведать возможности охоты на китов и моржей. Во время этой экспедиции он обогнул Норд-Кап и вошел в Белое море, где обнаружил довольно маленьких китов, 27 футов длиной в сравнении с шестидесятифутовыми китами, обитавшими в водах его родного Халогаланда. Рассказ Отера, который мы находим в сочинении короля Альфреда, завершается упоминанием о другом путешествии скандинавского купца, на этот раз в южном направлении к Скиринкгес Хиллу и Хедебю (aet Haefum), которое, по подсчетам, должно было длиться при благоприятном ветре более месяца. За сообщением о путешествиях Отера следует отчет другого моряка, Вульфстана, возможно англичанина, который описывает

путь на восток в Балтийское море вплоть до Трусо.

То, что Отер (или Оттар, если принять не древнеанглийскую, а скандинавскую форму имени) посетил Скирингсаль и Хедебю, не является абсолютно достоверным свидетельством того, что он торговал там, хотя мы не можем исключать такой возможности. Само существование этих городов было связано с торговлей и купцами, приезжавшими издалека (как правило, скандинавские торговцы одновременно являлись и профессиональными мореплавателями), так как и Скирингсаль, и Хедебю, как нам представляется, не имели тесных связей со своими ближайшими соседями. Расположение Хедебю в юго-восточной части Ютландского полуострова ясно показывает, что он был главным образом центром транзитной торговли, и действительно, среди находок с близлежащих территорий отсутствуют импортные товары, которые проходили через него, так как некоторые изделия с успехом могли быть проданы и в другом подобном городе. В Хедебю отливали украшения из бронзы, а затем экспортировали их по всей территории Скандинавии и также плавил железо. Проведенные недавно исследования образцов шлака показывают, что железо плавил, используя железную руду из болот Смоланда в Швеции.

Бирка не была связана, как Хедебю, исключительно с торговлей с дальними странами. Ее расположение могло позволить ей стать

центром внутренней торговли, где встречались бы многие купцы из окружающих ее богатых земель, и многие из товаров, попадавших в Бирку с Востока и из Западной Европы, действительно были обнаружены в могилах Упланда. Не все найденные предметы тем не менее можно с уверенностью отнести к торговой деятельности Бирки, так как достичь средней Швеции из Балтики можно было и другими путями. Но транзитная торговля, очевидно, приносила хороший доход Бирке, и когда ее обороты резко упали, город пришел в упадок и исчез. С этого времени главным торговым центром на Балтике становится остров Готланд. Трудно с большой степенью достоверности определить ту роль, которую играл Готланд в торговле в эпоху викингов. VIII век предоставляет некоторые свидетельства о тесных контактах острова с Западной Европой, но мы уже не находим их в IX веке, так как торговый путь из Хедебю в Бирку в то время пролегал не через Готланд, а через Кальмарзунд. Однако клады серебра показывают, что уже в IX веке восточное серебро пришло на остров, а в X веке вновь упрочились торговые связи Готланда как с востоком, так и с западом. Подтвердить развитие торговых контактов, вероятно, поможет пока не исследованный район в Вестергарне, к югу от Висбю. Обнаруженная там полукруглая стена напоминает укрепленные сооружения, которые мы встречали в Бирке и Хедебю. Это позволяет предположить, что на данном месте мог находиться

торговый город, подобный другим, пока приблизительно в 1000 году он не был засыпан песком.

Несмотря на недостаточные данные, которые предоставляет нам археологический материал, на его основании все-таки можно попытаться ответить на вопрос об отношениях городов и сельских территорий. Рост населения, о котором мы уже упоминали, продолжился в эпоху викингов, и находки, относящиеся к этому времени, очень широко распространены на территории Скандинавии, в отличие от предшествующих периодов. В свою очередь рост населения привел к интенсивной внутренней экспансии и соответственно заселению новых обширных земель. Для эпохи викингов также характерно расширение производства, которое частично было достигнуто благодаря предпринимчивой деятельности торговцев-землевладельцев, каким, например, являлся Отгар, однако большая часть производственных товаров поступала в Скандинавию с помощью торговцев-мореплавателей. Насколько различной была жизнь людей, живших в торговых городах и тех, кто, как Отгар, самими корнями врос в родную землю, проводя большую часть времени в собственных поселениях? Мы располагаем свидетельствами о существовании довольно напряженных отношений между городскими и сельскохозяйственными центрами в XIII веке на Готланде, когда город Висбю в 1288 году восторжествовал над своими конкурентами из сельской округи. Однако в эпоху викингов

наблюдается постепенный упадок городского развития. Так, Бирка и Скирингсаль исчезли как важные торговые центры, и прошло целое поколение, прежде чем возникли новые города; Хедебю был перенесен на новое место — на северную сторону фьорда. В это же самое время в Западной Европе многие из крупных городов также пришли в упадок; вероятно, между этими явлениями существует некоторая связь, хотя в настоящее время она не ясна. Первые скандинавские города внесли важный, но краткосрочный вклад в развитие своего региона в определенный период времени, весьма способствуя тому, что Скандинавия стала обладать большим значением в мировой торговле, чего позже уже никогда не достигала.

Представления о составе общества в эпоху викингов мы строим, опираясь на различные литературные источники. Для скандинавского общества было характерно большое количество свободных людей, живших на своих собственных хуторах и имевших рабов для выполнения более тяжелой работы. Производительность их труда была обычно низкой, поэтому занятие сельским хозяйством не являлось единственным источником существования и должно было сочетаться с охотой или рыболовством; неизвестно, как широко было распространено железоделательное производство как промысел, но постепенно оно стало играть очень важную роль. Районы, которые прежде были слабо заселены, такие как Смоланд, Гестрикланд и Даларна, обладавшие богатыми запасами

болотного железа, впоследствии стали достаточно густонаселенными благодаря его производству, о чем свидетельствуют найденные отвалы шлака. В это время во многих захоронениях появляются многочисленные предметы из железа; а иногда и сам погребальный курган насыпали из шлака. Такое увеличение производства железа не было ориентировано только на удовлетворение местного спроса; кроме того, у нас есть поразительное свидетельство о экспортной торговле разнообразными изделиями из железа в этот период времени. Так, например, на берегу Гьеррильд Грено в Северной Ютландии был обнаружен шест с закрепленными на нем лезвиями топоров: вероятно, они были частью груза с торгового корабля, потерпевшего крушение. На одной из сторон шеста было установлено специальное навершие, а другой его конец был расщеплен и расширен, что предотвращало сползание лезвий. Это свидетельствует о том, что шест предназначался для транспортировки лезвий топоров в большом количестве на экспорт. Сам шест был изготовлен из ели, которая не росла в Дании в эпоху викингов, а анализ железа, из которого были изготовлены лезвия, говорит о его шведском или норвежском происхождении. Однако они не были обрезаны и обточены; вероятно, завершающие работы проводились непосредственно перед заключением сделки о продаже. находка прекрасно иллюстрирует отрывок из «Саги об Олаве Святом», который сообщает о Кнуте, посланном из Англии

Илл. 11

к Кальфу Арнарсону в Норвегию за тремя дюжинами топоров с пожеланием: «Пусть они будут превосходного качества».

Многие из других торговых товаров не сохранились столь же хорошо: мех, деготь, воск, ткань и соль не оставили следов. Но тупоконечные костяные стрелы, использовавшиеся, чтобы стрелять по белкам, не повреждая их меха, и щетина, изготовленная из звериных шкур, найденные в некоторых могилах в Бирке, показывают, что предметом торговли также были меха белки, бобра и куницы. Несомненно, они являлись весьма популярным товаром в эпоху викингов и были повсеместно распространены даже в очень отдаленных районах Скандинавии, например на Крайнем Севере, в горах Лапландии.

*Илл. 12,
42, 43*

Серебряные клады южной Скандинавии отражают изменения ее торговых связей с другими странами. Клады IX века в основном состояли из арабских монет из Восточного Халифата и колец, изготовленных на Руси, и содержат очень малое число каролингских и английских монет. В начале X века поток арабского серебра может свидетельствовать не только о расширившейся торговле, но также и о набегах викингов на берега Волги и Каспия. Около 960–970 годов состав кладов изменился: появились византийские монеты, арабские монеты из Западного Халифата; также часто встречаются фрагменты изделий, выполненных в технике зерни польскими мастерами, и немецкие монеты из Кельна и Регенсбурга, что

отражает рост значения торгового пути через Польшу к Киеву и из Волина к устью Одера. Начиная с 1000 года английские («датские деньги») и немецкие монеты доминируют в скандинавских кладах.

Естественно, что это время беспрестанной экспансии и непосредственных контактов с другими землями осталось в памяти последующих поколений как героическая эпоха. Однако многие современные историки предполагают, что экспансия норманнов во многом была вынужденным явлением. Недостаток свободной земли, связанный с перенаселением, гнал беднейших людей в чужие страны в поисках пропитания. Интересно, что в то время как археологические находки определенно свидетельствуют о росте населения, они не предоставляют никаких доказательств широко распространенной бедности, но, напротив, говорят о процветании Скандинавии в этот период времени. Обычно исследователей поражает тот факт, что норвежцы, например, достигли гор Шотландии, Исландии, Ирландии (а в Англии добрались до озерного края, Пеннин и вересковых пустошей Северного Йорка), тогда как даны для своей экспансии выбрали более равнинные страны: Фрисландию, восточную Англию и Нормандию, а шведы — озера и реки — Ладогу, Ильмень, Неву и Волхов, которые напоминали им родные долины озера Меларен. Однако нельзя в исследовании направлений норманнской экспансии акцентировать внимание на этих фактах: вполне естественно, что

путь из Норвегии лежал на запад, из Дании — на юг, а из Швеции — на восток. Но, с другой стороны, эти данные свидетельствуют о том, что викинги действительно определяли направление своего движения, прежде чем отправиться в морское путешествие, что в свою очередь говорит об уровне мастерства скандинавов в управлении кораблем и их уверенности в нем, так как именно корабль обеспечил успех набегов викингов.

Британские острова и острова Атлантического океана

Расстояние между Скандинавией и Британией, разделенных Северным морем, незначительное, и когда в конце VIII века начались первые набеги викингов на европейские города, берега Британии были им уже хорошо знакомы. Возможно, викинги также имели некоторое представление о политической ситуации во Франции, на Руси и в Англии. VIII век был временем междоусобиц и государственной слабости, которые весьма способствовали действиям викингов, часто приводя их к победе в сражениях над европейскими государями.

Сначала нападениям (за исключением одного, упомянутого под 787 годом в «Западно-саксонской хронике», которое, однако, некоторые историки ставят под сомнение) подверглась Нортумбрия; в 793 году «варвары разрушили и опустошили храм Господа в Линдисфарне, прибегнув к грабежам и убийствам». Реакцией населения, подвергшегося нападениям в течение первой «волны» набегов викингов, стало всеобщее удивление, граничащее, однако,

с тревогой. Алкуин говорит, «мы и наши прадеды жили на этой земле около 350 лет и никогда не испытывали такого ужаса и таких бедствий, которым мы подверглись в Британии и которые должны сейчас вынести от язычников. Невозможно было и представить, что когда-либо может быть произведено такое опустошение». Нападения были восприняты как отмщение бога за людскую нечестивость, а кровавый дождь с крыши церкви Святого Петра в Йорке стал предзнаменованием набегов, подтверждая, что они были связаны с Божьим промыслом. Версия о Божьем суде была поддержана Алкуином, который обратился к тексту из Книги пророка Иеремии (1:14): «от севера откроется бедствие на всех обитателей сей земли».

Однако набег на Ярроу, произошедший годом позже, не был столь успешным для викингов; местные жители убили скандинавского вождя, отразили нападение, в то время как несколько кораблей викингов погубила плохая погода. Именно поэтому в течение нескольких последующих лет норманны предпочитали действовать в несколько ином направлении — на западном побережье и в Ирландском море.

Было бы ошибкой заключить на основании картины, представленной источниками, что викинги пересекали Северное море исключительно или в основном ради грабежа христианских городов; у нас нет свидетельств, которые позволяли бы предъявить им обвинения в особенной враждебности к христианам (в отличие

от обычной алчности и жестокости). Наиболее важный факт, связанный с деятельностью викингов в данный период времени, не упоминается в хрониках; возможно, европейские летописцы не знали о нем, но если бы они и знали, то, скорее всего, все равно не включили бы в свое повествование. Здесь мы прежде всего имеем в виду основание поселений викингов на островах в Атлантическом океане, о которых мы узнали из археологического материала. Ирландский монах Дикуил в своем сочинении «Об измерении неба и земли» в 825 году говорит, что некоторые из уединенных островов в Атлантическом океане, не имевших населения и названия со времени сотворения мира, были заселены столетием ранее ирландскими отшельниками («мореплавателями по воле божьей», напоминающими главного персонажа древнеанглийской поэмы «Моряк»), которые во времена Дикуила покинули острова после прибытия туда скандинавских пиратов. В дальнейшем история заселения островов викингами была либо искажена, либо запутана исландскими скальдами XII и XIII веков. Они последовательно пытались представить великую экспансию эпохи викингов как протест, высказанный рядом знатных людей Харальду Прекрасноволосому, пытавшемуся создать централизованное государство. Многие из них не захотели подчиниться новому правителю и предпочли после битвы при Хаврс-фьорде покинуть Норвегию. Это представление ошибочно, однако оно привело скальдов к изменению свидетельств

устной традиции, имевшихся в их распоряжении, чтобы достичь согласования с ними. Поскольку саги представляют также неверную датировку битвы при Хаврс-фьорде, ошибаясь приблизительно на 30 лет, материал саг необходимо использовать с большой осторожностью: и напротив, очень часто описания событий, которые не вписываются в ту схему, о которой мы говорили выше, могут заслуживать наибольшего доверия.

*Острова
Атлантики*

Саги следующим образом представляют историю покорения и заселения островов Атлантического океана норманнами — Харальд, преследуя своих врагов, убил всех викингов на Шетландских островах и изгнал их с Оркнейских и Гебридских. И действительно, когда он достиг острова Мэн, все жившие на островах скандинавы сами предпочли их покинуть. Харальд же на обратном пути основал островное графство Оркней. Совершенно нельзя согласиться с таким представлением о скандинавской экспансии в Атлантике; археологический материал, топонимы и несколько упоминаний в ирландской письменной традиции говорят об иной и более достоверной истории. В погребении в Ламлаше на острове Арран, единственном, которое датируется VIII веком, были найдены меч с односторонним лезвием и ранний образец умбона. Хотя находки, сделанные в погребениях, не только норвежского происхождения, в целом скандинавские захоронения в начале IX века стали довольно распространены на Шетландских островах. Столь широ-

кий размах колонизации был связан с активной деятельностью норманнов в районе Ирландско-го моря приблизительно в 800 году.

Фрагмент из ирландских анналов, относящийся приблизительно к 870 году (т. е. предшествующий битве при Хаврс-фьорде), сообщает, что «много лет назад», до завоевания норманнами Йорка в 866 году, сын короля Рагналл был изгнан из Норвегии своими братьями и поселился на Оркнеях. Его сыновья отправлялись с островов в набеги на Средиземноморье (см. третью главу и описание экспедиции 859 года). Рагналл скрывается в сагах под именем Рёгнвальда, которого их авторы связывают с графством Оркнеи. К счастью, описывая деятельность Рёгнвальда, авторы саг не следуют тенденции датировать ее временем правления Харальда Прекрасноволосого, с которым они соотносят даты жизни практически всех великих людей. Хронология событий, представленная в анналах, вполне согласуется с находками из погребений, которые свидетельствуют, что острова были заселены по меньшей мере за два поколения до битвы при Хаврс-фьорде (около 900 года). Сын Рагналла (и преемник графской короны) Торф-Эйнар, который, видимо, получил свое прозвище, так как первый начал использовать в качестве топлива торф на безлесых островах, и его наследники правили на Оркнеях в течение следующих трех столетий. «Сага об оркнейцах» рисует яркую картину бурных времен, полных кровавых междоусобиц и мести. Великие дни в истории

Оркнейского графства приходится на правление Сигурда Дигре (который пал в битве при Клонтарфе в 1014 году) и его сына Торфинна. Власть Сигурда и его магическое знамя с воронем были распространены в южном направлении в Британии — вплоть до Файфа.

Ситуация на Шетландских островах более темная. Там в качестве кодекса законов использовался обычный норвежский Гулатингслаг, в то время как население Оркнейских островов, по-видимому, имело свои собственные законы: однако то, что шетландская церковь позднее находилась под прямым управлением из Норвегии, предполагает, что скандинавские поселенцы на этих островах были более тесно связаны с Норвегией и менее независимы, чем обитатели Оркней.

Гебридские острова, видимо, принадлежали другому миру, который был ориентирован в большей степени на Ирландию и Исландию, чем на родную Норвегию. Это представление частично связано с именами основателей многих знатных исландских семей, приехавших в Исландию из Гебридских островов, поэтому саги свидетельствовали в первую очередь именно о связях Гебридов с Исландией. В соответствии с «Эйрбюггья-сагой», первым норвежским правителем Гебридов (приблизительно первая половина IX века) был Кетиль Плосконосый из Согна. Его дочь Ауд Мудрая (одна из первых христианок в Исландии) вышла замуж за Олава Белого, который был королем норманнской колонии в Дублине с 850 по 871 год.

Более поздние саги, например «Сага о людях из Лаксдаля», обычно относят все эти события ко времени правления Харальда Прекрасноволосого.

Норвежские поселения в начале века были ограничены территорией групп малых островов, хотя время от времени викинги предпринимали нападения на Британию и Ирландию. В 839 году шестьдесят пять кораблей викингов совершили набег на Дублин, а затем на Шотландию, король которой Эоганам вместе с приближенными был убит. В конце века, после основания норманнского королевства в Дублине, на кораблях, имевших пункты для стоянки в Ирландии, совершались нападения на Шотландию в 892, 900 и 904 годах. Большая часть скандинавских могил на островах относятся к IX веку, а из числа обнаруженных на Шотландском нагорье, все (пятнадцать погребений), за исключением одной, — к X веку. Это согласуется с данными об установлении норманнской колонии Ярлсхоф на Шетландских островах в IX веке, а Фресвик на Кейтнесе — в конце X века. Заселение островов предшествовало организации скандинавских поселений в Шотландии.

Ярлсхоф (название было придумано сэром Вальтером Скоттом и не является наследием старонорвежского языка) представляет собой классическое поселение, которое помогает нам сформировать правильное понимание образа жизни викингов на островах Атлантического океана. Раскопки Ярлсхофа проводились под

Илл. 27

руководством доктора А. О. Карла в 1931–1935 годах, профессора Гордона Чайлда в 1937–1939 годах и мистера Дж. Р. С. Гамильтона в 1949–1951 годах. Он расположен на маленьком мысе на западной стороне естественной гавани Самбург Во, образованной отлогим северным склоном скал южного берега острова, достигавших 200 футов в высоту; мыс этот впервые был заселен в конце каменного века примерно в 2000 году до н. э. Потомки первых поселенцев, строившие круглые («колесовидные») дома или дома-галереи, возможно, продолжали жить на этих землях, когда в 800–850 годах н. э. туда прибыли викинги, преодолев 200 миль пути. Пришельцы начали строить жилища, представлявшие собой типичные двухкомнатные прямоугольные дома. Стены делали из камня и заполняли землей и дерном,

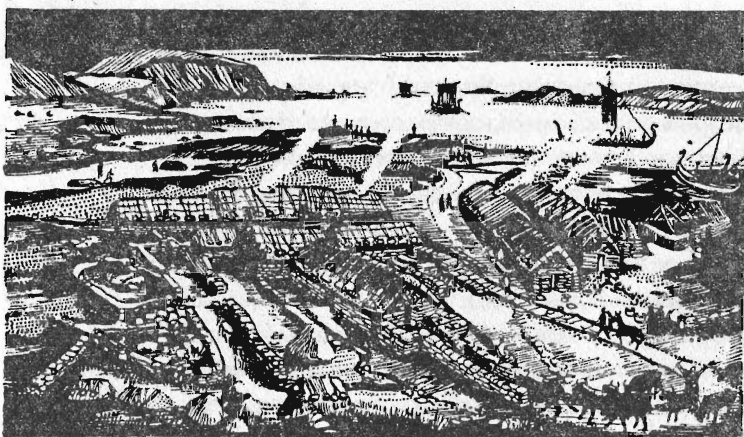

Рис. 6. Реконструкция поселения Ярлсхоф. Конец XI века

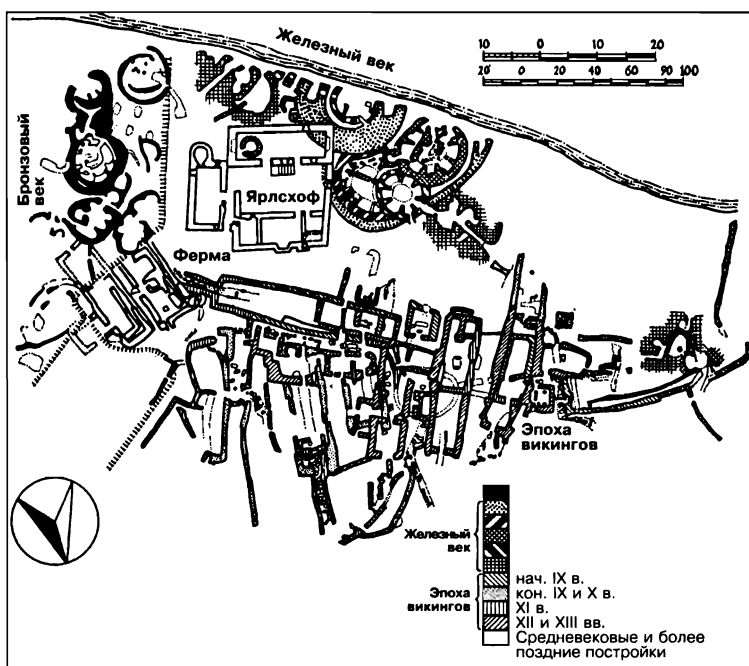

Рис. 7. План раскопок в Ярлсхофе

прежде всего на северной стороне дома (как в Исландии), чтобы лучше удерживать тепло. Жилая комната составляла 40 футов в длину, вдоль каждой стены находились лавки, а в середине комнаты — большой очаг. Кухня, в которой стояла встроенная в стену печь, была 16 футов в длину.

Одно строение, обнаруженное во дворе дома, 12×13 футов, с очагом, скорее всего служило купальней, нежели святилищем; другое здание, также с очагом, возможно, было жилым помещением для рабов.

В хозяйстве скандинава находились кузница и коровник. Найденные останки быков, овец, свиней, благородного оленя, кита, тюленя, рыб и множества птиц предоставляют полный материал для того, чтобы судить о хозяйстве викинга. В качестве домашних животных поселенцы использовали собак-терьеров и пони (последние были несколько больше, чем современные шетландские пони). Обычными также являются находки корабельных заклепок, ножей, наконечников стрел, гребней и костяных иглол, по форме и орнаменту напоминающих норвежские. К числу более интересных находок, хотя их нельзя отнести к великим произведениям искусства, принадлежат изображения маленьких фигур на каменных пластинках, которые являются довольно не-

Рис. 8. Выгравированное на каменной табличке изображение головы мужчины (Ярлсхоф)

обычными, и, возможно, представляют двух первопоселенцев. На одной из них изображен молодой бородатый мужчина с курчавыми волосами и широко раскрытыми глазами, одетый в тунику с высоким воротником. На обратной стороне пластинки — другой бородатый мужчина, старшего возраста и, возможно, беззубый.

Какое-то время спустя поселение было расширено: рядом со старыми домами,

которые часто достраивались, возводились новые жилые дома, сохранявшие прежние размеры. Все хозяйственные помещения также были улучшены, так что поселение приобрело вид «деревни». Кажется, оно было мирным, а его жители вели довольно замкнутое существование (найденно очень мало предметов иностранного производства), что весьма необычно для беспокойной эпохи викингов, так как поселение лежало на полпути между Норвегией и Шотландией.

Письменные упоминания о ранней истории острова Мэн скудны. Нам ничего не известно о событиях, произошедших между первым набегом викингов в 798 году и следующим (датским) в 853 году. После этого времени остров, вероятно был тесно связан с Ирландией. В 973 году Магнус Харальдссон, король островов, был одним из тех, кто принял Эдгара в Честере. Скудость письменных упоминаний с лихвой возмещается богатством иного материала, представленного руническими крестами и норманнскими погребениями. Центральное положение острова между Ирландией, Шотландией, Англией и Уэльсом означает, что он был открыт воздействию многих различных факторов в период изменения политических условий: только одна из колоний викингов непрерывно сохраняла в неизменном виде традиционные элементы своей первоначальной конституции, такие как фигуру законодателя и тинг (возрожденный в Исландии в XII веке).

*Остров
Мэн*

Большинство находок из погребений острова относятся к X веку, но кажется наиболее вероятным, что королевство викингов установилось здесь уже во второй половине IX века, одновременно с королевствами Дублина и Йорка, с которыми оно поддерживало оживленные культурные и политические отношения. Погребения на острове Мэн имеют значительное сходство с современными им погребениями в западной Норвегии (например, захоронение, датированное приблизительно 900 годом, в Кнок-и-Дуни, исследованное П. М. С. Кермодом). Однако его погребальный курган был велик даже по меркам Скандинавии, составляя 50 футов в диаметре и 8 футов в высоту. Внутри него находился корабль 20 футов в длину и 8 футов в ширину, из сгнивших остатков которого до нас дошли только деревянные и железные заклепки. Его владелец был погребен в полном снаряжении: в захоронении обнаружены меч, копье, топор, щит, оседланный и подготовленный конь, и ремесленные орудия (в данном случае молот, нож и кузнечные щипцы), что весьма характерно и для норвежских захоронений. В другом погребении в ладье обнаружено серебряное поясное украшение континентальной работы второй половины IX века. Оно не является необычным для скандинавских захоронений, а его присутствие на острове Мэн предполагает, что обосновавшиеся там викинги, возможно, принимали участие в каком-то из набегов на государство Каролингов в IX веке. Другие, хотя и менее роскошные,

погребения предоставляют интересный материал иного рода. Большое количество мечей были обнаружены в могилах на кладбищах Джерби, Кирк Майкл, Сент-Моголд и других. Захоронения с оружием также встречаются на кладбищах в Шотландии и Англии, но для этих регионов они нехарактерны и получили меньшее распространение. Викинги, проживавшие в западноевропейских государствах, видимо, безболезненно приняли христианскую веру, а их общество стояло на промежуточной ступени между язычеством и христианством: некоторые умершие, очевидно язычники, покоившиеся в богато убранных захоронениях, возможно, сами считали себя христианами, однако присутствие мечей в могилах на кладбище (и некоторые мотивы на надгробных крестах) помогает определить, как викинги представляли себе христианство. По-видимому, их вера являла собой некое смешение религиозных воззрений и стала причиной того, что языческий обряд погребения (кремация) на Британских островах встречается сравнительно редко. Известны лишь шесть норманнских погребений такого типа: два из них были найдены на Оркнейских островах и по одному — на Арране, в Камберленде, Дербишире и Дублине.

Большинство рунических надписей викингов этого периода на Британских островах вырезаны на крестах на острове Мэн (29 крестов). В Ирландии были найдены три креста, а в Шотландии и на других островах — 20 (исключая более поздний с островов Мэшоу).

Ранние кресты, которые находят на острове Мэн, очевидно, кельтского происхождения (они имеют своеобразное колесовидное навершие). Поселенцы-викинги не приняли эту модель, но заимствовали уже несколько измененный кельтский тип креста из Шотландии (откуда предположительно они пришли на территорию Англии). Шотландский тип представляет собой плоскую прямоугольную пластинку с колесовидным навершием и крестом, высеченным поверх него и заключенным в круг. Самая древняя группа крестов лучше всего представлена крестом из Кирк Майкла, который был воздвигнут «Мелбригди, сыном Адакана Кузнеца, но выполнил его Гаут, создавший и все остальные на острове Мэн». Очевидно, мастера, который заимствовал эту модель и ввел ее в употребление на Мэне между 930 и 950 годами, звали Гаут. Кресты, изготовленные им самим и его преемниками, были обстоятельно изучены П. М. С. Кермодом и Хокуном Шетелигом. При жизни Гаута Мэн был колонией викингов в течение одного века, но, как мы видим, имена на надписи являются ирландскими. Вообще из 44 имен, встречающихся на крестах, 22 имени норвежские и 11 ирландские, а язык надписей также указывает на смешанный состав населения. Изменение состава кельтских и скандинавских элементов в орнаменте на крестах с 930-го по 1000 год свидетельствует о том же. Гаут объединил характерные его черты — простую обычную модель кельтского происхождения с декоративными

полосами, одновременно отделив их от кольца на кресте. Примеры подобных крестов были найдены в Камберленде и северном Йоркшире. В связи с этим П. М. С. Кермод полагал, что Гаут в юности должен был учиться у мастеров этих земель; однако возможно, что их влияние на художника было оказано иным образом. Первые последователи Гаута ввели в орнамент изобразительный элемент, который отсутствовал в его собственных произведениях; их работы представляли изображения животных в шотландском стиле, а также Сигурда Фафнирсбани, битвы Одина с волком Фенриром, гибель богов и так далее. Самым значительным развитием искусства, однако, стало появление «звериного орнамента» в стиле Еллинг. Он зародился, возможно, в скандинавском Йоркшире, но наиболее развитые формы данного стиля обнаружены уже на территории Скандинавии, примеры его встречаются также на острове Мэн. Это предполагает установление прямых и тесных связей как с Норвегией, так и с Йорком.

Поскольку основное внимание викингов долгое время было обращено на западную часть Британских островов, как мы отмечали выше, Англия подверглась действительно значительному нападению только в 835 году (был разорен остров Шепши). В 844 году, а также в 860 и 861 годах тот же флот производил набеги на земли по обе стороны Английского канала (Ламанш), в то время как другие скандинавы атаковали Ирландию и Шотландию. Хотя викинги

Англия

располагались на зимней стоянке на острове Танет в 851 году, до 865 года они не предпринимали попытки территориальных захватов, предпочитая простой грабеж. И даже тогда, когда крупные норманнские войска прибыли в Танет, они предпочли вступить в соглашение с населением Кента. Во главе Великой Армии, которая, как сообщает скандинавская традиция, появилась в Восточной Англии, чтобы отомстить за Рагнара Кожаные Штаны, стояли сыновья последнего. Их имена — Хальфдан, Ивар, Уббе — встречаются в текстах «Англо-саксонской хроники». Это сочинение является самым лучшим описанием вторжения викингов, поскольку оно прекрасно и беспристрастно излагает все подробности военной кампании за последовавшие десять лет. Исследуя «Англосаксонскую хронику», нельзя не заметить, что она приводит многочисленные свидетельства величайшего военного преимущества викингов, заключавшихся в том числе и в их значительной подвижности, но которыми они не могли до конца воспользоваться по причине продуманных и хорошо организованных действий английского короля Альфреда. Он, чтобы воспрепятствовать продвижению скандинавов, строил лагерь и блокировал реки или вынуждал их к бессмысленному и неэффективному перемещению по стране, каждый раз вставая с армией на пути викингов. После десяти лет сражений и завоеваний, проходивших на территории Англии, в 875 году, как отмечает хроника, один из трех братьев, Хальфдан, разде-

лил земли Нортумбрии между воинами и начал их обрабатывать. Часть воинов, таким образом, перестала заниматься традиционными для викингов набегами и обратилась к мирной жизни. В 880 году даны также прибыли в Восточную Англию, осели там и разделили между собой землю. Их передвижения с 865-го по 883 год, которые хроника описывает с помощью формулы: «в этот год великая армия отправилась... были следующими: сначала в Йорк, чтобы воспользоваться царившими там внутренними разногласиями, затем в Мерсию и в 869 году снова в Йорк. В 870 году норманны вновь прибыли в Восточную Англию и разбили английские войска при нападении на Уэссекс, затем они отправились в Лондон в 871 году, в Торксей-на-Тренте в 872, а позднее, в 873 году, двинулись в западном направлении к Реггону, в 874 году одна часть великой армии вернулась в Нортумбрию, другая — продолжила путь на Кембридж, разоряя южную Англию вплоть до 883 года, когда многие викинги отправились в завоевательный поход на континент.

Голод, разразившийся на континенте, заставил викингов вернуться обратно, но в Англию норманны прибыли с некоторым подкреплением в лице таких воинов, как знаменитый Хастейнн. Норманнские войска начали вторую великую кампанию по завоеванию Англии в 892 году, высадившись с 250 кораблями (на этот раз они использовали своих собственных лошадей, которых заранее туда доставили) и сокрушив один из недостроенных фортов Альфреда,

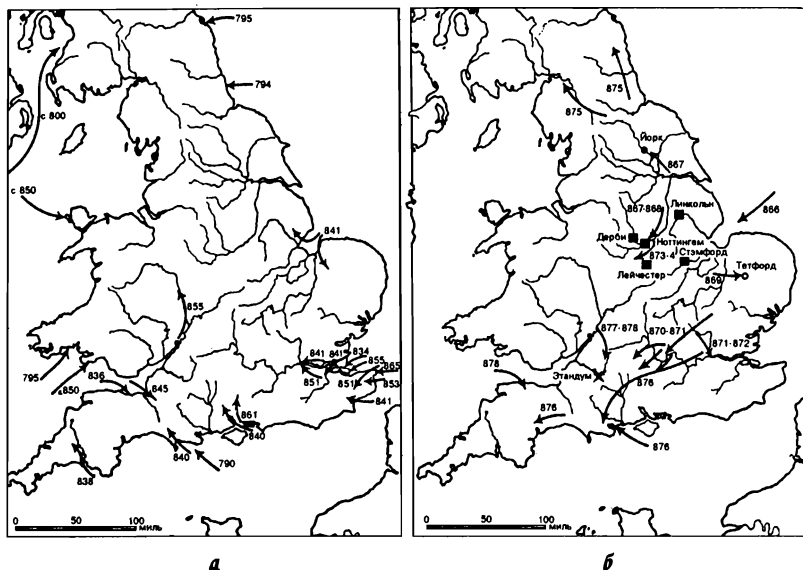
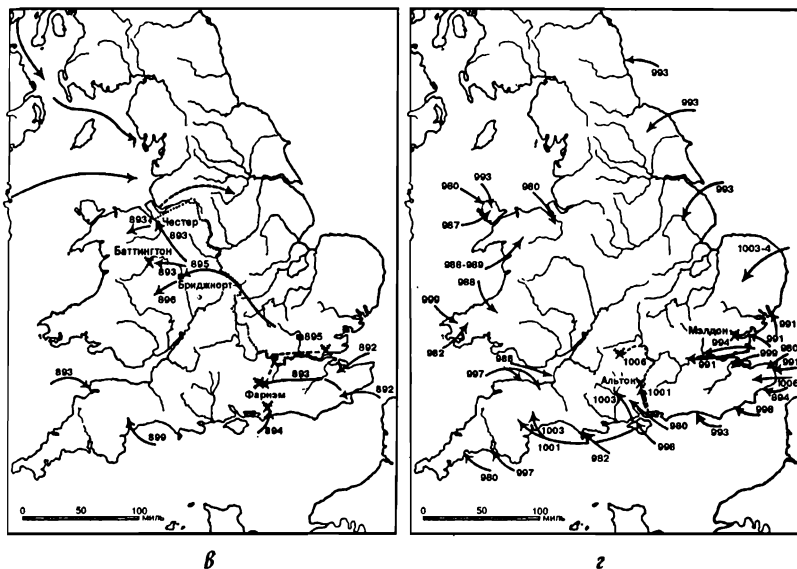

Рис. 9. Карты набегов викингов на Британские острова:

а — в первой половине IX века; *б* — конец IX века до 878 года;

который защищали лишь несколько местных жителей. Но кампания закончилась еще более решающей победой англичан, нежели в первый раз. За четыре года войска викингов были ослаблены ранеными (ежедневно они выдерживали атаки авангарда армии Альфреда, стремившейся к битве) и были вынуждены отступать в дикие места на западе Британии, подгоняемые с тыла английским королем, стоявшим между викингами и подходами к морю. В 896 году норманнские воины, уставшие от войны, последовали примеру Хальфдана. Некоторые из них осели в Восточной Англии, другие — в Нортумбрии. Хроника сообщает

1 — с 892-го по 895 год; 2 — нападения X века

о события 896 года: «и после всего, летом этого года, датская армия разделилась, одна часть ушла в Восточную Англию, другая — в Нортумбрию; и те норманны, которые не имели денег, сели на свои корабли и уплыли на юг, через море, к Сене. Милостью божьей армия викингов не принесла большого урона английскому народу; намного большие страдания ему принесли в эти три года (в это время в Англии шла эпидемия чумы) падеж скота и смерть населения».

Так было положено начало истории скандинавской Англии. Постепенно возникли большие общины норманнов, например «Пятиградие»

(эта община включала Линкольн, Стэмфорд, Лестер, Дерби и Ноттингем, т. е. те населенные пункты, которые в свое время являлись стратегическими городами римлян) и королевство Йорк; заселение викингами английских территорий, конечно же, не походило на завоевательные походы норманнов в Ирландию, Шотландию и на острова. Так называемая «область датского права», которой владели норманны, лежала на северо-востоке Англии по линии Темза-Ли-Бедфорд-Уза-Уотлинг Стрит. Население этих земель жило, видимо, по скандинавским законам, о чем свидетельствует высокий процент свободных людей, зарегистрированных в появившейся позднее «Книге Страшного суда», и значимость городов.

Топонимы этих территорий также часто скандинавского происхождения: хотя они не всегда могут служить источником информации о состоянии дел в норманнском государстве в период расцвета «области датского права», но тем не менее то, что многие из топонимов представляют скандинавский диалект, на котором говорило средневековое крестьянство северной и восточной Англии, косвенным образом свидетельствует об устойчивости скандинавских поселений в Англии. Однако когда появилась «область датского права», началась и ее постепенная «англизация», несмотря на соглашения между Альфредом и Гутрумом о следовании разным законам и обычаям.

Английское население, в свою очередь, испытывало сильное скандинавское влияние.

Необходимо помнить, что крайний национализм — это исторический феномен более позднего происхождения. Англия до установления на ее территории скандинавского государства была разделена на маленькие королевства, для которых были характерны внутренние раздоры, поэтому местное население охотно приняло данов. Указ Эдгара от 962 года прекрасно иллюстрирует данную ситуацию. «Моя воля в том, чтобы среди данов действовали такие законы, какие они сочтут для себя наилучшими, и я всегда позволял им следовать этим законам и впредь буду позволять столь долго, сколько моя жизнь длится, по причине той лояльности, которую они всегда демонстрировали мне». Лояльность данов проявилась при очень тяжелых обстоятельствах. Уже в 907 году встала необходимость восстановить римские укрепления Честера для защиты от набегов норвежских пиратов с Ирландского моря, поэтому само возвращение «области датского права» представлено в английских источниках, таких как, например, поэма о передаче «Пятиградия», скорее как борьба против новых норвежских (языческих) хозяев многих английских земель, нежели против их первоначального датского (часто христианского) населения.

Daene waeran aer
under Nordmannum nyde gebegde
on hae penra haefte clommum
lange prage op hie alyside eft
...Eadmund cyning.

«Даны были насильно подчинены норвежцам и долгое время находились в оковах у язычников, пока король Эдмунд не освободил их». После 918 года вся Англия южнее Хамбера находилась под властью английского короля, и королевство Йорк, таким образом, оставалось единственной независимой колонией викингов. Рогивальд из Дублина, король в Йорке, подчинился англосаксам в 920 году, а его наследник Сигтрюгг Ветер крестился (может быть, именно по этой причине его соотечественники дали ему прозвище «сумасшедший») и взял в жены сестру Этельстана. После его смерти в 926 году Этельстан стал правителем в Йорке. Брат Сигтрюгга Гудред, однако, оказал ему сопротивление, но был пленен Этельстаном и оставлен жить при королевском дворе. Несмотря на то что к нему относились с уважением, он не мог выносить жизни при дворе Этельстана, потому что, как впоследствии сообщает хронист: «он был старым пиратом, привыкшим жить в воде, как рыба». За два года до смерти Этельстана в 939 году норманн Олав Кваран отбил Йорк у англосаксов. Ситуация ухудшилась и долгое время оставалась неопределенной после смерти Этельстана, так как правители королевства часто сменяли друг друга, хотя один из его кратковременных королей, видимо, на своих монетах даже величал себя «королем всей Британии». Олав Кваран правил в Йорке дважды, так же как и знаменитый Эйрик Кровавая Секира после своего изгнания (за исключительную жестокость) из Норвегии. Его смерть

в Стэйнмуре (возможно, при бегстве из Йорка) в 954 году отмечает конец правления викингов в Йорке. Как часть «области датского права» он принадлежал к англо-скандинавской цивилизации. Однако объединение двух традиций на длительное время оказалось весьма плодотворным для развития здешней культуры, в отличие от остальных территорий, составлявших «область», и привело к появлению новых стилей в скульптуре, новых размеров в поэзии, производству монет качественной чеканки с традиционными сюжетами и, возможно, способствовало даже созданию хроники событий, происходивших в королевстве, описываемых со скандинавской точки зрения. Но общая атмосфера, царившая в обществе, была иной и более нетерпимой. Сага об Эгиле представляет ясную картину действительных взаимоотношений между скандинавами и англосаксами. Кроме того, один эпизод в развитии этих отношений был описан в «Англосаксонской хронике», и он в большой степени представляется нам символичным. В 943 году Олав, еще язычник, совершил нападение на земли Мидленда и был заманен в Лестер Эдмундом. Однако вместе с ним в ловушке оказался и Вульфстан, архиепископ Йорка. Викинги Йорка сохранили свою мобильность и традиционный образ жизни, что было важно для развития их общества и культуры в Англии: так, они, например, сохранив тесные связи и хорошие отношения с кельтскими землями и Скандинавией, элементы культур которых они жадно

впитали из англо-саксонской цивилизации, вступили в плодотворный контакт с разнообразнейшими достижениями культур других народов. Результатом взаимодействия культур стало появление новых стилей и достижений (например, эволюция «звериного орнамента» в стиле Еллингге) и взаимообмен идеями, так что любое направление в стиле и орнаменте, получив первоначальный импульс к развитию в Йорке, могло быть воспринято и адаптировано мастерами в Норвегии или Дании. Впоследствии несколько видоизмененный стиль мог вновь оказаться востребованным английскими мастерами, которые поддерживали контакты со Скандинавией через Дублин или остров Мэн.

Илл. 35

Совершенно иная картина предстает в более населенной южной части «области датского права». Прекрасная монетная чеканка из Йорка является типичной для этих мест. В это время другие скандинавские короли не чеканили свои собственные монеты, но правители Йорка, владея всей центральной частью Англии, были первыми королями, которые вместо латинского «гех» использовали родной язык для представления себя на монетах. Работа Р. Х. М. Долли показала, что чеканка монет в Йорке, выполнявшаяся известными английскими мастерами, такими как Эдельфред, для королей подобных Гудреду, была значительной и весьма важной; почти каждый сохранившийся экземпляр его монет, например с изображением ворона, отбит другим пуансоном: возможно, желание поддержать королевский престиж

соединилось с реальной потребностью в сжатые сроки произвести обширную чеканку. Удивительно, что Олав Кваран, сын Сигтрюгга Шелкобородого, был первым королем в Ирландии, чеканившим монету. Дэвид Вильсон полагает, что арабские дирхемы, найденные вместе с монетами викингов в кладях на значительной территории от восточной Англии до Ирландии, должны были поступать из Скандинавии и использовались в качестве платежного средства в ходе торговли.

В дальнейшем Англия в течение длительного времени не подвергалась нападениям викингов. Однако в 980 году их флот совершил нападение на Саутгемптон, Танет и Чешир. В 991 году Олав Трюггвасон (позднее король Норвегии) атаковал английские города с девяносто тремя кораблями. Бюрхтнот геройски пал при Мэлдоне, в битве, прославленной в поздней героической древнеанглийской поэме, получил известность благодаря тому, что дал данам «наконечники копий вместо серебра в качестве дани». Тогда впервые народ Англии уплатил особый налог напавшим на них норманнам — «датские деньги» в размере 10 000 ф. ст. Сумма налога постоянно увеличивалась и достигла 16 000 ф. ст. (в 994 году), 24 000 ф. ст. (в 1002 году), 36 000 ф. ст. (в 1007 году), 48 000 ф. ст. (в 1012 году). В 1013 году с прибытием короля Свейна в Хамбер целью нападений викингов вновь стало завоевание новых земель, а не только нажива. Свейн был признан правителем в «области датского права»: он умер в 1014 году,

но его сын Кнут остался в Англии, а после смерти Этельреда в 1016 году был избран королем всей страны. В 1018 году Англия выплатила 72 000 ф. ст. (и 10 500 ф. ст. от Лондона) отрядам скандинавской армии, покидавшим ее. Как и в более ранних столкновениях английских королей с викингами, последние не проявляли согласия друг с другом. Эту ситуацию хорошо описывает знаменитая фраза полноправного гражданина: «монархия Седрика сейчас ограничена палубами 45 скандинавских кораблей». Этельред в 1013 году нашел защиту и покровительство на кораблях Торкеля Хави, который в прежние времена разорял Англию и замучил архиепископа Эльфия, но затем обратился к христианству и стал наиболее ценным сторонником Этельреда.

Кнут правил в обстановке относительного мира вплоть до своей смерти в 1035 году. В то время как, возможно, именно в период его правления скандинавский стиль в искусстве вновь получил признание в южной Англии (на это указывает великолепная резьба на могильном камне из Гилдхолла), главной его целью, очевидно, являлось стремление быть прежде всего английским королем, и он, без сомнения, желал, чтобы его запомнили в том образе, в котором он изображен в хорошо известном рисунке из Винчестера, выполненном в традиционном стиле: как покровитель церкви (только с эфесом типичного меча викингов, выглядывающего из-под плаща). Однако, исследуя характер взаимоотношений англичан и данов

Илл. 31, 32

в это время, мы сталкиваемся с большими трудностями, нежели рассматривая более ранний период. Особое положение, которым пользовалось население «области датского права» (без сомнения, постепенно ставшее более «англизированным»), видимо, в целом получило признание, однако в 1002 году «король [Этельред] приказал перерезать всех датчан, которые находились в Англии, в день святого Брикция [13 ноября], поскольку поступило сообщение, что те желают предательски лишить жизни его, а также всех его советников, и затем овладеть королевством». Насколько полно было выполнено распоряжение короля, мы не знаем. Менее сенсационное свидетельство о слиянии двух культур также не дает полной информации. Так, некто примерно в 1000 году написал, «я говорю сейчас тебе также, брат Эдуард, о чем ты спросил меня, что ты [т. е. английский народ] поступаешь неверно отказываясь от английских обычаев, которым следовали твои отцы, и принимая обычаи язычников, которые завидуют твоей жизни, и так поступая, ты демонстрируешь своими дьявольскими привычками, что презираешь свой род и предков, поскольку ты носишь платье по датской моде с открытой шеей и оставляешь волосы над глазами, причиняя тем самым им обиду».

Если не считать некоторых литературных свидетельств об этом периоде в истории Британии, а также топонимов и общественных институтов, необходимо отметить, что археологические доказательства, предоставляющие

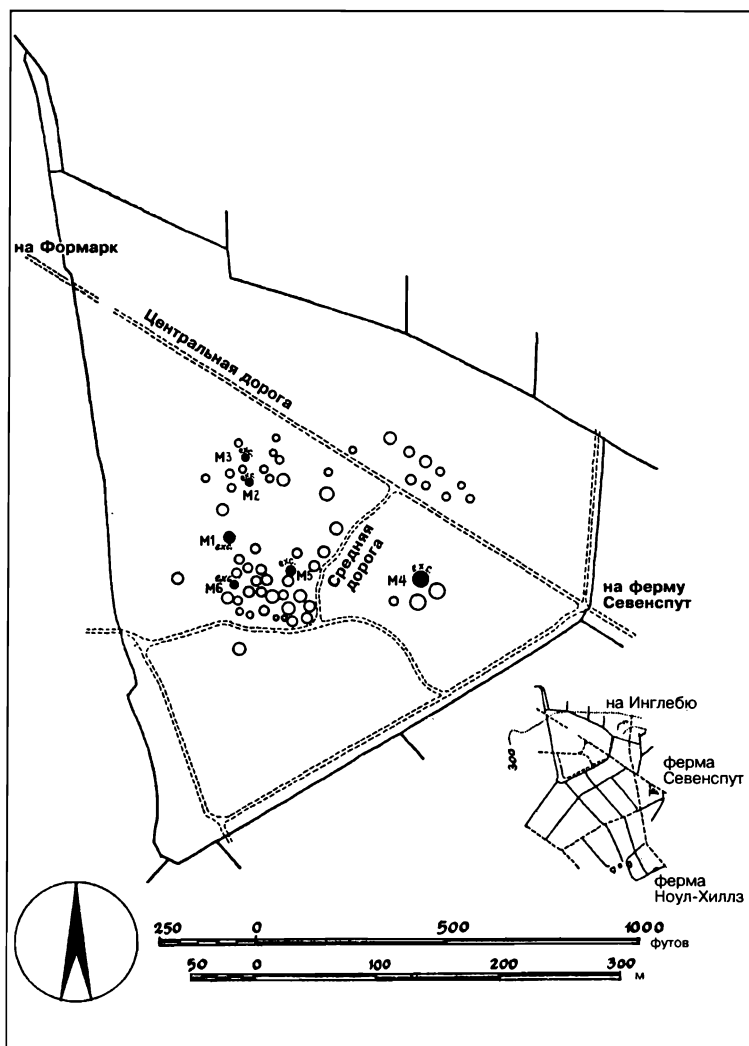

Рис. 10. План кладбища в Инглби (Инглеблю), Дэрбишир. Темные кружки обозначают погребения, раскопанные до 1954 года. Еще девять были раскопаны позднее

информацию о числе и образе жизни скандинавского населения Британских островов, редки. Этот факт объясняется не только широким распространением христианства в Англии, но также тем, что в самой Дании большие погребальные курганы, подобные тем, что обнаружены в Норвегии и Швеции, были редкостью. Небогатые захоронения, оказавшиеся в языческом окружении на родной земле, не могли быть обставлены с большей пышностью на английском кладбище, а такие находки, как, например, боевой топор из могилы в Рептоне, представляют необычный этап смешения языческого и христианского влияний, следы которого можно также увидеть на крестах из Мидлтона, представляющих языческие погребения с топором, мечом, копьем, щитом и, возможно, даже с принесенным в жертву петухом, как сообщает Ибн Фадлан. Наиболее значительное кладбище викингов в Англии находится в Инглебю (Инглби) (Дербишир), где открыты 60 курганов, от 20 до 45 футов в диаметре

Илл. 29, 30

Рис. 11. Наконечник копья викингов с серебряной и бронзовой инкрустацией из р. Темзы. Длина 46 см

Рис. 12. Меч викинга из р. Уитем, Линкольн. Длина 107 см

и от 18 до 60 дюймов в высоту. Некоторые из них скрывают довольно богато убранные погребения-кремации. Захоронения викингов в других местах разрознены, нам известны только два погребения из территории «Пятиграда», столько же

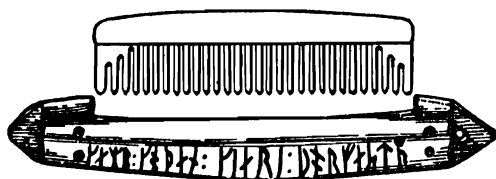

Рис. 13. Футляр гребня из Линкольна (гребень реконструирован). Длина 14 см

из Йоркшира, и намного больше из Камберленда и Нортумберленда. В Уолтемстоу было обнаружено одно погребение в ладье, дру-

гое — в Пембруке, и еще 20 подобных захоронений — на островах. Большинство предметов эпохи викингов были найдены на дне рек (откуда были извлечены многие мечи викингов) и в городах, например, таких как Лондон и Йорк.

Ирландия

Викинги впервые прибыли в Ирландию, совершая набег на Ламбэй (севернее Дублина) в 795 году. Ирландия, избежавшая римского правления, установленного в Западной Европе, сохранила кельтское клановое общество, множество мелких королевств, которые в начале IX века, когда появились викинги, объединились вокруг двух верховных королей юго-запада и северо-востока (знаменитые короли Тары).

Христианская церковь, введенная в V веке святым Патриком, также отличалась от церковной организации на континенте своей строгой традицией отшельничества и развитием квази-университетских школ на основе первых

разбросанных обитателей одного или двух отшельников. Богатства этих монастырей привлекали грабителей. Из *Анналов Ульстера* нам известно, что в 820 году «океан принес потоки чужеземцев на Эрин, так что не осталось ни

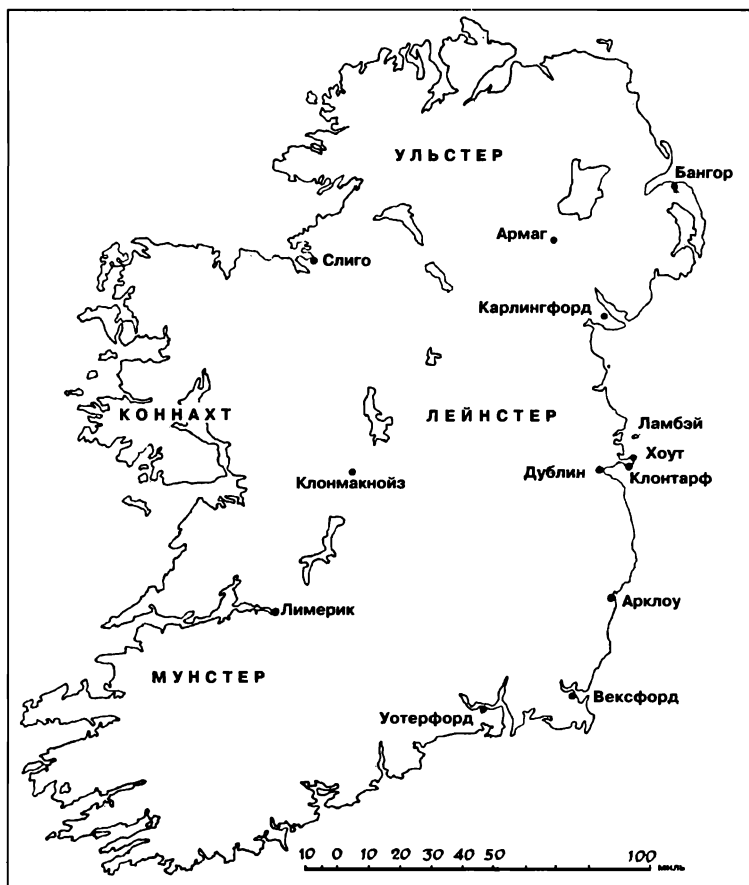

Рис. 14. Карта Ирландии, демонстрирующая основные места, связанные с эпохой викингов

гавани или пристани, ни форта или крепости, не занятых кораблями скандинавов и пиратов». В 836 году два норманнских флота, по 60 кораблей в каждом, поднялись по рекам Бойн и Лиффи и опустошили весь Мит. В том же году в Дублине была основана первая колония викингов, и в 841 году он был укреплен фортом Карлингфорд вместе с другими поселениями, располагавшимися на «Узкой воде», на отрезке пути от Линн Дуахайл в Лоте до Линн Ройо.

Тургейс (Торгильс), первым из морских королей прибывший в 839 году в Ирландию, стал «королем всех чужестранцев на Эрине» и оставался им, пока не был захвачен в плен и казнен через утопление в 845 году. Едва ли в эти годы в Ирландии существовала возможность организовать норманнское королевство, хотя некое подобие английской «области датского права» могло иметь место, во главе которого и стоял Тургейс. Он называл себя аббатом Армага, а его жена произносила языческие заклинания с высокого церковного алтаря. Хроника обвиняет его в стремлении обратить весь остров под власть Тора, но вряд ли это утверждение справедливо. Смерть Тургейса сопровождалась подъемом движения против викингов. В ирландских хрониках величина потерь норманнов в ходе сражений с ирландцами оценивается в 12 тысяч человек. Эта цифра сопровождает описание разгрома Хакона в 847 году, так же как поражение жителей Томкрайра (Торгейр) и язычников Дерри (вождь

не назван). Хотя хроники преувеличивают потери викингов, совершенно очевидно, что для скандинавов наступили тяжелые времена, и если бы между ирландцами не было разлада, Ирландия смогла бы избавиться от них окончательно. В 850 году, как сообщает хроника, прибыли черные чужестранцы (датские викинги) и разорили Дублин. В следующем году они захватили норвежский лагерь в Карлингфорде. В соответствии с хрониками, в битве у Карлингфорда между данами и норвежцами пали 5 тысяч норвежцев из знатных семей; победоносные даны, выполняя обещание, данное посланцам ирландского верховного короля на боле боя, уступили огромный сундук золота и серебра святому Патрику, что являлось «для данов, по крайней мере, видом необходимого благочестия; ради которого они были готовы отказаться на время от еды и питья».

Викинги из разных земель были объединены в 853 году под властью Амлайба (Олав Хвити). О нем говорили, что он пришел в Ирландию (подобно Тургейсу) «с королевским флотом» и с указаниями, полученными от своего отца, короля Норвегии, какую дань требовать и в каком количестве. Возможно, что вновь прибывший военный отряд представлял собой некоторое подкрепление, посланное из Норвегии, чтобы предупредить опасное развитие ситуации для норвежских викингов. Олав оставил Дублин, чтобы вернуться в Норвегию после 18-летнего правления, место которого занял его брат Ивар. Норманнская оккупация Ирландии,

таким образом, основывалась на колониальном базисе: ирландские короли сохранили свои позиции, некоторые сотрудничали с правящей властью (и заключали брачные соглашения), другие выступали против. От первых произошли так называемые «gall-gaidil» (чужеземные ирландцы), ирландцы, которые оставили свою веру и стали воспитателями детей викингов, чей образ жизни они усвоили. Их вождь Кайтилл-Финн (Кетиль Хвити) был норвежцем.

В 865–870 годах Олав совершил три похода в Шотландию и после смерти Ивара в 874 году был назван «Анналами Ульстера» «королем норманнов всей Ирландии и Британии». Возможно, это указывает на то, что норвежцы уже установили плацдарм для расширения своей экспансии на северо-западе Англии. В следующем году Хальвдан из Нортумбрии повел армию против Ирландии, «так как Ивар вторгся в Нортумбрию». Для последующих лет постоянными являлись военные походы двух королевств викингов в Дублине и Йорке друг против друга. Сигтрюгг, сын Ивара, в 892 году вторгся в Англию, но в 894 году возвратился в Ирландию и в следующем году был убит одним из своих людей. Смерть вождя чужеземцев вновь привела к подъему местного населения. В 901 году ирландцы захватили Дублин, а викинги вынуждены были перебраться на остров Мэн и в Шотландию. Благодаря одержанной победе, в течение следующих двенадцати лет Ирландия радовалась относительно миру под властью Кербхалла.

Викинги, возвратившиеся на эти земли в 913 году, в течение четырехлетней кампании вернули всю Ирландию и удерживали ее под своей властью до 980 года. Двумя великими королями в этот период времени стали Гудред (самый жестокий король норманнов), правивший до 934 года, и знаменитый Олав Кваран (который в действительности мог быть первоначально Хавлоком Датским). Он был родом из королевства Нортумбрия, являлся сыном Сигтрюгга Гали, который в 921 году стал правителем этого королевства, он также сражался в битве при Брунанбурге в 937 году. С 941 по 944 год и вновь с 949 по 952 год он правил в Йорке. Олав взял в жены дочь короля Лейнстера и через своего двоюродного брата находился в родстве с Мэлсехлайнном, королем Мита. Оказавшись вовлеченным в междоусобицу этих двух королей, он потерял власть. В 980 году войска Олава были разгромлены в битве при Таре, в которой также погиб его сын Рёгнвальд, а тремя днями позже сгорел Дублин. Олав уехал в монастырь на острове Айона, стал монахом и умер год спустя. Его падение не освободило Ирландию от викингов и спустя девять лет сын Олава Сигтрюгг Шелкобородый стал королем в Дублине и принял участие (поддержав другую сторону) в старой междоусобице Мита и Лейнстера. Он был разбит Брианом Бору, королем Мунстера, в 1000 году. И тогда в 1002 году Ирландия впервые была объединена и перешла под власть ирландского короля. Бриан стал хорошим правителем и в его

царствование во всей стране был мир в течение десяти лет (длительный срок для Ирландии). Он был ревностным сторонником культурного развития и тратил треть своих доходов, поступающих из Уэльса и Шотландии, на пожертвования в пользу искусства и школ. Но введенные тяжелые налоги (особенно на скот) подвигли население Лейнстера на мятеж против него. Разногласия предоставили удобную возможность для вмешательства в конфликт Шотландии, Уэльсу, Фландрии и Нормандии, а также Сигурду Дигри, который приплыл в Ирландию с Оркнейских островов. Битва при Клонтарфе, состоявшаяся в страстную пятницу 1014 года, окончилась великой победой ирландцев, однако в бою пали Бриан со своим братом, сыном и внуком, а также Сигурд. Но Сигтрюгг Шелкобородый в результате битвы все-таки взял Дублин; он царствовал двадцать лет, в течение которых продолжалось христианское пилигримство и набеги викингов. Было бы неверно представлять битву при Клонтарфе как подъем национального движения ирландцев против захватчиков. Битва оказалась столь прославлена в истории, поскольку в ней погибли такие великие люди, как Бриан и Сигурд, а стихи о знаменитом сражении даже были включены в сагу о Ньяле:

Я в земле ирландской
Был. Там шло сраженье,
Там звенели копыя
И щиты сшибались.

Сеча была жестокой,
Сигурду пал, сраженный,
Бриан тоже. Но в битве
Одержал победу.

(Сага о Ньяле, 157)*

Письменные источники предоставляют нам только описания битв и при этом преувеличивают данные о численности армий и о размере дани. В них мы не находим свидетельств о том, что Дублин являлся норманнским центром Ирландии, и даже намек на процессы колонизации, которая могла происходить где-либо еще в Англии или на островах Атлантического океана. Отсутствие скандинавских топонимов вполне согласуется с этим фактом. Ограниченный характер относительно небольших гарнизонных сил викингов, расквартированных в Дублине и в других местах страны, а также то, что они довольно рано обратились в христианство, объясняют редкость захоронений, организованных по языческому скандинавскому обряду, в Ирландии. Известно только одно большое кладбище, находящееся на месте госпиталя Килмайнхэм в Дублине. Там были найдены около 40 мечей, в большинстве своем относящихся к IX веку, некоторые богато украшенные, а также 35 копий и 30 умбонов. Однако археологи обнаружили только шесть женских могил. Все погребения датируются IX веком и одно — началом IX века. Видимо,

* Перевод А. И. Корсуна.

женщины находились в поселении при его основании.

В остальных местах Ирландии находки крайне разрозненны. В нашем распоряжении находятся только три рунические надписи, представляющие смешение норвежских и ирландских элементов. Одна находилась на португее, найденной в Гринмаунте: «Дуфналл Тюленья голова владеет этим мечом»; другая — с каменного креста в церкви Киллалы: «Торгрим воздвиг этот крест», далее текст написан кельтским огамом: «Beandac(h)t (ar) Toreagr(im)» — «благословение Торгриму». Третья надпись: «Лир воздвиг этот камень; М... вырезал руны» найдена на острове, именуемом Бегиниш, Ко. Керри. Эти надписи датируются XI веком и свидетельствуют о полном слиянии к этому времени ирландцев и норвежцев. Археологический материал подтверждает часто довольно спорные данные письменных источников в том, что норманны удерживали Ирландию главным образом в качестве укрепленной базы для проведения с ее территории других операций и не пытались колонизовать ее; такая расстановка сил, возможно, послужила основой при описаниях вымогательств дани викингами у местного населения. Однако возможно, что норманнское поселение вообще не было постоянным на этой территории.

Глава 3
*Континентальные
государства*

Самые ранние контакты Скандинавии с континентальными государствами, по-видимому, имели мирный характер и основывались на торговле. Правда, в нашем распоряжении есть свидетельства об одном или двух незначительных набегах скандинавских мореплавателей, но они являются исключениями. Торговая активность континентальных и скандинавских купцов постоянно росла, а параллельно ей развивалось миссионерство. Примерно в 700 году в Данию впервые была направлена миссия Виллиброрда, апостола фризов, который оставил Утрехт, чтобы проповедовать на Севере. В любом случае, даже если его миссия не имела большого успеха, она продемонстрировала осмотрительность церкви, а также ее интерес к Скандинавии.

В самом начале IX века империя Карла Великого в основном расширялась в северном направлении. После того как были побеждены

*Империя
франков*

саксы, граница государства проходила по Эльбе. Дания находилась от нее в опасной близости, поскольку вероятно, что Карл Великий не остановил бы свою экспансию на Эльбе. Готфрид — первый король Дании, которого можно считать реальным человеком, а не мифическим героем саг, как его предшественников. Впрочем, о нем самом, о характере его власти в королевстве известно немного, так что мы не можем говорить о его внешней политике в современном понимании этого термина. Однако создается ясное впечатление, что за таким предприятием Готфрида, как, например, рейд против ободритов и их торгового центра — города Рерика, скрывается сознательно проводившаяся им оборонительная политика. В это время Карл Великий владел всем побережьем Фрисландии, а фризы были традиционными торговыми партнерами народов Северной Европы. Готфрид не удовольствовался добычей из разграбленного Рерика, но принудительно переселил торговцев оттуда в свой собственный новый торговый город, Слиесторп, и немедленно укрепил его коммуникации и южную границу с владениями Карла Великого. «Франкские анналы» следующим образом описывают его действия: «Он приказал, чтобы граница королевства против саксов была укреплена валом так, чтобы этот вал тянулся от восточного моря, которое даны называют Балтийским («Восточная соленая вода»), до западного океана и мог защитить весь северный берег реки Эйдер; для проезда повозок и всадников через

него устанавливались только одни ворота. После того, как работы по сооружению были распределены между военачальниками, он вернулся домой». Уважению к датскому государю, проявленному в этом франкском описании, можно противопоставить иронию, с которой Эйнхард, биограф Карла Великого, намного позже (после 830 года) упоминал о Готфриде: «Он считал Фрисландию и земли саксов своими владениями, и, без сомнения, вскоре пришел бы в Аахен с сильной армией». Ирония, однако, относится не к исследуемым нами событиям. Первая реакция Готфрида на экспансию Каролингов не была исключительно оборонительной, как показывает его нападение на Рерик, а широкомасштабные мероприятия на границе были предприняты с намерением предотвратить переход скандинавской торговли под плотный контроль более могущественного соседа, обладавшего Фрисландией.

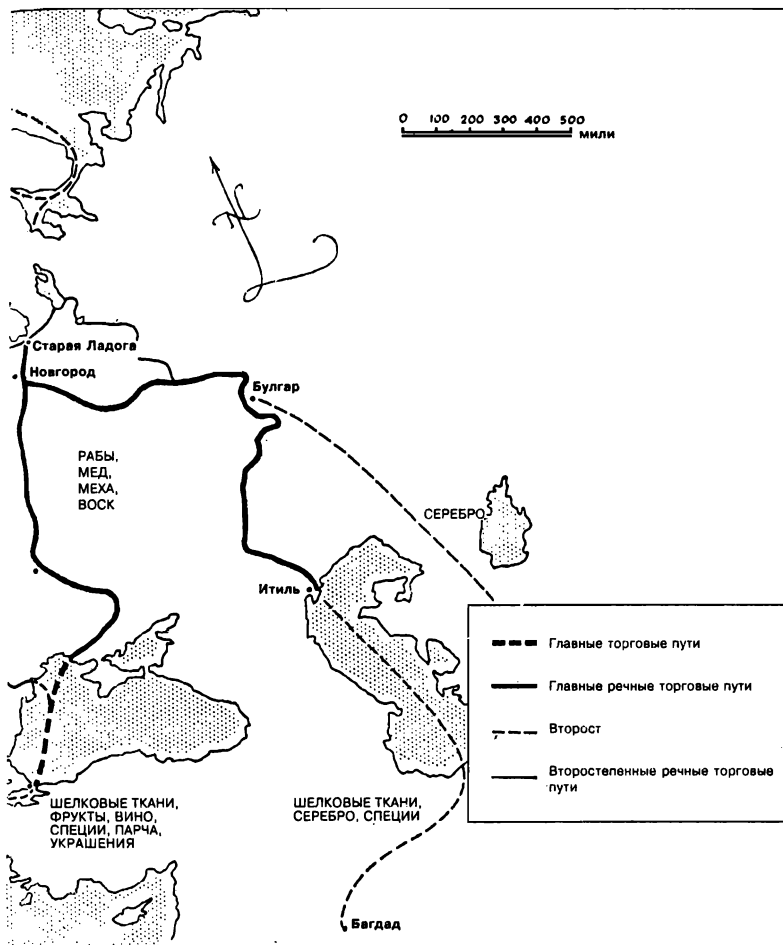
В 810 году Готфрид вторгся во Фрисландию с флотом в 200 кораблей, разгромил в трех отдельных сражениях береговую охрану, с большой заботой организованную Карлом Великим, и потребовал 100 фунтов серебра дани.

Когда в 814 году Карл Великий умер, он оставил своему сыну и наследнику Людовiku Благочестивому могущественную империю. Ее защищал флот, стоявший на реках, и рекруты из числа жителей всего побережья, привлеченные для защиты государства, когда угроза нападения на страну данов стала очевидной. Вследствие этого одной из важнейших забот

Людовика стало поддержание системы безопасности, которую организовал его отец. И это, видимо, ему удавалось, так как за период с 814 по 833 год только в 820 году викингам удалось напасть на империю. В этом году тринадцать кораблей появились у берегов Фландрии, но сразу же были обращены в бегство и понесли некоторые потери. Немного позднее, но также в 820 году скандинавы вошли в Сену, но, потеряв пять человек, вынуждены были уйти. Эти два происшествия, удостоившиеся упоминания в анналах, позволяют предположить, что в этот период масштабных набегов на территорию империи норманны не предпринимали. Викинги были прежде всего профессионалами-пиратами и после того, как удостоверились, что Людовик поддерживает систему береговой охраны, более не совершали нападений; когда она существенно ослабла в результате внутренних раздоров в империи, набеги возобновились. В 834 году на разграбление датскому флоту, который перед этим слегка похозяйничал на побережье, был отдан Дорестад, город неизмеримо богатый, в то же время незащищенный. Эта операция должна была убедить викингов, что в будущем они не встретят серьезного сопротивления; она ознаменовала начало более основательных набегов норманнов на империю франков, хотя мы не обладаем свидетельствами о их масштабных организованных вторжениях вплоть до смерти Людовика в 840 году. Пока сыновья последнего сражались друг с другом за империю, впервые датский

флот под командованием Асгейрра вошел в Сену и сжег Руан, разграбив берега реки до самого монастыря Сен-Дени; в следующем году подвергся нападению Квентовик — главный порт в торговле с Англией. Таким образом, разграбленными оказались все три крупных торговых центра империи (Дорестад, Руан и Квентовик). В 843 году был атакован Нант, когда город оказался переполнен людьми, отмечавшими праздник Иоанна Крестителя. Викинги расположились на острове Нуармутье, как говорят анналы, «словно они решили остаться там навсегда»; остров был оставлен монахами после набегов норманнов в более ранние времена. Это первое упоминание о зимней стоянке скандинавов: хотя викинги были названы «вестфольдингами» с западного берега Осло-фьорда, более вероятно, что они приплыли к Луаре из своего королевства в Ирландии. Нуармутье был важным торговым пунктом, к которому приставали корабли из всех частей Европы, приплывавшие за солью и вином из долины Луары; теперь торговля там велась под флагом пришельцев.

После смерти Людовика его старший сын и будущий император Лотарь в качестве своих личных владений получил узкую полосу земли, протянувшуюся в середине Европы, от Италии до Фрисландии, зажатую между более широкими землями своих братьев, Карла Лысого на западе и Людовик на востоке. В своей неравной борьбе с ними он прибегал к вербовке наемников среди скандинавов, и очевидно,

что в некоторых решающих сражениях обе стороны использовали отряды викингов. В сложных обстоятельствах тех времен, однако, вероятно, для норманна всегда более выгодным должно было быть проведение грабительских набегов на свой страх и риск, чем принуждение действовать просто в качестве сторонника одного из сыновей Людовика. Большинство викингов, которые прибыли на территорию империи, возможно, исходили из своих собственных расчетов. Так что возможной причиной, по которой Лотарь пожаловал остров Вальхерен во Фрисландии двум братьям — Харальду и Рорику, — стало стремление заключить союз против других норманнов и своих собственных братьев. Союз явился первым шагом на том пути, который привел к пожалованию Ролло Нормандии в 911 году. Харальд, вероятно, был не самым сильным претендентом на датскую корону, но в 826 году он крестился в Ингельхейме и получил в награду за свое обращение в христианство Рюстрингию в устье Везера. Определенно руководители норманнских походов зачастую были не простыми людьми. Хорек, король Дании, направил флот из 600 кораблей, который сжег Гамбург (где едва не был убит святой Ангарий) в 845 году; в том же году Рагнар (возможно, это был знаменитый Рагнар Кожаные Штаны) провел вверх по Сене 112 кораблей. Система франкской береговой охраны более не была эффективной и Париж пал перед ним. Сочинение Эрментария Нуармутьеского, относящееся к 860-м годам,

оставляет яркое впечатление об этих мрачных временах:

число кораблей увеличилось: нескончаемый поток викингов не прекращает усиливаться. Повсюду христиане становятся жертвами резни, сожжений и грабежей: викинги захватывают все на своем пути и никто не сопротивляется им: они захватили Бордо, Периге, Лимож, Ангулем и Тулузу. Анжер, Тур и Орлеан уничтожены, и бесчисленный флот проплыл вверх по Сене, и зло растет во всей области. Руан лежит пустынным, разграбленным и сожженным: Париж, Бове и Мо взяты, мощная Мелюнская крепость сровнена с землей, Шартр занят, Эвре и Байе разграблены, и каждый город осажден. Ни один город, ни один монастырь не остались неприкосновенными. Все обращалось в бегство, и редко кто-нибудь говорил: «Остановись, окажи сопротивление, защищай свою родину, детей и народ!» Не понимая смысла происходящего и в постоянных раздорах между собой, откупались все деньгами там, где нужно было для защиты применить оружие, и так предавали дело Божие.

Вероятно, Эрментарий, описывая события, не избежал серьезного преувеличения и, конечно же, обращал свой взор прежде всего на значительных людей, которые в большей степени интересовались собственными доходами, нежели состоянием обороны государства. Однако временами враг встречал энергичный отпор, как это случилось при осаде Парижа в 886 году. Описание этой осады, которое нам дает Аббо, дополняет сведения Эрментария.

Город трепещет, рога ревут, стены орошены потоками слез. Вся земля стенает: с реки слышатся звуки рога. Камни и копья летят по воздуху. Наши люди издают громкий боевой клич, на который ответили даны. Внезапно земля содрогается (так как башня упала): мы стенаем, даны радуются. Подкрепления, храбро сражаясь, пытаются пробиться к тем, кто стонет в башне, но тщетно.

Видимо, все чаще и чаще от набегов викингов франкские государи предпочитали просто откупаться. Из истории Англии хорошо известны так называемые «датские деньги». Однако исследователи часто упускают из виду, что мы впервые сталкиваемся с этой практикой во Франции, откуда она была перенесена в Англию. Набеги викингов на Францию, непохожие на первые нападения, организованные ими в Британии, по-видимому, были сравнительно краткими операциями, направленными только на выколачивание денег из тамошних правителей. Карл Лысый в 845 году проявил свое нежелание платить им дань, но был вынужден сделать это под давлением представителей знати, которая испытывала неприязнь к идее сильной централизованной монархии и могла способствовать тому, чтобы тяжесть выплат «датских денег» падала на крестьянство, а не на их собственные владения. 7000 фунтов серебра купили в 845 году мир на семь лет, но в 852 году (9 октября) два новых вождя, Сидрок и Готфрид, взыскали «датские деньги» с населения долины Сены. В следующий раз дань заплатили

в 860 году, но очень странным способом. Отряд под командованием Бьерна основал базу викингов на острове Осцеллус (на реке Сене), возможно, вблизи от Жефосса, и в 856 и 857 годах разграбил Париж. Попытка короля освободиться от викингов была сорвана мятежом знати, для подавления которого он снял двенадцатинедельную осаду острова.

В 859 году новый флот викингов под командованием Велунда прибыл на Сомму и приступил к грабежам. Так как в этом районе действия его отряда привели к столкновению с норманнами, обосновавшимися там ранее, в 860 году Велунд предложил франкскому государю уничтожить последних за 3000 фунтов серебра. Король принял его предложение и приступил к сбору денег, вводя налоги на хозяйства, церкви и всех торговцев, даже беднейших. Это была некая разновидность *heerbann*'а, который первоначально платили за освобождение от военной службы, излишек же оставался в казне, так что сбор «датских денег» был делом гораздо более прибыльным для казны государства, а не только выгодным с точки зрения данов. Попробуем подсчитать размер дани. Процесс платежа потребовал столь долгого времени, что сумма выросла до 5000 фунтов, также увеличилось количество зерна и скота, которое необходимо было отдать норманнам. Жизнеописания святых, живших в то время, сообщают, что дань платилась золотом, так же как и серебром. Однако в это время золото не использовалось для чеканки монет, хотя некая

изящная золотая вещица начала IX века, возможно из ремесленных мастерских Реймса, была найдена в Хоне в Норвегии, и нет ничего невероятного в том, что она могла быть частью «датских денег». Получив собранную дань от Карла, викинги Веланда победили людей Бьерна на острове и получили в качестве добычи от них свыше 6000 фунтов серебра. Подобная эксплуатация франкского королевства норманнами продолжалась до 926 года. «Датские деньги» взимались 13 раз, и общая сумма семи платежей, данные о которых сохранились, составила 39 700 фунтов серебра; в 866 году в платеж были включены продовольствие и вино, и специально оговаривалось, что серебро должно было взвешиваться в соответствии со скандинавскими мерами веса. Кроме того, население государства должно было платить возмещение, если убивали скандинава; также если кто-либо из захваченных викингами рабов бежал, то его должны были или возвратить, или компенсировать потерю деньгами. Грабеж без разбора, характерный для предшествующего времени, сменился масштабной системой поборов.

Активность викингов достигает своего наибольшего размаха в период с 879 по 892 год, именно в эти времена появляется знаменитая молитва — «Боже, избави нас от неистовства норманнов!». Однако разразившийся на континенте голод стал причиной того, что пираты на время, с 892 по 896 год, обратили свои взоры к Англии.

Во франкских хрониках имеется лакуна, охватывающая события с 900 по 919 год: в этот период корона Франции оказалась в зависимости от норманнов. Видимо, в 900 году во Францию прибыл Роллон со своими людьми, стремившийся скорее найти землю, нежели заниматься разбоем. В 911 году Карл Простоватый, будучи не в состоянии предотвратить его вторжение, пожаловал Роллону Нормандию, вероятно на определенных условиях, как и другим своим баронам. Роллон укрепился на своих землях, и когда граф Роберт Парижский поднял мятеж против короля и победил, норманны оказали сопротивление войскам графа. Новый король Рудольф в конце концов вынужден был пойти на соглашение с норманнами и заплатить в 926 году «датские деньги» немного иного свойства. Кроме того, в этом году они были заплачены в последний раз. Когда Нормандия перешла под управление норманнов, туда прибыли новые отряды скандинавов; на основании топонимов и терминов земледелия можно предположить, что последняя часть переселенцев прибыла из области «датского права» в Англии.

Возможно, что в основе таковы времена позднего феодализма во Франции — налога, взимавшегося по усмотрению сеньора с подданных, — лежат как раз те самые мероприятия, которые предпринимались для сбора «датских денег». Однако в Европе остались и некоторые материальные свидетельства о пребывании викингов. Например, захоронение в Антуме вблизи

Илл. 36, 38

Илл. 37

Гронингена в Голландии предоставило нам ряд вещей скандинавского происхождения, датированных концом IX века: два меча, два копья, щит и стремя. Судя по находке двух овальных бронзовых фибул, обнаруженных в погребении в Питре (между городами Руан и Париж), относящегося к тому же времени, оно принадлежало женщине. Наиболее интересными и спорными являются три захоронения викингов на острове Груа (на южном побережье Бретани недалеко от Лорьяна). Море постепенно разрушало курган на вершине скалы, когда в 1906 году он все-таки был исследован де Шателье. Насыпь 5 ярдов в высоту и около 20 ярдов в диаметре покрывала зону кремации, составлявшую 6 на 5 ярдов и 6 дюймов в толщину. В верхней части этой зоны были найдены 800 заклепок, 200 гвоздей и фрагменты 15 умбон. В центре находился большой железный котел, окруженный оружием и кузнечными инструментами. Один из мечей сохранился довольно хорошо; некоторые из копий, перед тем как быть помещенными в захоронение, были специально погнуты. Там также были найдены украшения, например маленькие серебряные пряжки и застежки для чулок, золотое кольцо и маленькие бусины из плавленого серебра; кроме того, сохранились золотая и серебряная кайма с богато украшенной одежды. Также среди многих фрагментов различных изделий, обнаруженных в погребении, можно узнать игральные кости и фигурки, упряжь и оправы рога для питья.

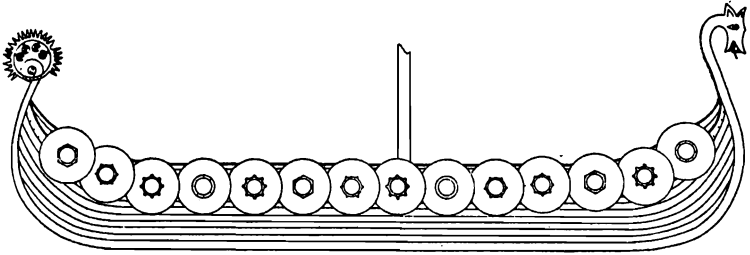

Рис. 16. Реконструкция ладьи из Иль де Груа

Совершенно очевидно, что здесь мы имеем дело с погребением в ладье скандинавского типа (корабль был построен из дуба, но его мачта и весла — из сосны, которая в настоящее время в этой части Бретани не растет). Подобный тип захоронения был общепринятым для Норвегии и в средней Швеции, но редким для поселений викингов на Западе. Хотя от корабля сохранилась незначительная часть (возможно, он составлял 40 футов в длину), чтобы представить его строение, одна деталь — круглый обод диаметром в 2 фута с подвижными листообразными украшениями по кругу внешней стороны и тремя кольцами внутри — позволяет восполнить лакуну в наших знаниях о кораблестроении викингов. Обод мог и не иметь практического назначения и, очевидно, должен был быть виден с обеих сторон ладьи; однако его нельзя было закрепить где-либо еще, так как для этого не было необходимых отверстий. Вероятно, обод представлял собою «хвост дракона», уравнивающего носовое украшение, о котором упоминают саги.

В настоящее время известно, что именно дракон часто выступал в качестве такого украшения, не только судя по названию корабля — «драккар», но и по положениям, представленным в древнеисландских законах о том, что угрожающие носовые украшения необходимо снимать при входе в гавань, чтобы они не отпугнули духов-хранителей этой земли. Очень похожее на описанное выше украшение можно увидеть на одном из резных камней с Готланда (из Смисса в Стенчурке).

Ритуал погребения в ладье по характеру является скандинавским, один из найденных мечей также был выкован в Скандинавии, тогда как остальные — в каких-то других землях. Одно из копий происходит из Западной Европы, а другие, как можно установить по их форме, — из Скандинавии, в то время как умбоны и большая часть других находок нетипичны для Скандинавии. Отсутствие каких-то специфических ирландских черт не позволяет считать, что погребенный в ладье был родом из Ирландии, и в то же время большое количество вещей иностранного производства указывает на то, что он не прибыл прямо из Скандинавии. Возможно, он состоял в отряде викингов с Луары или из Нормандии, а его погребение служит единственным примером некоторого слияния культуры викингов с континентальной культурой, которое можно сравнить с аналогичными процессами в Ирландии и в области «датского права» в Англии. Остров Груа — это уединенный клочок суши в Атлантике, нахо-

дившийся на одном из основных морских торговых путей в Западной Европе. Он был предназначен самой судьбой стать отличным пристанищем для пиратов. Мужчина, погребенный в ладье вместе с более молодым человеком (возможно, женщиной), вероятно, был скандинавским морским королем. Он мог долгое время жить вне дома и, по-видимому, был представителем второго поколения скандинавов, живших в Нормандии или в долинах Луары.

На территории Нормандии сохранились остатки примерно 500 земляных сооружений различной формы и размера. Однако раскопаны и исследованы очень немногие, поэтому в настоящее время их нельзя датировать или соотносить с определенным историческим событием. Из хроник мы знаем, что викинги строили земляные укрепления, и предположительно они упоминают о некоторых из тех, что расположены в Нормандии.

Аг-Дайк — земляное сооружение, пересекающее полуостров — Ля Аг к западу от Шербурра, имеет скандинавское наименование (*haga* — замкнутое пространство, *dike* — вал) и находится в области, богатой скандинавскими топонимами. Оно занимает последние 5 миль полуострова, располагаясь между двумя глубокими бухтами, включая единственную удобную природную гавань. Укрепление было построено ради защиты населения, жившего вне его стен, от нападений со стороны суши. Характер данных оборонительных сооружений заставляет предположить, что они являются аналогичными

сооружениям в Треллеборге и Даневирке. В результате раскопок, проведенных совместно университетами Кана и Лунда в 1951–1952 годах, стало ясно, что его структура крайне сходна со структурой земляных укреплений, известных в Скандинавии. Однако, когда древесный уголь из основы насыпи был проверен радиоуглеродным анализом, результат оказался более удивительным. Земляное сооружение датируется гальштаттским периодом, т. е. 800–900 годами до н. э., хотя нельзя исключать возможности его повторного использования уже в период викингов. Топонимы показывают, что скандинавы определенно обосновались на этих землях, но при этом описываемые нами фортификационные сооружения нельзя поставить в один ряд со строениями викингов в Треллеборге и Даневирке.

Испания и Средиземноморье Набеги викингов на континент не были сосредоточены в бассейне Северного моря и атлантического побережья. Одним из блестящих королевств Европы (и важным посредником между Востоком и Европой) было государство мавров в Испании. Слухи о его богатствах гремели по всей земле и могли ввести многих викингов в соблазн совершить набег. Сохранилось очень немного арабских сочинений, относящихся к тому времени, но они часто дословно представлены в более поздних текстах. Поздние авторы называли викингов аль-маджус (огнепоклонники, маги, варвары), точно так же как, правда с религиозной точки зрения, англо-саксонские писатели говорили о них

как о «язычниках». Вероятно, слово аль-маджус с самого начала имело такое значение. Арабский автор XIII века Ибн аль-Асир, который использовал сочинение аль-Табари, сообщает, что Альфонсо II, оказывая сопротивление маврам в 795 году, привлек на помощь аль-маджус. Если мы вспомним, что в 799 году Алкуин написал о «варварском разорении побережья Аквитании», то у нас нет причин сомневаться в том, что викинги достигли Испании в конце VIII века. Первый набег, о котором мы знаем наверняка, состоялся в 844 году, когда были разрушены стены Севильи. Согласно Ибн аль-Квтийя (умер в 977 году), викинги также проплыли к Северной Африке и Италии и даже достигли Александрии, но этот подвиг уже относится к набегу 859 года, осуществленному Хастейном и Бьерном.

Именно во время этого набега произошла весьма интересная история, связанная с разграблением «Рима», которую нам поведал Дудо из Сен-Кантена. Обнадеженные успехом во Франции, викинги не хотели довольствоваться меньшей добычей, нежели та, которую сулил самый большой город мира. Его богатства побуждали их осадить его. Поскольку городские оборонительные укрепления оказались слишком мощными, викинги прибегли к хитрости, чтобы получить доступ в город. Они притворились, что их вождь умер и они желают похоронить его по христианскому обряду. Как только похоронные носилки благополучно оказались в городе, «мертвый» Хастейн соскочил с них

и бросился к епископу. После этой мнимой победы весть о том, что данный город — вовсе не Рим, а маленький портовый городок Луна, сделала вождя безумным.

Трудно сказать, насколько правдива история об этом набеге. Скандинавы отправились в путь от Луары в 859 году и возвратились в 862 году, возможно под руководством викинга из Ирландии, который должен был знать о старом морском пути из Ирландии в Испанию. По-видимому, сообщение, что в Ирландии продавались черные рабы вскоре после экспедиции в Испанию, не является простым совпадением.

В Испании, по-видимому, противодействие викингам было более упорным (и также более техничным), чем во Франции. Об этом свидетельствуют слова Ибн аль-Квйтийя, что бежавшие викинги защищали себя против возможных атак, угрожая не освобождать за выкуп пленников, которые имелись на борту, а через какое-то время были готовы освободить своих пленных только за одежду и пищу, а не за золото и серебро. Технические знания арабов ярко проявились в снаряжении флота, построенного эмиром Севильи. Морские пехотинцы (набранные в Андалусии) были вооружены хорошим оружием и нефтью, по-видимому, для метания огня, в каком-то смысле напоминавшей современные огнеметы. Арабский флот стал наиболее эффективным оружием против просмоленных кораблей, построенных из смолистой мягкой древесины, подвижность которых

зависела от гребцов, ограниченных в свободе передвижения шкафутом. Показательно, что 62 корабля из знаменитой экспедиции Бьерна и Хастейна в 859 году вскоре после разорения Альхесираса оставили Испанию и основательно опустошили африканское побережье перед тем как отправиться во Францию на зимнюю стоянку, где они надеялись найти покой. Викинги поселились в Ля Камарге в дельте Роны, отсюда они предпринимали набеги вверх по реке на север до Нима, Арля и Валенсии. В конце концов норманны потерпели поражение, после чего, плывя вдоль итальянского побережья, разорили Пизу и, возможно, продолжили грабежи в Восточном Средиземноморье. Однако, когда они возвращались через Гибралтарский пролив в 861 году, путь им преградил сарацинский флот, так что из первоначальных 62 кораблей только 22 вернулись в Луару, из которой они выплыли. Но получив в качестве выкупа за Памплону от короля Наварры 90 000 денариев, викинги тем не менее считали, что их экспедиция была довольно успешной.

Интервал между датой этого похода и следующим набегом викингов на испанский полуостров занимает почти век, что можно рассматривать как убедительное доказательство эффективности сопротивления мавров. Конечно, в это время предпринимались небольшие набеги, но даже следующее организованное в 966 году нападение викингов было относительно незначительным, так как в нем приняли участие только 28 кораблей, которые потерпели

значительное поражение. В 970 году в мавританской Испании ходили слухи о близком прибытии другого флота викингов — «пусть Аллах проклянет их», — но ничего не произошло. Однако слухи не были полностью беспочвенными, так как христианское королевство Астурия в северной Испании в эти годы подверглось нападениям викингов. Восемнадцать городов, включая Сантьяго де Компостелла, попали в руки викингов. Видимо, небольшая часть этого флота и была обнаружена береговой охраной мавров.

Ясно, что Средиземноморье и Испания находились на самом краю в то время известного и привлекательного для викингов мира. Однако это вовсе не означает, что они шли на заключение соглашений с маврами; возможно, инициатива в таких мероприятиях принадлежала последним, хотя сообщение о посольстве от эмира Севильи к королям викингов может и не являться подлинным. Торговый путь тогда пролегал вдоль атлантического побережья Европы в направлении к Ирландии. Некоторые арабские монеты, обнаруженные в кладах времени викингов на территории Норвегии, отчеканены в мавританской Испании и Северной Африке и, по-видимому, попали в Норвегию через Ирландию. Когда ирландцы в 968 году отвоевали у норманнов Лимерик, в числе захваченных вещей, видимо, оказались богато украшенные седла чужеземной работы и великолепные пестрые одежды из алого и зеленого шелка. Они действительно похожи на импортные

товары из мавританских стран. Захоронение викинга-торговца на острове Колонсей (Гебриды) показывает, что торговый маршрут продолжался и далее на север. Погребение относится к концу IX века и содержит пару свинцовых гирек, которые украшены эмалированными бронзовыми пластинками. Орнамент

на этих пластинках, очевидно, происходит от арабского письма. Его имитация является более красноречивым свидетельством широкого распространения арабских товаров, нежели даже наличие подлинных арабских вещей, обнаруживаемых в норманнских погребениях. Однако торговый путь на запад, который использовали скандинавские купцы, в меньшей степени известен из источников, чем маршрут шведских викингов на Русь, и поэтому он не стал объектом интенсивных исследований.

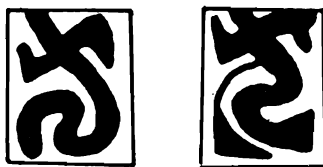

Рис. 17. Имитация арабских надписей на паре свинцовых гирек из погребения в Килоран Бэй (Колонсэй)

Глава 4

Шведские викинги на Востоке

Шведские экспедиции викингов в восточном направлении имели ряд серьезных отличий от тех, что предпринимались данами и норвежцами на Западе, так как последние уходили в военный поход против хорошо организованных, хотя и разобщенных, королевств. Богатства этих государств были сконцентрированы в одном районе и представляли собой подходящую цель для грабителей. С другой стороны, на Востоке шведы должны были продвигаться по рекам через гигантские пространства, населенные только финскими и славянскими племенами, прежде чем они могли достичь границ Арабского халифата и Византийской империи. Основное богатство этого региона состояло в его натуральных ресурсах, пушнине и рабах, которые можно было выгодно продать на рынках Востока. Позднее шведы преуспели, облагая податью местное население, а в X веке они также предприняли

несколько походов с целями грабежа и наживы, которые были обычны на Западе.

Наиболее важный литературный источник, сообщающий о деятельности викингов на Востоке, — летопись Нестора, относящаяся к началу XII века и повествующая о правлении скандинавских князей в Киеве. Ее материал составлен на основании ряда фрагментов, взятых у греческих хронистов, а также текстов, составленных некоторыми ранними летописцами, и двух-трех мирных договоров, заключенных между греками и скандинавами. Более богатый материал о деятельности викингов на востоке в этот период времени, возможно, связан с воспоминаниями военных, участвовавших в походах, и с информацией, сохранившейся в Варяжской саге, которая появилась на территории Южной Руси; некоторые из этих повествований были включены в исландские саги, так как в жизни любого норвежского воина тот факт, что он являлся частью гвардии варангов (скандинавских наемников в Восточной Империи), был очень запоминающимся событием. Летопись Нестора говорит об изгнании скандинавов после их первых попыток ввести налогообложение в стране. Но из-за продолжающихся беспорядков они были призваны вновь, и три брата: Рюрик, Синеус и Трувор вернулись. После смерти своих братьев Рюрик поселился в Новгороде и принял власть во всем княжестве. Однако летопись нельзя считать надежным источником в описании начал шведской экспансии в восточном направлении (она напоминает

историю саксов пера Видукинда), которая проводилась главным образом в районе Волги, поэтому летопись Нестора (подобно ранней «Англосаксонской хронике») ставила своей целью описать истоки происхождения русского княжеского дома.

Более определенные свидетельства исходят от франкских «Бертинских Анналов», которые сообщают, что в 839 году Людовик Благочестивый принял в Ингельгейме посольство от византийского императора Феофила. Посольство сопровождали несколько шведов, называющих себя росами (Rhos) (этот термин мы встречаем в письменных источниках в первый раз). Они были посланы своим князем в Константинополь для переговоров, но не смогли вернуться на родину тем путем, которым пришли, из-за диких племен, преградивших им дорогу. Феофил посоветовал им вернуться на родину через владения Людовика. Понятие «рос» стало позднее общим именем скандинавов, проживавших в Киеве, от него произошло название страны — «Русь». Этимология слова вызвала появление многих теорий. Наиболее вероятно, что оно произошло от слова «*godr*» («дорога гребцов»), которое дали финны Швеции, назвав ее Руотси. Важно учитывать, что слово «Русь» использовали как обозначение шведов, проживавших именно на Руси, но не в самой Швеции. Скандинавы, прибывшие к Людовику с посольством, сообщили, что их князя называли «каган» (*chaganus*), т. е. так же, как своих правителей величали хазары, проживавшие на

севере Каспия, и болгары, располагавшиеся в середине Волги: возможно, они сами пришли с верхней Волги. Титул *chaganus* также использовал арабский автор Ибн Русте, который писал о Руси в начале X века.

Таким образом, можно сделать предположение, что к 839 году на верхней Волге уже было организовано независимое шведское государство по примеру моделей государств болгар и хазар, однако это лишь гипотеза. Археологические данные показывают, что шведы вошли в это время в соприкосновение с Востоком через торговый путь по Волге. Те, кого источники называют «*kolbjäger*» (колбяги), являлись, возможно, торговцами пушниной, объединявшимися в некоторое подобие торговой гильдии: это слово, очевидно, произошло от древнесеверного «*kylfingr*» («член общества»), и напоминает в этом смысле термин «*felagi*» (англ. «товарищ»), которое широко использовали, например, в рунических надписях, обнаруженных в Хедебю, где оно также обозначало долю в предприятии. Коммерческая активность викингов на Востоке сделала необходимым создание постоянных стоянок для сбора и обмена товарами, но только один из подобных пунктов — в Старой Ладоге (древнесеверное название: Альдейгьуборг) — был исследован учеными. Он не был расположен (как Бирка, Хедебю и Волин) у моря, на открытом пространстве, которое оказывалось незащищенным при внезапной атаке, а лежал в 8 милях вверх по реке Волхов в устье Ладоги, где земляной

*Ладожский
регион*

вал окружал территорию города, занимавшего немногим меньше четверти квадратной мили. Город находился на высоком берегу реки у оврага, который давал дополнительную защиту, а земля сохранила остатки строившихся там деревянных зданий. Археологические раскопки начались в этом месте в XVIII веке, но только с раскопками, проводившимися В. И. Равдоникасом начиная со Второй мировой войны, стало возможным сформировать четкое представление о городе.

Литературные источники, предоставляющие различного рода информацию об Альдейгьюборге, сохранившуюся в ранних норвежских сагах, являются поздними произведениями, не подлежащими верификации. Старейшие саги сообщают о событии, которое предположительно относится к концу X века, когда ярл Эйрик сжег город. Однако археологические данные свидетельствуют, что он существовал длительное время, хотя точный срок установить чрезвычайно трудно. Уровни IX и X веков, обнаруженные при раскопках, содержат много предметов шведского происхождения, но вполне вероятно, что когда на территорию Старой Ладogi прибыли первые шведы, там уже существовало какое-то поселение. Неясно, захватили ли шведы город или получили разрешение селиться там в ходе переговоров с местным населением. Из слоя, относящегося к IX веку, происходит лук с рунической надписью, которая, возможно, является отрывком из героической поэмы, хотя ее и достаточно трудно расшифровать:

На щите облаченный в оперение орла,
покрытый инеем, господин;
сияющий лунный волк;
пядей плуга широкий путь.*

Поэмы, описывающие и восхваляющие оружие (хотя чаще всего рунические надписи вырезали на щитах), приписывают двум ранним скальдам, Браги и Тьодольфу, и нет ничего странного в появлении похвалы оружию, которое довольно богато украшали в это время и о котором могли писать скальды. Обнаружение этого отрывка, напротив, доказывает зарождение образной скальдической поэзии уже в очень ранний период; Браги считается основателем высокопрофессиональных и отточенных форм стиха, и во многих кеннингах или метафорах-загадках у поздних скальдов он предстает неким полубожественным покровителем поэзии; Тьодольф, скорее всего, полумифическая фигура, насколько предполагает наше знание о нем. Удивительно, что поэма из Старой Ладogi, как бы ее ни интерпретировали (версия, данная выше, основана на изысканиях Герда Хеста), полна туманного символизма, так же как поздние развитые формы скальдической поэзии X века. Ледяной гигант — это Тресвельгр, который жил на краю мира на Крайнем Севере, палач луны (или ее грабитель) — это великан Сколл или Скати, который в норвежской мифологии размолот солнце и луны, чтобы съесть их, а пахарь — это

* Перевод Г. Хеста.

Гевьон (богиня, упомянутая Браги, в одной из его поэм), чьи быки испахали весь датский остров Зеландия.

Мы обладаем свидетельствами о том, что территория Старой Ладоги продолжала заселяться, при этом она не была простым крепостным убежищем, но являлась настоящим укрепленным городом. Дома там строились один к одному, и когда один дом разрушался, другой возводился в сжатые сроки над ним. Н. И. Репников предположил, что ранние слои (до появления предметов шведского происхождения IX века) говорят о том, что первоначально на этой территории проживали финские племена, но В. И. Равдоникас, основываясь на свидетельствах (едва ли убедительных) найденной керамики, уверяет, что оригинальное поселение было славянским. Тип строения, который использовали жители Старой Ладоги, сначала представлял собою большой дом с двумя комнатами, в то время как для более поздних слоев характерно строительство небольших квадратных однокомнатных помещений с печью в углу, подобных более поздним русским крестьянским избам. В. И. Равдоникас предположил, что переход к иному типу строительства отражает изменения социальной структуры поселенцев, так как более раннюю коллективную форму поселений сменили дома на одну семью в начале X века. Также необходимо отметить, что большой деревянный зал, необычный для славянских племен, свидетельствует в пользу версии о первоначальном финском или

скандинавском поселении, а дома, появившиеся на территории Старой Ладоги в более позднее время, говорят о славянской миграции или о влиянии местных обычаев на скандинавских поселенцев.

Окончательно вопрос о происхождении первых жителей города может быть решен, только когда будут найдены их захоронения. К настоящему времени исследованы далеко не все курганы, которые в большом количестве расположены вдоль рек Волхов, Сясь, Воронег, Паша и Оять, занимающих территорию к югу и юго-западу от Ладоги, и также вдоль Свири, главного пути на восток, между Ладожским и Онежским озерами. Изученными можно считать около 400 погребений (однако некоторые не очень удовлетворительно), которые представляют два типа. Один из них связывают с финскими племенами, в то время как другой — с выходцами из Швеции. Первые шведские поселенцы прибыли на территорию Старой Ладоги в середине IX века. Они дошли до верховий Невы и пересекли Ладожское озеро. Некоторые из них остались жить в этих местах, тогда как другие продолжили путь к Волге, переплыв Онежское озеро и повернув на юг к Вытегре, а потом на восток. Затем ладьи тащили волоком по земле до Ковши, где их ставили на воду, и откуда уже можно было плыть через Шексну до Волги, достигавшей здесь в ширину половины мили. Оттуда легко можно было добраться до великого торгового города булгар в излучине Волги.

В конце IX и в X столетии район Ладоги подвергся постепенной колонизации со стороны шведских поселенцев, которые поддерживали хорошие отношения с местным населением, возможно финским, проживавшим там задолго до прихода шведов. Именно таким образом шведские викинги получили возможность безбоязненно расселяться в X веке по всей юго-восточной территории Ладожского озера от района Старой Ладоги. Впоследствии, однако, они были постепенно ассимилированы местными финскими и также прибывающими славянскими племенами. Тем не менее, шведам удавалось сохранять свои характерные обычаи, одежду и оружие на протяжении века или, возможно, даже дольше.

В настоящее время мы не можем четко определить причины столь широкой шведской колонизации в этом районе. Большое значение Старой Ладоги заключалось, с одной стороны, в ее географическом положении, так как она лежала на великом скандинавском пути на восток, разделяя его на два маршрута, по Волге и по Днепру. В определенной степени она контролировала торговлю на Волхове, но, возможно, сама не являлась очень важным торговым городом, выполняя функции обычного транзитного пункта, который купцы могли использовать для отдыха в своем трудном торговом путешествии. С другой стороны, расширившаяся колонизация на значительной территории вдали от города едва ли была связана с торговлей; скорее всего, она явилась закономерным

результатом процессов переселения большого количества шведских викингов, ищущих новых земель.

При этом на Волге не могло быть подобных шведских поселений, поскольку многие волжские большие города появились задолго до прихода на территорию Руси викингов и были связаны с торговлей пушниной. Ибн Хордадбех (сер. IX века) описывает купцов из этих городов, представляя их «некими европейцами (сакалиба), привозящими шкуры бобров и мех черно-бурых лисиц, а также мечи из дальних краев своей земли к Черному морю. Греческий император просит десятую часть от всех товаров, а если они едут на рынки по Дону через Хамлидж, столицу хазар, хазарский каган также просит свою долю. Когда купцы достигают Каспия, они снова садятся на корабль. Иногда купцы привозят свои товары на верблюде из Гургана в Багдад, где славянские евнухи служат им переводчиками. Они говорят, что являются христианами и поэтому платят налоги как иноверцы». Грубый скандинав, путешествующий с верблюжьим караваном и торгующий в утонченном Багдаде, оказывается невероятно далеко от ладьи Отера, огибающей Норд Кап. Но оба они являлись прежде всего торговцами; хотя мы не должны преувеличивать важность викингов в мировой торговле, основываясь на данных о исключительно высокой ценности мехов в IX веке, которые выступали в качестве предметов роскоши. Но торговля пушниной, медом, воском, дегтем, ору-

Южная
Россия
и Каспий

жием и рабами позволяла многим купцам создать хороший запас из разного рода товаров на рынках в дельте Волги, чтобы пополнить старый. С ним скандинавские торговцы как профессиональные купцы, а не простые «экспортеры», прибывали в великий международный торговый центр в Гургане.

К концу IX века также относятся и первые грабительские набеги викингов на Восток. От 910 до 912 года норманнский флот из 16 кораблей пересек Каспий и атаковал Абаскун, убив при этом многих мусульман. В 912 году, по сообщению аль-Масуди, который обычно всегда преувеличивает, викинги возвратились с 500 кораблями, в каждом из которых находились 100 человек. Хазары Итиля могли воспрепятствовать походу викингов вниз по Волге, но в обмен на обещанную половину доли награбленного добра они пропустили их в Каспий. После того как норманны взяли Баку — его нефтяные запасы были уже известны в то время, — они проникли на территорию Азербайджана, пройдя значительное расстояние за три дня пути от побережья. В конце концов викинги потерпели поражение, а те, кто избежал смерти на поле боя, были убиты позднее, когда возвращались обратно по Волге. Аль-Масуди сообщил, что после своего разгрома викинги не появлялись в этих краях и с тех пор не было больше грабежей и разорений. Данное сообщение относится к 943 году, когда состоялся еще один великий набег. Описание его, представленные арабским автором Ибн Миска-

вейхом (умер в 1030 году), такие детальные, что они, очевидно, записаны со слов очевидцев данных событий. В то время как первые небольшие набеги предпринимались незначительными группами прибывавших по рекам с Севера викингов, ясно, что большие флоты, участвовавшие в завоевательных походах X века, должны были возглавляться теми норманнами, которые обосновались в Киеве. Ранее, в 860 году (по летописи Нестора), они атаковали сам Константинополь и снова напали на него в 941 году.

Совершенно иным для скандинавских купцов, в отличие от традиционных морских побережий и рек, представлялся торговый путь, проходивший через великую пустыню. Он начинался в государстве булгар в излучине Волги, проходил через Хорезм и Хорасан и достигал Китая. Из Восточного Халифата в Булгарию поступало огромное количество серебра для приобретения всевозможных товаров на ее рынках, и многие арабские дирхемы, отчеканенные на Востоке, могли таким образом попасть в скандинавские сокровищницы. Встречающиеся изредка погребения в районе верхней Волги, свидетельствуют о внезапных смертях купцов, участвовавших в торговых предприятиях, но исследователи находят также небольшие скандинавские кладбища, которые, скорее всего, появлялись при постоянных поселениях в таких местностях княжеств Ярослава и Владимира, которые напоминали скандинавам о средней Швеции. Некоторые из этих погребений,

относящихся к X веку и, возможно, к самому началу XI века, содержат предметы скандинавского и финского происхождения. Если бы мы были ограничены только этими археологическими находками, мы не смогли бы даже представить, что скандинавы в своих торговых предприятиях по Волге достигали земель за Булгарией, так как за пределами установленных маршрутов, по которым проходила экспансия викингов в восточном направлении, возможность встретить одиночную могилу скандинавского купца, который умер во время своего путешествия, чрезвычайно мала.

К великим торговым центрам Руси — Новгороду и Киеву — вели два главных пути. Первый путь проходил в южном направлении от Ладожского озера, через Старую Ладугу, вниз по Волхову к Новгороду. Оттуда купцы продвигались через озеро Ильмень, вверх по Ловати, Усвяче и Каспле, затем ладьи выгаскивали на берег и тащили посуху до Днепра к западу от Смоленска. Двигаясь другим путем, по Даугаве (нем. Дюна), они достигали ближайшей к Днепру точки, проходили через стены укрепленного (но 4 раза сжигавшегося) города Дюнабург (Даугмалебург), который располагался в наиболее трудной части для навигации и контролировал проход судов. Археологические находки, относящиеся к IX веку, сконцентрированы в основном вдоль речного пути (хотя не в верхней его части, где река шла между крутыми обрывами и высокими берегами).

Новгород наравне с Киевом был важен для скандинавов, обосновавшихся на территории Руси. Согласно Летописи Нестора, именно в 862 году Рюрик и первые скандинавы поселились на Волхове, к северу от озера Ильмень. «И от тех варягов прозвалась Русская земля [т. е. когда писалась летопись, в начале XII века]. Новгородцы же — те люди от варяжского рода были славяне»* Константин Багрянородный в своем сочинении «Об управлении Империей» (около 950 года) пишет, что «Однодревки, приезжающие в Константинополь из внешней Руси, идут из Невогарды [Новгорода], в которой сидел Святослав, сын русского князя Игоря»** Именно Игорь в 941 году напал на Константинополь. Таким образом, существование скандинавских правителей в Новгороде получило надежное подтверждение: в то время как население его, без сомнения, в основном было славянским.

Недавние раскопки позволили проследить развитие Новгорода от 900 года и далее. Извилистая главная улица и узкая пересекающая ее улочка сохранили свое расположение приблизительно до 1600 года, хотя население города укладывало новые деревянные покрытия, как только старые дороги становились слишком грязными и непроходимыми. Многие находки (включая многочисленные фрагменты славянских записей на бересте) представляют нам

* Цит. по: Повесть временных лет по Лаврентьевской летописи 1377 г. М.; Л., 1950. Ч. 1–2. С. 214.

** Цит. по: *Константин Багрянородный. Об управлении империей.* М., 1991.

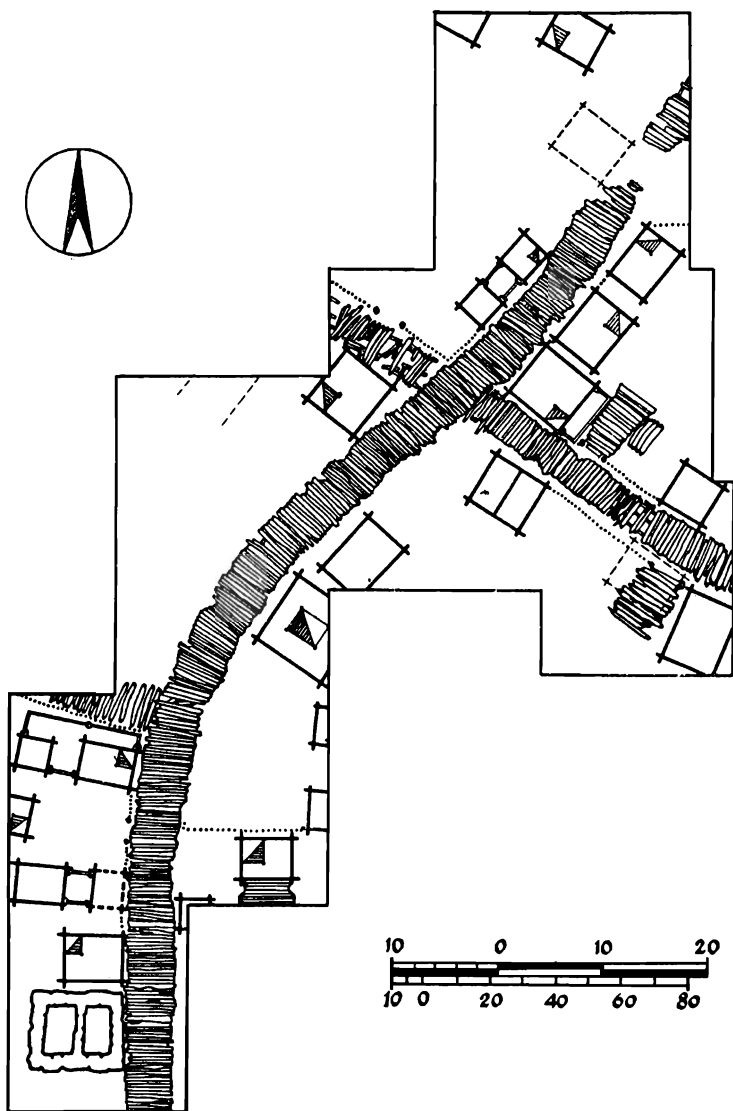

Рис. 18. План раскопок Новгорода

ясную картину городской жизни: в городе, очевидно, была школа, хотя ученики ее не только выводили буквы на своих учебных «дощечках», но также рисовали на них забавные рожицы. В то же время среди новгородского археологического материала обнаружено очень мало предметов скандинавского происхождения. О контакте славянских племен со Скандинавией свидетельствуют только овальная фибула X века и несколько фибул в виде колец. Может быть, больше предметов можно найти на восточном берегу, где, как известно, находилась более поздняя часть купеческого поселения.

Киев

Киев стоял на крутом западном берегу Днепра, который не был особенно значительным в этой части, составляя в ширину около половины мили. И только весной, когда потоки растаявшего снега наполняли Днепр, он достигал шести миль в ширину. Две недели после ледохода поток тающего снега прибывал в течение шести недель. В середине апреля уровень воды достигал высшей отметки, поднимаясь на шесть футов выше нормы. Эти данные хорошо согласуются с данными, которые предоставляет нам Константин Багрянородный о начале сборов скандинавских купцов. Они собирались в торговое путешествие в Византию ранним летом, в июне, пока уровень воды в реке был все еще слегка, но не опасно, выше нормы. Скорость течения Днепра в Киеве составляла только одну треть от скорости течения Волги, однако в Днепропетровске поток приобретал мощь и силу. Там Днепр пробивал себе путь через

гранит, берега его были практически прижаты друг к другу, образуя многочисленные пороги, каждый из которых имел как скандинавское, так и славянское название. Поскольку в начале летнего сезона уровень воды был достаточно высоким, проход через пороги Днепра мог быть несколько легче, чем в настоящее время, но за порогами снижение скорости течения привело к появлению большого количества песчаных отмелей, также представляющих опасность для навигации, которая сохранялась, пока ладьи не достигали лабиринта каналов дельты реки.

Восемнадцатая глава летописи Нестора имеет следующее название — «Киев становится столицей варягов», датируя это событие 882 годом. Здесь автор говорит о хитрости князя Олега (по линии Рюрика), примененной им против двух братьев — Аскольда и Дира, но за ней следует краткая глава, очевидно основанная на ежегодных записях. В 883 году князь Олег покорил племя древлян и наложил на них дань: по одной шкурке черной куницы от каждого двора. В 884 году он подчинил северян и также наложил на племя небольшой налог. Он не разрешал им платить дань хазарам, так как говорил: «Я их враг». В 885 году князь отправил посланников к радимичам, вопрошая: «Кому дань платите?» Они ответили: «Хазарам». Олег сказал им: «Платите дань не хазарам, но мне». И каждый из радимичей дал Олегу по серебряной монете, т. е. ту же дань, что они платили хазарам.

Константин Багрянородный сопровождает свое описание о сборах торговых кораблей скандинавских купцов в Киеве сообщениями об их жизни. «Зимний и суровый обряд жизни этих самых руссов таков. Когда наступит ноябрь месяц, князья их тотчас выходят со всеми руссами из Киева и отправляются в полюдые, т. е. круговой объезд, и именно в славянские земли вервианов [древлян], другувитов, кривичей, севериев [северян] и остальных славян, платящих дань руссам. Прокармливаясь там в течение целой зимы, они в апреле месяце, когда растает лед на реке Днепре, снова возвращаются в Киев. Затем забирают свои однодревки, как сказано выше, снаряжаются в Романию»*. Хотя это описание относится к 950 году, когда варяжские воинственные княжества еще не были достаточно развиты, для столь организованного сбора дани уже было необходимо значительное число скандинавов. Константин сообщает, что ладьи в Византию приходили из Смоленска, Чернигова, Телюцы и Вышеграда, так же как из Киева, и проводившиеся раскопки в двух названных выше городах открыли много скандинавского материала, относящегося главным образом к X веку. В западной части современного города Смоленска, на северном берегу Днепра в Гнездово, находится кладбище и два земляных укрепления. В районе Смоленска обнаружено не менее 347 аналогичных

* Цит. по: *Константин Багрянородный*. Об управлении империей. М., 1991.

укрепленных поселений, что явственно свидетельствует о беспокойном периоде государственного развития в это время. В Гнездове открыты четыре тысячи могильных курганов. Шестьсот из них подверглись тщательному изучению, в ходе которого были найдены, особенно в богатых погребениях, многочисленные предметы из средней Швеции, в основном оружие, но также встречаются и византийские изделия, видимо появившиеся в этом районе в результате развития торговых отношений.

В Чернигове, который стоит на берегу Десны, к югу от Смоленска, также обнаружено много погребений, некоторые из них представлены деревянными камерами, напоминающими, по мнению Т. Арне, аналогичные захоронения в Бирке. Они подтверждают сообщение арабского автора Ибн Русте о типичном захоронении шведского князя на Руси: «Когда один из их князей умирает, они выкапывают для него могилу как просторный дом и кладут его туда вместе с его одеждой, золотыми браслетами, едой, кувшинами со спиртными напитками и монетами. Они также помещают в могилу женщину, которую он любил, все еще живую, закрывают погребение, и она умирает».

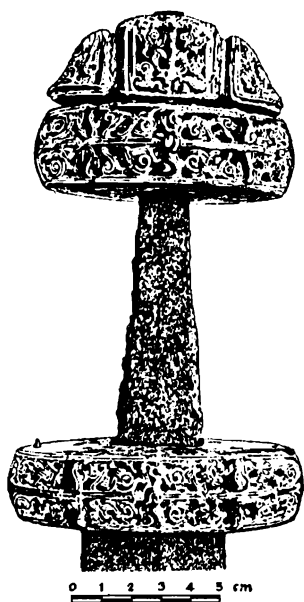

Рис. 19. Скандинавский меч из погребения в Гнездово

Удивительно, что в то время как оружие и набивка на поясе, найденные в подобных могилах, часто выполнены в скандинавской технике, при женщинах в парных погребениях не находят скандинавских фибул: видимо, они в основном представляли коренное население.

В Киеве нет археологических свидетельств о существовании скандинавского поселения до X века. Поэтому набег на Константинополь в 860 году мог быть организован флотом викингов из западной части Средиземного моря, а не из Киева, хотя возможно, что в настоящее время просто не найдено скандинавское кладбище, которое можно было бы отнести к более раннему периоду. Любопытно, что множество захоронений, в том числе и с кремациями, от X и XI веков не включают ранних погребений, в связи с чем мы не можем подтвердить, что скандинавское поселение в Киеве действительно было основано до 860 года. Только одно из кремационных захоронений, оформленное как двойное, в котором находились мужчина и женщина, убрано богато. Однако многие другие захоронения напоминают об аналогичных погребениях средней Швеции X века. Так, например, под зданием церкви, построенной Владимиром после его крещения в 988 году, обнаружены деревянные камеры склепа, в которые был помещен боевой конь вместе с воином. Оружие, представленное в данном захоронении, скандинавского происхождения и включает обоюдоострый меч, копье и длинный нож, который носили в левой руке.

Топор, вложенный в правую руку умершего, выполнен в восточном стиле и часто встречается в других могилах викингов на Руси. Легкий, с короткой рукояткой топор, возможно, казался им более практичным, чем тяжелый скандинавский, так что викинги приняли его, так же как, впрочем, и высокий с заостренным концом славянский железный шлем.

Договор, включенный в Летопись Нестора (под датой 912 года), начинается словами: «Мы от рода русского: Карл, Ингельд, Фарлаф, Вермуд, Рулов, Годи, Руальд, Карн, Фрелав, Актеву, Труан, Лидул, Фост, Стемид — посланные от Олега, великого князя русского, и от всех, кто под рукою его — светлых и великих князей, и его великих бояр, к вам, Льву, Александру и Константину, великим в боге самодержцам, царям греческим, на укрепление и удостоверение многолетней дружбы существовавшей между христианами и руссами»*. Десять пунктов, что следуют далее, являются законодательными соглашениями о процедуре принятия решений, затрагивающих обе стороны, в случае открытого убийства, воровства, наследования, выкупа заключенных под стражу или если корабль садится на мель и т. д., напоминающих об аналогичных соглашениях, вызванных сходными обстоятельствами, и заключенных в этот период времени в Англии в области «датского права». Представленные пункты договора между

* Цит. по: Повесть временных лет по Лаврентьевской летописи 1377 г. М.; Л., 1950. Ч. 1–2. С. 222.

варягами и Византией не упоминают право варягов на бесплатную баню, мясо, рыбу, хлеб и вино, фрукты и снаряжение для своих кораблей, которыми они обладали, судя по сообщениям летописи в 907 году. Ни один из посланников от русов не имел славянского имени: тот, кто не был по происхождению норманном, являлся финном. Поэтому, возможно, данный договор византийские императоры заключили не с представителями Киева, а с другим княжеством, располагавшимся севернее, вероятно с Новгородом.

Как сообщает летопись, киевский князь Игорь атаковал Константинополь (с 10 тыс. кораблей!) в 941 году и получил отпор только у самих стен греческим огнем. Однако он вернулся в 944 году с «бессчетным» количеством кораблей. На этот раз его поход был успешен, и летопись описывает в стиле, свойственном сагам, как сам греческий Император предложил ему выплачивать даже более высокие налоги, которые прежде получал Олег, и как Игорь с большим количеством шелка и золота вернулся в Киев. Соглашение, заключенное в этот период времени, главным образом содержало, как и соглашение 912 года, законодательные процедуры решения всевозможных спорных вопросов, но включало три раздела о тех преимуществах, которыми могли пользоваться русы во время своих торговых путешествий в Константинополь. Так, они должны были получать бесплатное снабжение продовольствием на месяц, так же как запас провианта

и снаряжение перед возвращением на родину; однако им не позволялось носить оружие в Константинополе и покупать шелк стоимостью выше 50 золотых гривен, на котором они должны были ставить клеймо на таможене при отправлении в обратный путь. Имена тех, кто подписывал договор, в основном славянские, хотя встречаются и норманнские.

Летопись Нестора ставит цель связать становление княжеского дома Киева с Рюриком, который умер в 870 году, когда его сын Игорь был еще несовершеннолетним. Игорь в 903 году женился на Ольге, и в 942 году, когда Игорю должно было исполниться 75 лет, а Ольге — 60 лет, родился их сын Святослав. Нам ничего не известно о правлении Игоря после 920 года, сохранились лишь свидетельства о его набеге на Константинополь в 941 году и смерти в 945 году, когда он требовал уплаты налогов от древлян. В связи с этим можно предположить некоторую лагуну в семейном древе рюриковичей.

Ольга возглавила княжество после смерти Игоря. Летопись так описывает ее: «светящая подобно луне в ночи, жемчужина среди всеобщего безверия», так как Ольга была христианкой. Ее визит в Константинополь сохранился не только в Летописи, но также в сочинении самого императора Константина, который описывает пышность церемониала во время приема русской княгини. Это заставляет предположить, что Киевское княжество представляло силу, с которой необходимо было считаться. Ее

красота и мудрость так очаровали Константина (об этом сообщает летопись, а не сам император), что он предложил ей разделить с ним правление Империей. Она ответила: «Я язычница, но если бы ты захотел крестить меня, сделай так, поскольку ни от кого другого я не приму крещение». После обряда крещения Константин вновь пожелал сделать ее своей женой. «Но как я могу стать твоей женой?», ответила она. «Когда ты крестил меня, ты назвал меня “дочерью”, а христианский закон не позволяет тебе взять в жены собственную дочь, ты должен знать это». Константин был вынужден признать слова русской княгини справедливыми, ответив: «Ольга, ты обманула меня!», и отпустить ее на родину с богатыми дарами, с золотом, серебром и шелком.

Сын Ольги, Святослав, отказался принять христианство. Он управлял государством совместно с матерью до 962 года, а затем самостоятельно до 972 года, пока не был убит. Святослав был свирепым воином и грабил государства булгар Дуная, Волги и хазар. Летопись сообщает, что Святослав не брал с собой в поход никакой поклажи, даже пищевых горшков, и не ел другого мяса, кроме того, что обжаривали на углях, никогда не устанавливал шатер и спал, подкладывая под голову седло. Византийский историк Лев Диакон видел Святослава, когда тот подписывал договор с Иоанном Цимисхием в 971 году на Дунае, и оставил следующее описание русского князя. «Он переплыл через реку в скифской ладье

и греб на равных со своими людьми. Он был среднего роста, широкоплеч, с длинными и роскошными усами. Нос похож на обрубок, глаза голубые, а брови широкие. Его голова была выбрита, и оставлен только чуб на одной стороне, который служил символом знатного происхождения. В одном ухе он носил золотое кольцо с двумя жемчужинами и рубином между ними: его белая рубаха отличалась от рубах его людей только тем, что была чище: он оказался мрачным и диким». Это описание имеет много черт (оселедец в особенности), напоминающих облик казацкого гетмана XVI века, и свидетельствует о том, как быстро русы становились славянами. Святослав — не скандинавское имя; возможно, он мог иметь (частично) славянское происхождение. После его смерти разразилась борьба за власть между его тремя сыновьями — Олегом, Ярополком и Владимиром. Борьба закончилась около 980 года победой Владимира и смертью двух других. Владимир стал могущественным правителем, который укрепил и распространил власть Киева на многие племена.

В 988 году Владимир обратился к христианской вере. Летопись проводит аналогии между ним и Соломоном. Так, например, Владимир имел 300 наложниц в Вышгороде, столько же в Белгороде и 200 в Берестове, в то время как у Соломона было 700 жен и 300 наложниц. Хронист добавляет: «Владимир заблуждался, но нашел искупление в конце жизни: Соломон был мудр, но грешил, становясь старше». После

крещения Владимир систематично проводил христианизацию русов и строил церкви не только в Киеве, но и во многих других русских землях. Он превратил Киев в мощную и выделяющуюся на фоне европейских государств столицу своего княжества, экономическое развитие которого более напоминало систему хозяйства в Византии и поздней античности, нежели феодальной Европы. Вполне возможно, что он и другие русские князья мечтали о превращении своего княжества в ведущую торговую и экономическую империю, однако сильное влияние на Русь оказывала Византия, особенно в области экономики, также как и в культуре. Несмотря на это, Киев сохранил определенную самобытность, и мы не должны забывать, что во многом он развивался своим путем: ни в религии, ни в искусстве он не следовал рабски византийским традициям. Церковные службы на Руси велись на славянском, а не на греческом языке, что было очень важно в становлении нового независимого христианского государства.

В течение X века Византия внесла определенный вклад в культуру Киева, оказывая на ее развитие доминирующее влияние: через Византию русы получили возможность познакомиться с миром богатства и роскоши, который должен был казаться им безгранично впечатляющим. Когда в Константинополе императоры начали широко рекрутировать отряды варангов из представителей достойных скандинавских и английских семей, связи между Русью и Византией естественным образом усилились.

Становление политических взаимоотношений относится к началу XI века, и хотя между двумя государствами периодически возникала враждебность, она всегда являлась лишь кратковременным эпизодом. Киев, таким образом, находился в значительной зависимости от Византии, и именно через столицу Киевского княжества византийская культура начала оказывать растущее влияние на славянские племена и стала одним из оснований становления в более позднее время Российского государства.

Сын Владимира, Ярослав, был князем, который с точки зрения развития литературы, права и общественных отношений чрезвычайно много сделал для процветания Киева. После кровавого братского раздора он стал правителем в 1019 году и умер в 1054 году. Родственные связи Ярослава со многими знатными европейскими правителями свидетельствуют о значении княжества русов в это время: он женился на Ингигерде, дочери Олава Шетконунга, и стал тестем Харальда Сурового Норвежского, Андрея I Венгерского и Генриха I Французского.

Исландия, Гренландия и Америка

Раннее развитие исторической науки в Исландии способствовало накоплению разнообразных данных, поэтому мы лучше информированы о северном направлении экспансии викингов, чем о каком-либо другом. Важным источником для его исследования является книга «Ланднамабук» (История заселения Исландии), в которой можно найти сведения о судьбах видных скандинавских семей XIII века начиная от времени жизни их отцов-основателей в IX веке и ссылки на «Церковную историю» Беды как к авторитетному сочинению. Ари Мудрый (1067–1148) сообщает, что Исландия уже была заселена христианами, когда туда прибыли первые скандинавы. Христиане не захотели жить рядом с язычниками и ушли, оставив свои книги, колокола, уторы, на основании которых можно заключить, что первые поселения в Исландии были организованы ирландцами. Кроме того, четыре римские монеты, относящиеся

к концу III века, найденные в двух различных частях острова, свидетельствуют о том, что шотландцы также посещали его около 300 года.

Исландия В настоящее время полагают, что Исландию открыли два скандинава: Гардар, швед, который случайно попал на остров во время своего путешествия к Гебридам, и Наддод, норвежец, живший на Фарерских островах и возвращавшийся на родину в Норвегию. Нельзя безоговорочно верить в истории этих двух потрепанных штормами мореплавателей: поскольку саги очень часто драматизируют ситуацию, связанную с расширением норманнского поселения в Исландии. Более вероятным представляется, что именно жители западных островов, которые долгое время знали о существовании Исландии и посещали ее, показали викингам дорогу туда. Первой подготовленной экспедицией руководил Флоки Вилгердарсон из Рогаланда. Он отплыл к Шетландским островам и Фарерам на двух кораблях и остался на зиму в Исландии. Однако первое постоянное поселение было организовано Ингольфом Арнарсоном, который привез с собой на остров женщин, детей и хозяйство, как полагают, в двенадцатый год правления Харальда Прекрасноволого. Главная волна эмиграции охватывает два поколения на протяжении 900 года. Ланднамабук говорит более чем о трех тысячах человек (возможно, вдвое больше людей покинули Норвегию в эти годы) и предоставляет исследователям информацию о 1400 названий различных населенных пунктов в Исландии.

А. В. Бреггер указывает, что по меньшей мере половина из переселившихся на остров людей, которые образовали там поселение, происходят из района распространения законов Гулатингслага, норвежской области Хардангер-Восс-Согн. Эти данные, если объединить их с сообщениями исландской традиции о том, что эмигрантами становились, как правило, те, кто отказывался принять власть Харальда, заставляют нас связать установление поселения в Исландии с процессами укрепления власти Харальда в западной Норвегии. Остальные поселенцы попали на остров, переселившись туда с островов Атлантического океана, а также из Британии.

Люди, которые прибыли в Исландию, заявили о своей независимости от норвежского короля, и хотя процессам эмиграции на остров способствовали и другие факторы, например необходимость освоения новых земель, из описаний исландской жизни в сагах представляется ясным, что отторжение складывавшегося нового представления о государстве стало мощным импульсом, подтолкнувшим людей к переселению в Исландию. Организация исландской республики X века как практически свободного государства стала возможной, поскольку в данный период времени поселенцам не приходилось ожидать войны с кем-либо. На острове не было местного населения, которое могло бы (как в Англии и Франции) попытаться отвоевать свои земли; кроме того, Исландию, в отличие от других стран, не тревожили набеги викингов-пиратов.

Сравнение основных положений исландского закона с норвежским, который стал его основой, показательно, поскольку представляет, по-видимому, умышленный шаг назад даже в сравнении со старыми идеями о государстве, принятыми в норвежском традиционном праве до централизации государства Харальдом. Законодательная, судебная и исполнительная ветви власти были полностью разделены, и саги свидетельствуют, что исландцы не желали признавать даже власть, представленную лицом, следящим за исполнением судебных решений, выносившихся на основании фактов. Во многих случаях в описанных в сагах судебных процессах исход дела зависел лишь от неких формальностей, которые нам представляются совершенно незначительными и никак не относящимися к принятию справедливого решения. При таком режиме «народоправления», которое составляли столь непримиримые «индивидуалисты», сложившийся подход к решению судебных дел становился неизбежным. Когда к данному постановлению суда прибегали вновь, исполнение решения оставалось за потерпевшей стороной, если она могла выполнить его.

Юридический кодекс, приписываемый традицией Ульфьлоту, который, в свою очередь, составил его на основании Гулатингслага, был принят альтингом Исландии приблизительно в 930 году. Остров был разделен на 12 судебных округов, в каждом из которых находились три общины — «годорда» — во главе

с «годи»: позднее для формирования апелляционного суда были образованы еще три «годорда». Все годи вместе составляли судебный совет (легретту), которая избирала законопрavitеля (легсумадра), исполнявшего функции председателя альтинга. Годи объединял в своих руках светскую, религиозную, экономическую и судебную власти: он был представителем и помощником для своих «друзей» и, выступая посредником между миром людей и богов, решал между ними спорные вопросы. Но его власть над общиной не была четко установлена, и если ее население чувствовало, что годи не оказывает им достойную поддержку, они могли обратиться к другому годи. При такой структуре общества неудивительно, что развитие Исландии не было похоже ни на развитие Норвегии, ни какой-либо другой страны. Сложившиеся в исландском обществе определенные социальные отношения способствовали появлению у населения независимой критической позиции в отношении различных общественных дел и проявлению значительного внимания к своим семейным связям, что является, конечно, более естественным для среды свободных людей, нежели для бесправного крестьянства других земель, а также создали основу для появления одного из величайших художественных творений скандинавских народов — исландских саг.

Центр Исландии — это лавовое поле, поэтому население ее зависело в большей степени от занятий овцеводством, рыболовством и охотой,

чем от развития земледелия. Большую пользу поселенцы извлекали из летних пастбищ («saeter»), что привело к тому, что их поселения оказались разбросанными по территории острова. Именно по этой причине в Исландии лошадь ценили более, чем где-либо еще в Скандинавии, где люди имели возможность легко передвигаться от одного места к другому с помощью каботажного плавания. Хотя в то время деревья покрывали большую территорию острова, чем сейчас (в настоящее время они сосредоточены в двух или трех небольших районах), строевого леса все-таки не хватало и население бережно собирало плавник. В основном дома строили из камня и дерна, и поэтому они сохранились значительно лучше, чем деревянные дома в других районах Скандинавии. Постройки в Тьорсардале, засыпанные при извержении Геклы в июле 1300 года, в 1939 году были обнаружены скандинавской экспедицией. Скаллакот является типичным примером постройки периода Заселения; дом со слегка изогнутыми стенами составлял примерно 84 фута в длину. Длинный восьмифутовый очаг находился в середине строения, разделенного на четыре комнаты. Несколько позднее в северной стене были образованы три маленькие квадратные кладовки. Традиция строительства с использованием камня и дерна является типичной для безлесных областей юго-западной Норвегии, Рогаланда и Западного Агдира.

Исландцы оставались язычниками до решения принять христианство, утвержденного на

альтинге в 1000 году; поэтому на острове должно было быть построено по меньшей мере 39 церквей (по одному для каждого годорда). Однако мы не обладаем никакими свидетельствами об основании в это время церквей (часто упоминаемый Хофстадир в Мюватне является только «фермой»), поэтому исследователи ставят под сомнение существование в Исландии церковных храмов, несмотря на упоминания о них в сагах. До принятия христианства умершего хоронили в соответствии с языческим обрядом, но не кремировали. Видимо, это указывает на значительное влияние на развитие исландского общества со стороны Британских островов, и оно было более сильным, чем представлено в Ланднамабук (которая упоминает несколько поселенцев с Британских островов). В Исландии зафиксированы 123 археологических участка с 246 погребениями, в основном вдоль рек на северном побережье острова. Захоронения, относящиеся в большинстве своем к X веку, в целом довольно неприметные, иногда даже необозначенные, обычно состояли из деревянной погребальной камеры, и лишь изредка в них включали ладью. Любопытно, что, в то время как вклад Исландии в литературу был весьма характерным и важным, одежда, оружие и украшения, найденные в исландских погребениях, совершенно не отличались от предметов из погребений в других районах Скандинавии. Как правомерно ожидать, обнаруженные на острове изделия имеют очень близкое сходство с предметами норвежского

происхождения, включавшими также некоторые юго-восточные (возможно, шведские) элементы. Ремесленные изделия и импортные товары, широко распространенные по территории Скандинавии, удивительным образом отсутствуют в Исландии, в том числе и обычные чаши из стеатита. Южно-английский меч с чернением из Кнафахолума и лезвие меча континентального происхождения с клеймом Ульфберта являются единственными импортными образцами оружия, а из украшений — одна или две шотландские круглые фибулы, свидетельствующие о контактах с другими странами, помимо скандинавских. Была ли, однако, столь ощутимая изоляция Исландии реальной? Из саг ясно, что ведущие семьи острова много путешествовали и устанавливали тесные контакты с зарубежными странами, но на основании археологических свидетельств можно заключить, что, по всей видимости, это не относилось к простому народу. Возможно, что именно отсутствие устойчивых связей Исландии с зарубежными странами можно считать одним из важных условий для создания саг, представляющих фактически самоанализ исландской нации.

После смены нескольких поколений жители острова должны были ощущать себя более исландцами, нежели норвежцами. Интерес населения страны к собственной истории возрос, создавались генеалогические саги, повествующие о жизни ряда великих семей. Таким образом, на удаленном острове на краю северного

полярного круга получила свое развитие одна из жизненных и наиболее самобытных форм европейской литературы Средних веков.

Гренландия находится в 200 милях от Исландии, но горы обоих островов так высоки, что уже на полпути можно увидеть Снэфелльснес в Исландии и вершины Ангмагссалика в Гренландии. В соответствии с традицией, именно в 900 году мореплаватель Гуннбьерн был отнесен ветром к «Гуннбьернским рифам» (у восточного берега Гренландии), и удивительно, что в течение трех поколений исландцы туда не плавали. Основателем первой колонии (и настоящим открывателем Гренландии) стал Эйрик Рыжий; его отец был изгнан из Норвегии за убийство, а Эйрик в свою очередь — из Исландии. Он проплыл вдоль негостеприимного восточного побережья, обогнул мыс Фарвель и зазимовал на острове Эйрика; весной он поднялся по фьорду (Тугундлиарвик) к самой плодородной части Гренландии и по возвращении в Исландию рекомендовал новую землю для переселения, назвав ее Гренландией, в противоположность Исландии. В 986 году 25 кораблей, груженных эмигрантами и скотом, отплыли в Гренландию, но до острова смогли добраться только 14 кораблей. Эйрик выбрал лучшее место во фьорде для своей фермы Братгахлид (Крутой склон), которая стала центром первой колонии. По прошествии десяти лет эта территория (современный Юлианехоб) оказалась плотно заселена, поэтому следующую колонию, ставшую известной под именем

Гренландия

Илл. 44

«западное поселение» — Вестрибюгд, основали дальше на север, в современном Готхобе. Первоначальное поселение было известно как Эйстрибюгд: оба пункта на самом деле находились на западном берегу острова, а поселение, располагавшееся на южной его стороне, Эйстрибюгд, находилось на широте Бергена, т. е. южнее Исландии. Влияния Гольфстрима, которое создавало сравнительно теплый климат в Исландии и Норвегии, здесь не ощущалось, а вместо него господствовало холодное Гренландское течение.

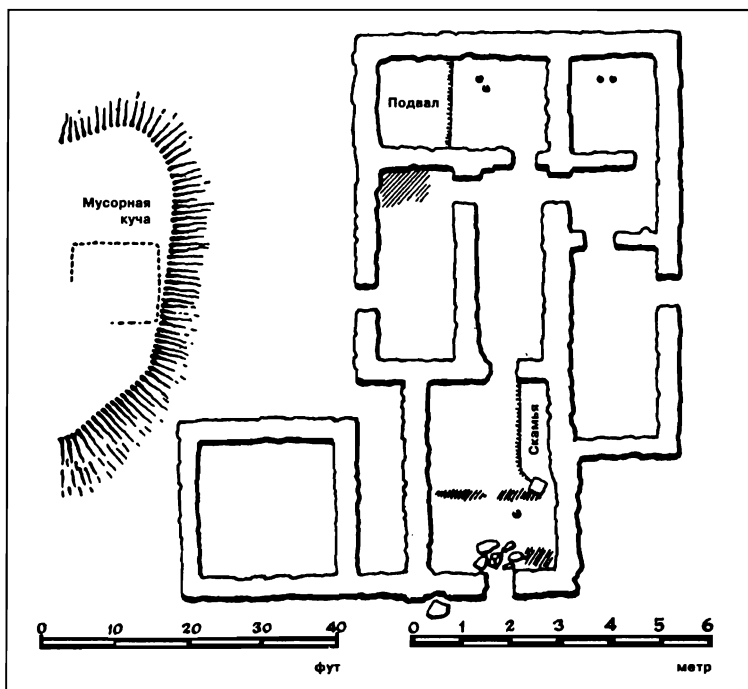

Рис. 20. План дома в Браттахлиде

Сейчас Эйриксфьорд скован льдом с октября по май, и хотя в то время климат мог быть несколько мягче, поселенцы все равно должны были сталкиваться с многочисленными трудностями в своей хозяйственной деятельности. Археологические материалы свидетельствуют, что исландцы предпринимали попытки выращивать зерно, но животноводство оставалось преобладающей сферой деятельности; исследователи обнаружили кости крупного рогатого скота, овец, коз и свиней. Охотничья добыча (киты, тюлени, рыба, медведи, северные олени) также служили пищей, а моржовые клыки и шкуры белых медведей становились ценными экспортными товарами, в обмен на которые можно было приобрести зерно и железо. В нашем распоряжении есть некоторые свидетельства также о развитии железодельного производства, но оно относится к очень позднему времени; кроме того, большая часть железа все-таки ввозилась на остров. «Фермерские» дома из камня и дерна сохранились лучше, чем в Исландии, и их непременно будут находить на всей территории древнего поселения. Длинный дом с комнатами, выходящими в длинный коридор, является более поздним типом постройки, которая не была характерна для периода правления на острове Эйрика, появившись в Исландии и Гренландии только в XII веке. Удивительно, но найденные археологами в Гренландии руины церквей показывают, что они являлись копией аналогичных строений на Шетландских островах,

а не в Исландии. Только первый период жизни поселения (о котором мы можем судить только на основании литературных источников) относится к эпохе викингов, да и то только ко времени ее завершения. Более поздняя трогательная история развития острова, которая оставила нам богатый археологический материал, является частью средневековой истории Скандинавии.

Америка

От Америки исландские поселения в Гренландии расположены не очень далеко, во всяком случае, на меньшем расстоянии, которое проходили хавскипы (морские суда) по прямому пути от Бергена до Гренландии, являвшегося для них довольно обычным маршрутом. Тем не менее на территории Американского континента викинги еще долгое время не основывали постоянного поселения, поскольку главная трудность заключалась не в том, чтобы заселить свободные земли, но в том, чтобы отвоевать ее у местного населения, а для осуществления последнего колонисты не обладали необходимой численностью. Тем не менее путешествие в Винланд на некоторое время стало великой экспедицией для гренландцев, а их мечтой — колонизация новой богатой страны. Истории об этих путешествиях передавались из поколения в поколение до тех пор, пока не были записаны, по-видимому, примерно в 1200 году. Мы встречаем такие описания в двух сагах, «Саге об Эйрике Рыжем» (в Хауксбукке) и «Саге о гренландцах» (в Флатейярбукке), которые признаны наиболее достоверными.

Подробности этих путешествий должны были подвергаться некоторым изменениям в длительном процессе устной передачи сведений, поэтому не следует полагаться на описание деталей в этих историях. Такие детали, как, например, описание диких виноградников Винланда, пьянивших человека, очевидно, были добавлены для украшения в оригинальный текст, но представление о том, что некоторые викинги-путешественники достигали берегов Северной Америки, является доказанным. К несчастью, археологический материал, который использовался для его подтверждения, часто был либо надуманным, либо ошибочным.

В путешествии из Исландии в Гренландию Бьярни Херюльфссон после трехдневного плавания оказался в тумане и высадился на плоской и лесистой земле, которая, как он полагал, не могла быть Гренландией. Он повернул и после двух дней пути снова высадился в другом месте, которое также не являлось Гренландией. Три дня спустя он заметил скалистую и негостеприимную землю. Пройдя вдоль ее побережья, он обнаружил, что это остров, но тоже не Гренландия. Четырьмя днями позже, отказавшись пристать к другим землям, Бьярни и его команда наконец-то прибыли в Гренландию. Трудно понять, как сухое и равнодушное описание путешествия, составленное, очевидно, осторожным или даже ограниченным моряком, могло восприниматься как фантастическое легендарное заявление. Интересно отметить, что современники осуждали его впоследствии за

отсутствие любознательности в отношении открытых им новых земель.

В 986 году Лейф Эйрикссон (сын основателя гренландской колонии) приобрел корабль Бьярни (который, как можно представить, был очень прочным кораблем типа хавскипа) и отплыл с командой в 35 человек, чтобы найти описанные земли. Тот факт, что он в точности повторил путь Бьярни в обратной последовательности, доказывает, что Бьярни довольно хорошо представлял район, в котором побывал, и после того как туман рассеялся, даже смог вернуться назад в Гренландию, хотя не знал, что между ними находилось множество других земель. Скалистый берег был назван Хеллюландом, или «каменной землей», а берег, покрытый лесами, — Маркландом, или «лесной землей». Люди Лейфа остались на зиму на юге во фьорде, где водился лосось, превосходивший по размерам гренландского, а трава росла всю зиму. На открытой ими земле скандинавы также нашли виноградники. Вопрос, насколько далеко на юг продвинулась экспедиция Лейфа Эйрикссона, вызвал среди исследователей большую дискуссию. В настоящее время лосось на Американском побережье не заходит южнее 41° северной широты, а виноградники не растут севернее 42° . Если мы предположим, что астрономическое наблюдение Лейфа о том, что «солнце было над горизонтом в точке «эйкт» и точке «дагмал», означало широту « 60° на юго-запад», то оно должно соответствовать 37° северной широты, на

которой находится Чесапикский залив на побережье Вирджинии. Ошибка в описании только на 14 минут во времени (или со стороны Лейфа, или с нашей стороны вследствие неправильного представления измерения «эйтк») изменяет местоположение команды Лейфа на 4° к северу. В связи с этим необходимо заключить, что Винланд мог находиться где-то вблизи современного Бостона.

По возвращении Лейфа в Гренландию его брат Торвальд проявил интерес к новым землям. Корабль Бьярни был снаряжен еще для одного путешествия в Винланд с его третьим владельцем и командой в 30 человек. Возможно, именно благодаря тому, что после плавания Лейфа местоположение Винланда оказалось точно обозначено (и в этом нет ничего необычного), Торвальд поплыл прямо в Винланд, и сага даже не комментирует данное обстоятельство. Новые поселенцы прожили там два года, пока Торвальд не был убит после первого контакта со «скрелингами» (аборигенами). Его похоронили на новой земле, один крест был возведен у его головы, а другой — у ног. Ясно, что он намеревался окончательно обосноваться в Винланде; к тому же предыдущие экспедиции не встретили местных жителей. Команда, путешествовавшая с ним, возвратилась в Гренландию, а старый корабль, который доставил в свое время Бьярни, Лейфа и Торвальда в Винланд, вновь был подготовлен для своего последнего плавания под управлением Торстейнна, стремившегося вернуть тело

своего брата Торвальда на родину, однако безуспешно. Команда Торстейнна вернулась после блужданий по морю в течение всего лета, даже не найдя пути к Винланду.

Следующая экспедиция в Винланд, о которой нам известно из источников, была самой грандиозной. Она ставила целью найти новые удаленные земли и колонизовать их. Возглавил экспедицию Торфинн Карлсефни, исландец из Рейнина в Скагафьорде. Он vyplыл на двух кораблях (сорок человек в каждом) к Эйриксфьорду в Гренландии летом и взял в жены прекрасную Гудрид, представительницу второго поколения эмигрантов из Исландии. В течение зимы, когда они поженились, в Гренландии состоялся обстоятельный разговор относительно путешествия к Винланду Доброму, и летом они, снарядив три корабля, команду которых составили сто шестьдесят человек, последовали маршрутом Лейфа Эйрикссона на запад. Сага говорит о большом темноволосом язычнике по имени Торхалль (и передает некоторые его стихи), который сопровождал Торфинна в Хеллюланд и Маркланд, но оставил его в Страумфьорде и поплыл назад, в то время как Торфинн продолжил путь на юг. После длительного плавания они подошли к устью реки, которая образовывала озеро и затем впадала в океан. Вне устья лежали огромные острова, поэтому корабли могли войти в реку только во время высокой воды. Когда они поднялись вверх по реке, то нашли плодородную землю с диким маисом и виноградом

и реку, полную рыбы. Норманнам только нужно было вырыть ямы на отмели, так чтобы они оказывались скрыты во время прилива для ловли в них палтуса, когда приходило время малой воды. Скандинавы остались в Винланде на месяц, к тому же они были обеспечены провизией: леса оказались богаты дичью, а также с ними был вывезенный из Гренландии скот.

Однажды утром они увидели девять кожаных лодок, люди на которых размахивали прутьями, убеждая в мирных намерениях. Скандинавы двинулись к ним навстречу с белыми щитами — символами мира. Люди, приплывшие в лодках, были маленькими и безобразными, с нечесаными волосами, большими глазами и широкоскулыми. Они сошли на берег, на котором постояли некоторое время, при этом казались очень удивленными, а затем отплыли прочь.

Зимы на Американском континенте были мягкими, поэтому скот можно было оставлять на пастбище. В начале весны прибыл целый флот кожаных лодок, и между индейцами, которые стремились купить красную одежду в обмен за меха, и скандинавами началась торговля. Однако Карлсефни запретил продажу мечей и копий индейцам. Припасы крашенных тканей, которые были у скандинавов, быстро подошли к концу, так как торговля шла очень оживленно, и материя, шедшая на продажу, разрезалась даже на маленькие части. Здесь необходимо напомнить читателю о скандинавских

купцах на Ближнем Востоке (там они были продавцами мехов), торговавших с арабами за куски шелка. К несчастью, один из быков Карлсефни, впав в бешенство, выбежал из леса, чем напугал индейцев, которые восприняли происшествие как плохое предзнаменование и скрылись. Спустя три дня они появились в лагере норманнов в большом количестве и размахивали палками. Люди Карлсефни, взяв красные щиты, двинулись на них. Произошло сражение, и сага с большой точностью описывает индейский обычай использования длинных палок с привязанным к его концу камнем, который помещали в свинной желудок, чтобы поражать врага. Данное оружие, насколько нам известно, использовали позднее индейцы алгонкины в Новой Англии и называли его «голова дьявола». Хотя камень был зашит в свежую кожу, он крепко прикреплялся к палке, высушивался и затем раскрашивался, превращаясь в изображение некой ужасной морды. Действительно, для метания или стрельбы по кожаным лодкам это оружие должно было быть достаточно эффективным.

Поселенцы поняли, что рано или поздно им придется отказаться от мысли прочно обосноваться на новых землях Винланда, и вернулись в Страумфьорд, где провели третью зиму, после которой окончательно возвратились в Гренландию. Естественно, что в замкнутой и небогатой на события общине гренландцев, великая экспедиция Карлсефни в Винланд, во главе ста шестидесяти человек, должна была воспри-

ниматься как великое приключение, которое предоставило своим участникам много возможностей оставить впечатляющие истории. Когда происходившие на американском континенте события были оформлены в сагу, событийная канва ничуть не пострадала в письменном изложении, хотя совершенно очевидным представляется то, что сага была составлена из рассказов многих различных авторов. Однако нельзя сомневаться, что, во всяком случае, ее главная сюжетная линия представляет действительные события, хотя некоторые небольшие детали, описанные в саге, скорее всего, просто выдумка. Данную сагу можно назвать настоящей сагой о «территориальном захвате», которая, возможно, является наиболее выразительным произведением этого ряда во всей норвежской литературе, но, к несчастью, она едва ли помогает нам определить точное нахождение Винланда. Подробности о маисе, виноградной лозе, мягкой зиме и другие детали саги могут быть приняты как свидетельства, оставленные в описании Винланда Лейфом Эйрикссоном. Кроме того, некоторые факты, такие как, например, встреча с индейцами, тактика их боя и отступление скандинавов, говорят о реальном опыте норманнов, побывавших в Америке. Тем не менее сага не лишена некоторых внутренних противоречий (сведения о зимнем пастбище и упоминания о следующем лете не согласуются с более поздними частями саги, упоминавшими, что Карлсефни только несколько месяцев был на юге и что он никогда не зимовал там).

Видимо, данный факт объясняется тем, что различные описания путешественников были объединены, в результате чего и появилось такое художественное произведение, как сага о Карлсефни.

Совершенно ясно, что экспедиция Карлсефни не стала последним путешествием скандинавов к Винланду и Маркланду. Во многих источниках мы находим некоторые случайные упоминания о Винланде и лесистом Маркланде. Исландские хроники рассказывают, что епископ Гренландии, Эйрик Гнупссон стремился разыскать Винланд в 1121 году, но, очевидно, так и не вернулся обратно. Возможно, он отправился в качестве миссионера к скрелингам: однако путешествие епископа свидетельствует о том, что довольно полные данные о местоположении Винланда были сохранены норманнами и спустя столетие после путешествия Лейфа Эйрикссона. Тем не менее если экспедиция епископа и ставила целью осуществить колонизацию Винланда, то она была слишком запоздалой, поскольку благоприятные условия для проведения подобного предприятия остались в прошлом. Но не оставившие яркого следа в истории гренландцы продолжали получать строевой лес из Маркланда, который находился к ним намного ближе, чем Норвегия. Погребальные камеры Херюльфснеса сделаны из больших сосновых, еловых или лиственничных досок; а лиственница, конечно, ввозилась не из Норвегии. Можно, конечно, предположить, что жители Гренландии собирали

Глава 5. Исландия, Гренландия и Америка

плавник, но в то время, когда существовали регулярные поездки между островом и Европой, представляется вполне вероятным, что гренландцами также сравнительно часто предпринимались короткие путешествия в Маркланд.

Глава 6

Искусство эпохи викингов

На сегодняшний день об искусстве викингов нам известно все еще очень мало. Судить о нем, так же как и о ремесле этого периода, мы можем на основании многочисленных находок оружия, украшений и других предметов, большинство из которых выполнены из металла и небольшая часть — из дерева. Но лишь немногие памятники искусства помогают определить художественные предпочтения населения и составить реальный портрет мастера эпохи викингов. Находки различных предметов, сделанные в Усеберге, очень важны, так как они относятся к переходному периоду между старой и новой эпохами, и многие черты, появившиеся на их грани, остались доминирующими и в искусстве викингов. Группа придворных художников, работавших в начале IX века, которых правители специально нанимали для создания различных произведений искусства (группа была всесторонне иссле-

дована замечательным ученым Х. Шетелигом и названа им «вестфольдской школой»), включала представителей старого вендельского направления в искусстве, иными словами — тех, кто продолжил воплощать идеи «академического стиля», создав украшение для носа корабля в виде головы животного и оглоблю для саней или изготовив корму корабля с ахтерштевнем. Сила и вместе с тем изящность, воплотившиеся в голове льва, аккуратно воздвигнутой на «выгнутую шею», делают ее одним из шедевров искусства викингов. «Академик» выполняет это произведение, сохраняя первоначальную цельную форму материала в своем дизайне и оставляя небольшие пустые пространства между плетениями узора, тем самым создавая впечатление рельефного изображения. «Шею», возможно, могли раскрашивать, так как она никогда не покрывалась орнаментом, исключение составляет небольшое и незаконченное поле квадратиков с медальонами в ее нижней части, хотя возможно, что художник, вырезавший голову, следуя вкусам про-

Илл. 45

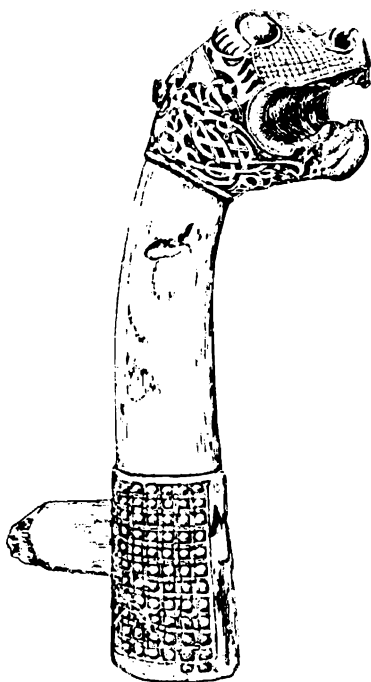

Рис. 21. Украшение носа ладьи в форме звериной головы, выполненной в «академическом стиле» (Усеберг). Длина 52 см

шлой эпохи, умер, просто не успев окончить свою работу.

Стиль, который характеризует работу «мастера по изготовлению носа корабля», представляется одновременно более свободным и более убедительным с художественной точки зрения, возможно потому, что данный мастер должен был обрабатывать большую поверхность, к тому же длинную и узкую. Это вовсе не означает, что стиль «академика» однообразен и скучен: его орнамент, основанный на изображении птиц, симметричен только внешне, но не являлся таким полностью и никогда не выполнялся механически. Кроме того, поскольку мастер работал в старом стиле эпохи Вендель, он, очевидно, находился под влиянием тем, которые были распространены на Британских островах. В то же время «мастер по изготовлению носа корабля» уже потерял умение плавной и мягкой прорисовки линий узора, которое отличало «академика», и вырезал тела животных, оставляя их плоскими и не стремясь к рельефному изображению. Он вырезал обычных декоративных четвероногих животных, но для украшения внутренней части носа корабля мастер также использовал человеческую фигуру, которая встречается время от времени в искусстве периодов Великого переселения и Венделя. В верхней части носа корабля расположены выглядящие несколько обеспокоенными трое мужчин со стеклянными глазами, тела которых сохранили человеческую форму, видоизменяющуюся в нижней

части орнамента. Постепенно люди становятся похожими более на животных, руки которых цепко держат друг друга за различные части тела, бороду или волосы своих соседей. Подобные орнаменты, в особенности «хватящие мужчины», представляют новые течения в искусстве, которые способствовали подъему стиля, выработанного мастерами Усеберга. Однако нельзя утверждать, что «мастер по изготовлению носа корабля» являлся их изобретателем, так как он не всегда применял их, в целом оставаясь верным старому стилю. Он не использует, например, полосы в обрамлении

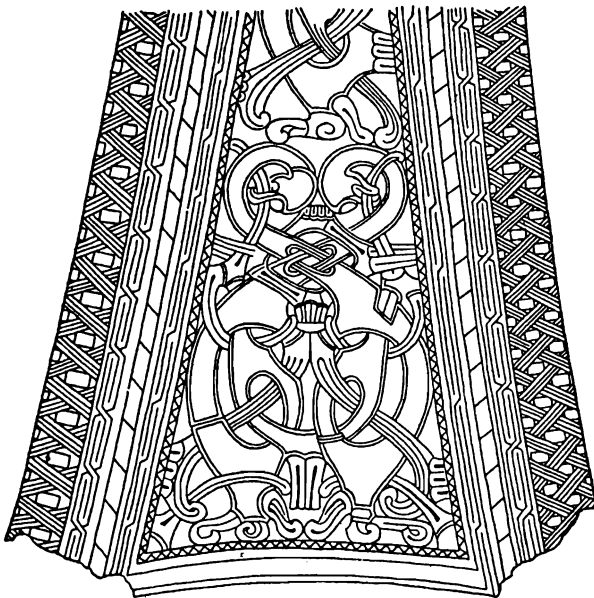

Рис. 22. Деталь стойки саней, выполненная в «академическом стиле»

Рис. 23. Украшение ладьи из Усеберга

узора, которые стали характерными чертами нового направления в орнаменте.

Возможно, самый древний предмет, найденный в Усеберге, это так называемые «сани Шетелига». В данном районе обнаружены три экземпляра богато орнаментированных саней, а одни — простой работы. Все они были снабжены съемной рамой (такой же, какую устанавливали на телеге для перевозки сена), чтобы закреплять перевозимый на них груз. Рамы не являлись непосредственными частями саней, к которым прикреплялись: в основном захоронения осуществлялись летом, поэтому, видимо, их просто достали из сарая, где хранили утварь, поскольку онигодились. Каждый угол «саней Шетелига» украшен головой дикого льва, которую можно считать копией слегка переработанной формы классической головы льва, свойственной в этот период времени континентальному искусству. Боковые стороны саней разделялись лепными украшениями на два уровня, для каждого из которых был свойственен определенный орнамент. Под ними

Илл. 49

обозначался еще один, с «животным узором», выполненным в более раннем стиле, напоминающим стиль «академика» и «мастера по изготовлению носа корабля». Первоначально сани были выкрашены (их постромки обнаружили во время раскопок) в черный цвет. Они ярко представляют особенности исследуемой нами школы в искусстве рубежа эпох, так как демонстрируют два типа мотивов в орнаменте. Один из них пришел к скандинавским мастерам от художников периода каролингов, а другой («звериный орнамент») — всегда был традиционным образцом норманнского стиля. Однако объединение этих мотивов в узорах на санях нельзя считать особенно искусным.

Столбик с резьбой в виде голов животных, относящийся к каролингскому периоду, хороший пример удачного слияния мотивов, который был признан развитой формой стиля, созданного в Усеберге. Поверхность столбика была разделена обрамлениями из полос,

Рис. 24.
Украшение с
внутренней
стороны
штевня
Усебергского
корабля

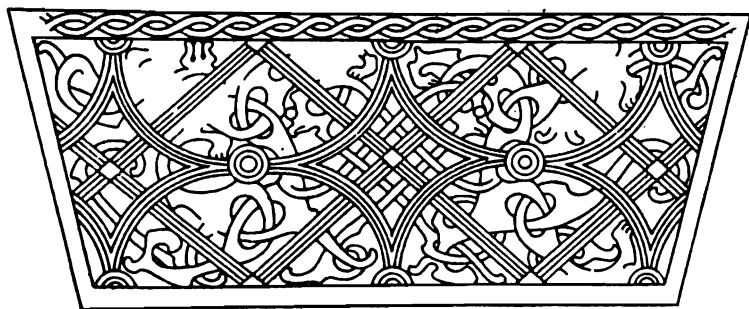

Рис. 25. Резной орнамент торцевой стенки кузова «саней Шетелига»

Илл. 46, 47

которые заполнялись медальонами с маленькими животными, цепляющимися когтями за все, что можно ухватить. Отличие становящегося нового стиля в искусстве викингов от прежнего заключалось не только в том, что изящество «змеиного орнамента» эпохи Вендель сменил напряженный и мощный образ зверя, но прежде всего в том, что теперь мастер не оставлял незаполненных поверхностей, отдавая предпочтение прорисовке сложного, запутанного и высокого рельефа. Однако он не оставил нам возможности охватить взглядом и представить форму рисунка целиком, что было возможно в случае с исследованием предметов искусства, созданных «академиком». Наиболее развитые примеры нового стиля Х. Шетелиг обозначил термином «барокко», развитие которого возможно понять, исследуя три фрагмента, найденные в Усеберге. Первый фрагмент — это столбик с изображением головы животного. Вариации, которые могут быть свойственны только уверенному в себе мастеру, в выполнении орнамента с использованием полос, четвероногих животных и птиц явно противоречат друг другу, не создавая полного впечатления. В обработке оглоблей для саней вкус создателя представлен более очевидно, а композиция — яснее, но в изготовлении второго столбика с головой животного он подвергся искушению продемонстрировать свои великие достижения в технике исполнения орнамента, чем перегрузил работу. «Мастер барокко», должно быть, являлся одним из влиятельных худож-

ников, которые сформировали первое независимое направление в орнаменте эпохи викингов, иными словами, усебергский рисунок или стиль «хватающих животных». Было бы неверно представлять его непосредственным продолжением стиля «академика»: на самом деле два столбика, изготовленные «мастером барокко», не очень хорошо сохранились, так как, видимо, часто использовались, в то время как предметы, выполненные в «академическом стиле», — дошли до нас в достаточно хорошем состоянии

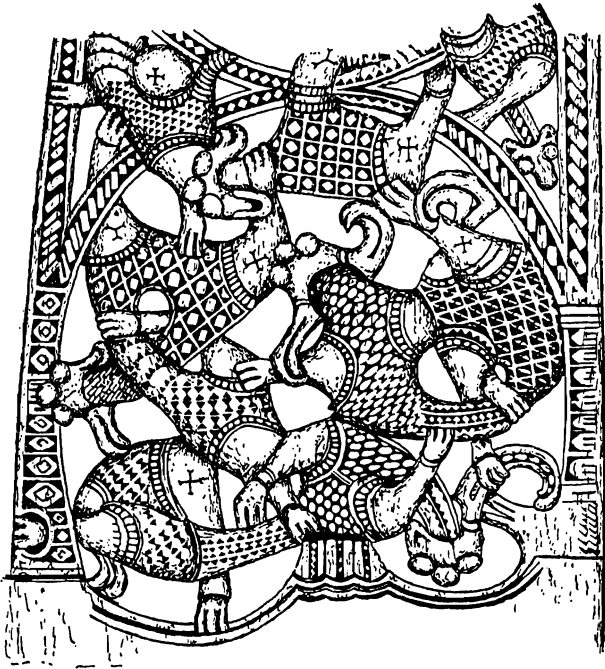

Рис. 26. Деталь украшенного в «зверином стиле» столбика каролингского времени

(хотя, может быть, изделие, на которое мы ссылаемся в данном случае, просто не было доведено до конца мастером). Возможность дать четкую датировку десяти представленным художникам очень ограничена, так как исследованный учеными корабль, сохранивший различные орнаменты, находился в использовании какое-то время до того, как попал в захоронение, о чем свидетельствует его изношенный киль; но в то время как орнамент над ватерлинией несколько потрепан, под ней он сохранился настолько превосходно, что создается впечатление, что он был вырезан только вчера.

За пределами Вестфольда только Готланд предоставляет исследователям достаточно хороший материал (небольшие изделия из бронзы), на основании которого можно судить о личности конкретных художников, живших в IX веке. Однако два мастера, работы которых мы находим в Броа в Халле, расположенных в центре Готланда (возможно место поселения большой семьи), показывают, что они не зависели от ранних традиций в выполнении орнамента, как «академик» из «Вестфольдской школы», но были более ориентированы на стиль работы «мастера по изготовлению носа корабля». Бронзовые металлические скрепления сбруи, украшенные медвежьими головами и телами, установленными на месте старых ободов, пример подобного подхода, хотя они также сохранили некоторую ритмичность линий, свойственную более раннему стилю. Некоторые

предметы сбруи оформлялись в форме головы льва, другие украшались большими рельефными масками животных. Тем не менее их орнамент сохранил деление рисунка на отдельные уровни полосами и хорошо выполнен. Кроме того, видно, что, так же как изделию «мастера барокко» из Усеберга, работе этого художника свойственен определенный избыток деталей. Видимо, мастер привык работать с большим масштабом, и если не являлся сам опытным резчиком по дереву (что представляется наиболее вероятным, судя по некоторым деталям узора), он проявил большую разносторонность в выборе техники, копируя некоторые приемы других выдающихся резчиков по дереву своего времени. Однако ни он, ни художник, изготовивший большую бронзовую фибулу, не оказали решающего воздействия

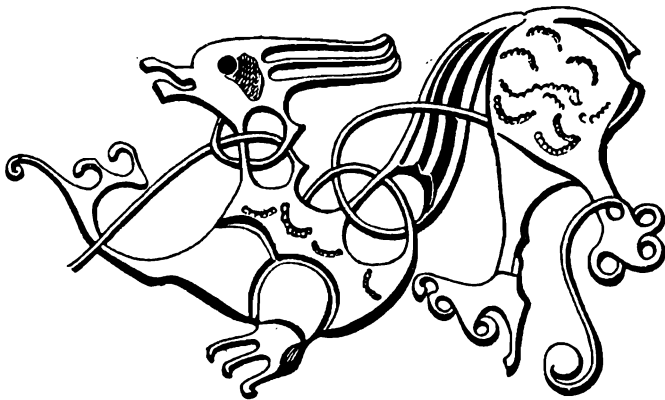

Рис. 27. Изображение льва с бронзовой детали конской упряжи
(Броа в Халла, Готланд)

на формирование стилистических предпочтений более позднего времени.

Узор на фибуле из Броа представляет как ранний традиционный «звериный стиль», так и два новых вида рисунка. «Хватающий зверь» изображен в одном или двух полях, разделенных орнаментальными полосами, в то время как узор, выполненный на задней стороне фибулы, свидетельствует об индивидуальном стиле мастера. Образы львов, свойственных периоду Каролингов и ставших широко распространенной темой в искусстве Скандинавии, полностью заполняют неровную форму поверхности фибулы, а стремление мастера как-то адаптировать их к ней придало им фантастический вид. Черты прежнего стиля воплотились в форме львиных голов. На обратной стороне художник поместил в нижнюю часть фибулы двух геральдически расположенных птиц, чьи головы, соединенные вместе, образовывали большую маску. Птицы выполнены простым линейным рисунком без прорисовки внутренних контуров, что могло бы создать рельефное изображение. В целом его исполнение очень сильно напоминает украшения и рисунки, создававшиеся в рукописях. Человека, изготовившего фибулу, найденную в Броа, нельзя назвать великим художником, но его работа важна для нас, поскольку ясно свидетельствует, как гордый лев континентального стиля был воспринят скандинавскими мастерами, жившими на Готланде в начале IX века, и каким изменениям он подвергся в процессе адаптации.

Рис. 28.
Фигурки
животных
(фибулы
из Броа)

Другой предмет готландской работы — меч, найденный в Ристимяки (Финляндия), более изящен в отличие от фибулы из Броа. Он показывает, что адаптация птиц континентального стиля к местному не была сопряжена с какими-либо трудностями; в то время как лев в целом сохранил свой традиционный образ силы и напряжения.

Рис. 29.
«Лев»
на мече из
Ристимяки

Наиболее развитые и законченные формы этого стиля представляет рукоять меча, обнаруженного в Стуре Ихре в приходе Хелльви. Здесь мы находим величественного льва с птичьей головой, составленной из трех медальонов, выполненных в местном стиле. Рукоять меча также интересна из-за своего отчеканенного орнамента — техники, которую использовали только на Готланде.

Илл. 55

Художники Готланда, жившие на грани смены эпох, возможно, в большей степени стремились сохранить ранний и традиционный стиль, нежели представители «вестфольдской школы», создавшие новые направления в искусстве. Мастера Готланда использовали в выполнении орнамента новые темы, которые частично совпадали с популярной у «вестфольдской группы» тематикой, но не были свободны от старых приемов и техник, в связи с чем созданное ими направление в изготовлении различных предметов искусства не просуществовало длительное время. Новый стиль «хватящего зверя» —

Илл. 48, 49

ранний усебергский стиль — появляется в работах, найденных на Готланде, будучи полностью заимствованным у мастеров Усеберга. Художники острова не внесли новых идей и не развили его, поэтому в представленных ими работах ощущается некая незавершенность в сравнении с тем творческим подходом к переработке и адаптации тем, сложившихся в других культурах; этот поход продемонстрировали мастера из Усеберга, и он стал неотъемлемой частью местного культурного развития.

В резьбе по дереву, представленной предметами, найденными в Усеберге, а также небольшими бронзовыми изделиями с орнаментом «хватающих животных», чувствуется мощь и почти магическое напряжение, которые отличают их как от стиля эпохи Вендель, так и от последующих стилей. Исследователи полагают, что звериные головы, созданные мастерами Усеберга, должны были выглядеть угрожающе, и художники стремились найти подходящие средства, чтобы изобразить угрозу. Видимо, это справедливое утверждение, так как раннее исландское законодательство (закон Ульфльота) требовало от подходящих к берегам Исландии кораблей снимать со штевней угрожающие звериные головы, чтобы те не распугали добрых духов-хранителей страны. В любом случае можно с уверенностью говорить, что некоторые из голов зверей, изготовленных в Усеберге, были созданы с целью отпугивать если даже не людей, то наверняка злых духов, что привело к некоторому изменению

«звериного орнамента», сложившегося в искусстве эпохи Каролингов и воспринятого усебергскими мастерами. Однако для художников, работавших с большими масштабами в усебергском стиле, такие небольшие, но выполненные весьма искусно предметы, как пряжки или манускрипты не могли стать источниками вдохновения. Несомненно, что мастера приобретали непосредственный опыт в изготовлении предметов мебели и скульптуры, основываясь если и не на натуралистическом изображении животного, сложившемся в континентальном искусстве, то в любом случае на некоторой его упрощенной версии, представленной северными провинциями каролингской империи. Британские острова также можно рассматривать как источник вдохновения для скандинавских художников, так как вопрос о происхождении стиля «хватающего животного» еще не получил удовлетворительного объяснения. Рассматриваемое в отдельности изображение зверя еще не составляет стиль, оно представляет только мотив, с которым можно работать в достаточно произвольной манере, поэтому мастер, создававший голову животного в каролингском стиле, воспринимал ее как объект для дальнейшей стилизации, для плотного заполнения пространства изделия, что не требовало систематического группирования образов в орнаменте. «Мастер барокко» более стремился адаптировать новый мотив к традиционным предпочтениям в искусстве, сделать его основой в организации орнамента, и именно такой

подход сыграл решающую роль в последующем развитии стиля.

Относящиеся к более позднему времени ладьи, обнаруженные в Гокстаде, Туне и Борре, оказались в гораздо более фрагментарном состоянии, но некоторые характерные черты, сохранившиеся в оформлении кораблей, позволяют проследить линию развития нового стиля. Оконечности конька шатра в виде звериных голов на ладье из Гокстада имеют сходство с львиными головами, украшавшими ложе, об-

наруженное в Усеберге. Однако они длиннее, с большими заостренными ушами и вытянутым вниз языком. Глаза льва очень круглые без прорисовки разреза глаз. Эта черта была обычной для ирландского и североанглийского искусства и предполагает, что мастер, который вырезал ложе из Усеберга и оформлял штевень и борты на ладье, имел хорошее представление об этом искусстве. Краска, которой покрывали голову зверя, также должна была играть важную роль в создании максимального эффекта как в изображении плоских голов льва на ладье из Гокстада, так и тех, что были найдены в Усеберге. Мастер из Гокстада использовал в основном черный

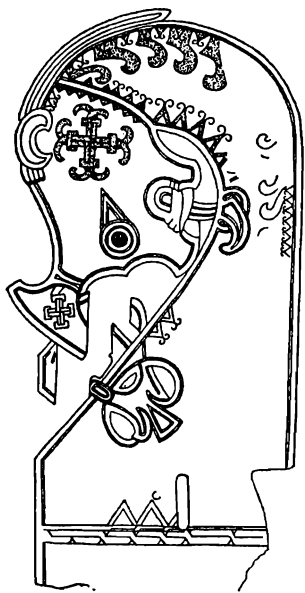

Рис. 30. Резное изображение головы животного с кровати из Усеберга. Максимальная ширина 49,4 см

и желтый цвета, редко — красный. Большие головы животных украшались орнаментированной лентой из узлов, установленной вокруг их шеи, которая напоминает восточные растительные узоры (завитки).

На румпеле корабля из Гокстада мы находим такую же голову, как на борту корабля, хотя более круглую. По рациональным причинам у нее нет заостренных ушей, которые заслоняли бы обзор кормчему. Большая человеческая маска, которая была выполнена в усебергском орнаменте, например на оглобле саней, декорированных «мастером барокко», повторяется в Гокстаде на маленьких кораблях. Она, подобно головам животных на борту корабля, свидетельствует о дальнейшем развитии орнамента, выразившегося в более свободном подходе к распределению места для создания рисунка, обрамляющего маску. Она также свидетельствует о развитии местных традиций, подвергшихся, однако, значительным изменениям с X века, в то время как мастера, изготовившего ладью из Гокстада и украсившего ее традиционными орнаментами, напротив, можно считать более точным в следовании местной традиции. В качестве примера приведем два круговых орнамента. Один изображает

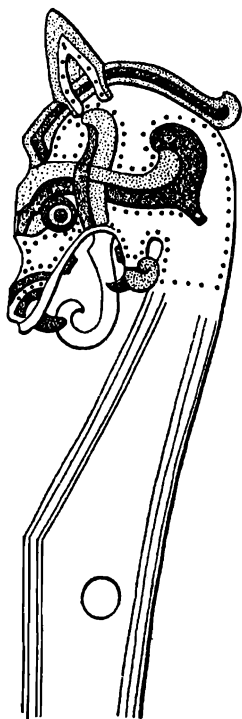

Рис. 31. Резное изображение головы животного с фронтона-навеса Гокстадского корабля. Максимальная ширина 38 см

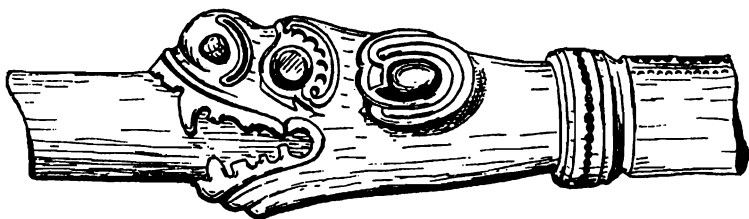

Рис. 32. Румпель Гокстадского корабля. Длина от головы до «ошейника» 19,6 см

наездника, другой — льва, которые, хотя и без сомнения северного происхождения, все равно признаны точными копиями с английских оригиналов. Эти произведения — чистая живопись, создавая которую мастера не уделили внимания орнаментальному рисунку, что также характерно для ткацких изделий, изготавливавшихся в Усеберге.

Стиль оформления королевских курганов, обнаруженных в местечке Борре, от которого он и получил свое название, где найдены характерные закрученные кольца с изображением животных с кошачьеподобной головой, с тщательно вырезанным лицом и с цепкими когтями, демонстрирует дальнейшее развитие усебергского стиля. Плоская голова животного, выполненная на удилах, найденных в захоронении, того же происхождения, что и головы на ложе из Усеберга. Новым здесь

Рис. 33. Северный орнамент из Гокстада, копирующий английский оригинал

является комбинация кошачьеподобного лица с плетеным орнаментом, формирующим цепь в виде кольца, в которой оставляли небольшие треугольнички, украшавшиеся полосами, состоявшими из трех или четырех линий. Ленты, создававшие плетение, были составлены из двойных линий, которые перекрестно заштриховывались, возможно чтобы имитировать филигранную работу. С конца IX века до середины X века данный стиль получил широкое распространение в Норвегии и Швеции и в меньшей степени — в Дании. Мастера особенно часто использовали его при выполнении простой работы, и при этом довольно редко — на высококачественном материале. В целом скандинавское искусство очень часто подвергалось сильному влиянию иностранного стиля. Когда в середине X века или несколько позднее датский стиль Еллинг принял свою окончательную форму, он находился под значительным влиянием Англии, в которой скандинавские поселенцы создали и развили свое собственное искусство, так называемый английский стиль Еллинге. Некоторые его черты — голова зверя, изображаемая в профиль с короткой мордой и длинной бородкой, а также переплетающиеся друг с другом полосы, плотно заполняющие свободное пространство камня, на котором вырезались. Ранние примеры этого направления в создании орнамента относятся уже ко времени появления усебергского стиля и, без сомнения, являются скандинавскими по происхождению. Лучшие примеры

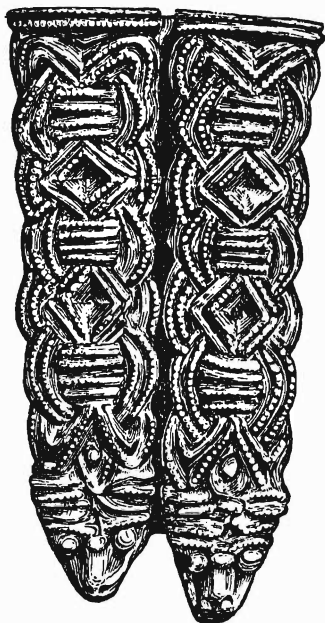

Рис. 34. Ременные пряжки из Борре. Длина 5,8 см

различных предметов искусства, выполненных в стиле Борре, но одновременно представляющих и некоторые черты стиля Еллинг, — это золотая шпора и украшенный ремень из Реда вблизи Верне в Эстфольде (Норвегия). Орнамент на изделиях был создан с использованием мастером техники филиграни, а изящное варьирование толщины нити и размера нанизанной на нее бусины подчеркивает узор, образуя цепь в форме кольца с рядами птичьих голов, изображенных в профиль. Художник выполнил рисунок в высоком рельефе, создавая впечатление практически «высверленного» орнамента, что явствен-

но свидетельствует о его знакомстве со стилем, в котором работал усебергский «мастер барокко».

Коллекция небольших бронзовых украшений из захоронений в Борре незначительна, но она демонстрирует исследователям индивидуальный подход мастера к обработке тем изображений и в обращении с ними; эта коллекция напоминает об аналогичных предметах, найденных в Усеберге. Несомненно, что в их производство была вовлечена целая школа художников, привносящих различные идеи в свою

работу. Родиной данного стиля стала Норвегия, не считая типичного орнамента, формирующего цепь в виде кольца (так называемая «плетенка»), который постепенно развился из предшествующего усебергского стиля. Именно ярко проявившаяся индивидуальность художников, работающих в этом направлении (в Усеберге или в Борре), в подходе к обработке некоторых тем затрудняет определение перехода от стиля Борре к стилю Еллингге. Такая ситуация также объясняет, почему стиль Борре, представленный изделиями превосходной работы, широко используется в это время при создании разнообразных масок. Переход между Борре и Еллинггом также неясен из-за того, что северные английские стили, которые выступили

Рис. 35.
Прорисовка
декора
«саней
Шетелига»

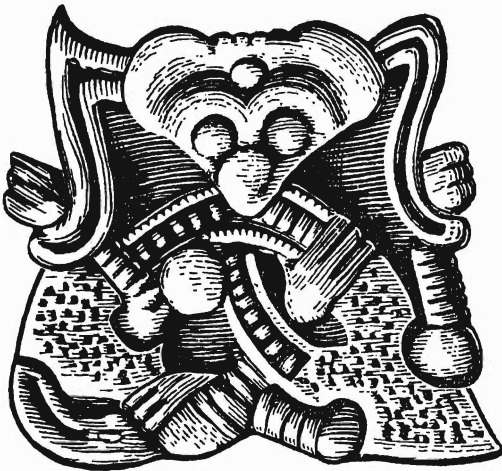

Рис. 36. Изображение свернувшегося в кольцо зверя с пряжки из Бирки (Бьёркен)

столь важным фактором в формировании стиля Еллинг, в свою очередь поколениями влияли на развитие стиля Борре.

За пределами Норвегии практически невозможно встретить предметы искусства, отчетливо представляющие стиль Борре. Круглая серебряная фибула из Йердслеса, на Эланде, демонстрирует данный стиль в достаточно сжатой (и немного варварской, грубой) форме. В орнаменте фибулы доминируют четыре больших похожих на маски лица, с установленным между ними типичным двойным кольцом из животных, тела которых составлены из связок колец; по краям и между масками располагается плетеный узор в форме кольца; отдельные части изделия украшены инкрустированным орнаментом в технике черни. Таким образом, фибула включает в себя все черты, характеризующие стиль Борре.

В прямоугольных серебряных фибулах из Эдесхега в Эстерьетланде (часть клада датируется с помощью монет серединой X века) отчетливо выступает смесь элементов стилей. На них кольца установлены в ряд в середине и вдоль коротких сторон фибулы, сопровождаемые изображениями «тонких» животных в ее углах, что свидетельствует о связи с усебергским направлением в искусстве орнамента. Головы животных довольно сильно стилизованы. Филигранная работа изящна и соотносится с той, что мы видим на большой серебряной фибуле из Экеторпа, в Нерке, изготовленной в одно с ней время. Стиль фибулы из Экеторпа

Илл. 5б

*Илл. 52,
53, 54*

(и даже в большей степени стиль, в котором выполнена появившаяся в то же время треугольная серебряная с чернью фибула из Эстра Херрестад в Сконе, обнаруженная в кладе, который можно датировать 925 годом) нельзя считать ярким примером стиля Борре. Тем не менее форма тел животных показывает связь с усебергским стилем, а звериные туловища, похожие на ленты, которые уплотнились и сужались в нижней части орнамента, представляют развитие старых местных традиций.

Последние два орнамента свидетельствуют о становлении в X веке тенденций, приведших к формированию стиля Еллингс. К сожалению, до нас дошла лишь незначительная часть предметов искусства (в нашем распоряжении нет, например, ни единого архитектурного фрагмента, ни предмета мебели, ни работы монументального характера из Скандинавии в этот период времени), поэтому нет никакой возможности надеяться проследить ступени развития искусства в деталях. В Швеции в этот период времени не сложился культурный центр,

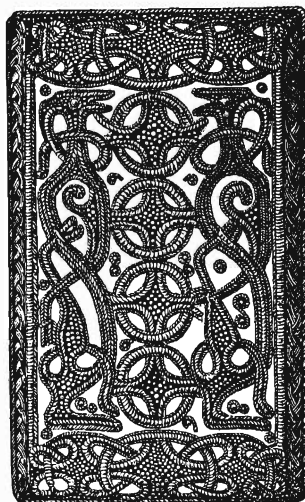

Рис. 37. Серебряная фибула из Эдсехёга (Эстервётланд)

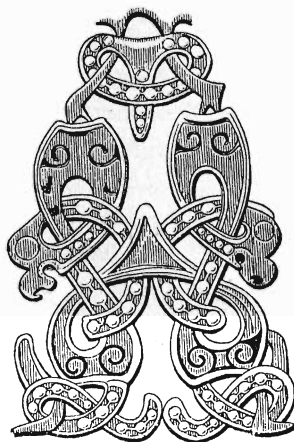

Рис. 38. Стилизованный звериный орнамент на серебряной фибуле из Эстра Херрестад (Сконе)

который мог объединить художников и создать экономические условия для его процветания. Можно предположить, что купцы Бирки не были заинтересованы в производстве, основанном на местных художественных традициях: в их захоронениях можно найти определенное количество прекрасно выполненных работ, но обычно они полны изделий, привезенных из-за рубежа, и кажется, что «нувориш-купец», как правило, более интересовался показной роскошью, нежели качеством украшения.

В IX веке, насколько мы можем судить по ограниченным находкам, мастера Дании частично заимствовали и адаптировали каролингские элементы орнамента, такие как, например, изображения животных и аканта, они также частично заимствовали некоторые художественные идеи «вестфольдской школы», которая могла выполнять какое-то количество заказов, поступавших от датских правителей. Возрождение датского искусства относится к середине X века, и возможно, оно связано с деятельностью группы художников, работавших при дворе Харальда Синезубого или его отца после того, как тот объединил Данию, и традиции этой группы получили дальнейшее развитие при его наследниках: Свейне Вилобородом и Кнуте. Таким образом, получает объяснение появление нового импульса в развитии датского искусства в X веке и наличие тесной связи его, видимо, с Ютландией, хотя некоторые варианты нового направления в орнаменте были распространены и в южной Скандинавии. Поли-

тические условия, в которых развивался стиль Еллингге, неясны, но определенно на территории страны, давшей ему начало, существовало очень сильное германское влияние, в связи с чем нельзя исключать и возможность ее реальной оккупации германскими правителями. За пределами Дании часть датского королевства, расположенная в Йорке, сохраняла определенную независимость в законе и социальной организации после своего разгрома в 954 году, и контакт Дании с ней, по-видимому, поддерживался постоянно, в то время как сама Дания все более попадала под германское влияние.

Поразительной чертой датского искусства второй половины X века стало английское влияние. Серебряный кубок из кургана (обычно называемого могилой короля Горма и датированного периодом развития стиля Еллингге) вызвал некоторые трудности, так как он вполне мог представлять потир (на кубке есть изображение гробницы), кроме того, он был найден с некоторыми фрагментами диска, восковых свечей и маленьким крестиком. Невероятно поэтому утверждение, что могила принадлежит языческому королю. Хотя данный кубок стоит в ряду наиболее ярких примеров работ в стиле Еллингге, украшение кубка скудно в концептуальном плане и исполнении.

Два набора лошадиной упряжи из Маммена и Селлестеда представляют интересный контраст. Упряжь из Маммена по орнаменту напоминает чашу, выполненную в стиле Еллингге, и не является работой выдающегося художника.

Илл. 51

Илл. 59

Илл. 57, 58

Композиция узора на ней «равнодушная», а исполнение небрежное, но показательное. Орнамент из Селлестеда представляет элегантно переплетение фигур восьми животных, где вместо стереотипных крест-накрест выгравированных звериных тел, типичных для многих незначительных работ в стиле Еллингге (включая названную выше чашу и конские упряжи из Маммена), тела животных разделены продольно с помощью имитации филигранной работы, при этом пространство между ней и контурами тел животных немного вогнуто, что служило весьма изящным способом сделать поверхность рисунка немного рельефной. Аналогичное искусное решение было принято мастером для плавного превращения птичьих крыльев в листья аканта в орнаменте. Большие головы животных на концах образовавшейся дуги иллюстрируют различный подход к созданию узора двумя художниками. Мастер из Маммена создал голову животного, которая прямо связана с континентальным искусством, т. е. со схематично украшенными поверхностями. Голова из Селлестеда свидетельствует о ином представлении мастера, который подверг образ зверя сильной стилизации, акцентируя внимание на значительных деталях: огромных глазах, высоких острых ушах, поднятой вверх мордочке, обнажавшей длинные угрожающие плотоядные зубы. Эта работа, таким образом, объединяет стиль Еллингге, представленный в Селлестеде, с более ранней традицией, сложившейся в Усеберге. Хотя могила, в которой

найлены упряжи из Селлестеда, появилась в то же время, что и захоронение в Маммене — в середине X века, а обнаруженные в ней предметы искусства, очевидно, относятся к более раннему времени, нежели упряжь из Маммена, которая просто никогда не использовалась, все-таки неправильно относить различие в изображении животных на упряжи, отмеченное выше, к разнице в датировке. Только поскольку разные художники «вестфольдской школы» были более или менее одарены, более или менее независимы, нам приходится говорить о некоторых отличиях в выполнении ими работы по орнаменту. Изображение змеевидного узкого тела животного на упряжи из Селлестеда показывает те же признаки, что и большие звериные головы, — оба орнамента сохранили характерные и лучшие черты ранних скандинавских традиций в искусстве. Например, способ, с помощью которого мастер расширял тело изображаемого им животного или соединял вместе несколько тел, вырезая «длинную косу» между ними, а также две связанные друг с другом птичьи головки, установленные на вершине образовавшейся дуги, подтверждают это. Создатель упряжи из Селлестеда с технической точки зрения был превосходным мастером, но также и великим художником; он оказался способен гармонично объединять такие новые элементы, как пальметки и птичьи головы, со старыми. Создатель упряжи из Маммена работал более быстро — условно его можно назвать импрессионистом, но он, видимо, не

сильно заботился о качестве своего изделия. Композиция, представленная им, несколько сумбурна, в ней господствуют грубо вырезанные изогнутые линии, создающие всевозможные пересечения, в то же время мастер в орнаменте использовал только те новые элементы, которые захватили его воображение. Примером этого является дракон, проглатывающий человека, за ними наблюдает епископ, что могло символизировать Иону и кита. Однако мастер не предпринял попытки соотнести изображаемую им сцену в целом со стилем.

Стиль Еллингэ часто рассматривают как стиль, пришедший в Скандинавию из ирландского искусства. Однако иностранное влияние более очевидно прослеживается не в самых лучших его примерах, в которых отсутствуют выработанные местными мастерами традиции. В любом случае комбинация листа аканта со «звериным орнаментом» и свободно расположенными головами животных впервые встречается в ирландском искусстве в XI веке. В настоящее время признано, что стиль Еллингэ развивался в скандинавских поселениях в северной Англии, хотя еще существуют разногласия в вопросе о доминирующих влияниях (норвежском и англосаксонском) на его становление, в то время как некоторые исследователи полагают, что он формировался исключительно в одном регионе, не подвергаясь стороннему влиянию (остров Мэн, Королевство Йорк). Художник Гаут, чью работу, обнаруженную на острове Мэн, мы упоминали (с. 100), не был изобретателем

стиля Еллинг, который, в любом случае, появился в результате постепенной эволюции. Однако существуют различные взгляды на вопрос о стадии, на которой эксперименты таких несовершенных художников, как, например, из Мидлтона и Гиллинг Стоунс, привели в конце концов к формированию стиля Еллинг. Крест из Кирк Браддона является самым ярким примером стиля Еллинг из всех крестов, найденных на острове Мэн. Довольно любопытно, что примеры работы мастеров в стиле Еллинг по металлу в Англии практически не встречаются. Может быть, его рассматривали как довольно грубый стиль, более подходящий для украшения предметов монументального масштаба и церемониального использования «полуобращенными в христианство» викингами, в связи с чем английские мастера серебряных дел не обращали на него никакого внимания. В колониях в Шотландии он мог быть воспринят более серьезно: так, например, клад, датированный серединой X века, найденный в Скайле на Оркнейских островах, представляет яркий и живой орнамент в стиле Еллинг на некоторых брошах в виде чертополоха.

Рис. 39.
«Звериный
орнамент»
на кресте
из Кирк
Андреас
(о. Мэн)

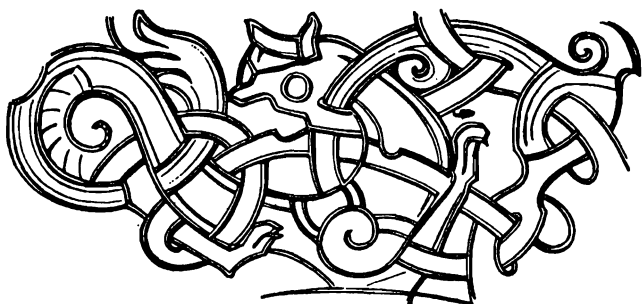

Рис. 40. Орнамент в виде чертополоха с броши из клада в Скайле, Оркнейские острова

Четкий угловой характер сплетения полос и двойные бороздки на них являются типичным образцом «островного стиля Еллинг», отличающего его от тогдашнего искусства Скандинавии, с одной стороны, и южной Англии — с другой.

Название стиля произошло от потира (мы упоминали, что он был найден в так называемой могиле Короля Горма в Еллинге). Также в данном стиле был создан другой, более внушительных размеров памятник, установленный Харальдом Синезубым в честь его предков. Он 8 футов в высоту, представляет собой грубый пирамидальный гранитный блок, установление которого стало эпохальным событием. Техника плоскостного рельефа указывает, что орнамент выполнял мастер, привыкший работать с более мягким материалом. Был ли скульптор датчанином или его выписали из-за рубежа? Исследователи высказали предположение, что мастер происходил родом либо из района северной Англии или был даном,

обосновавшимся в Англии и освоившим технику работы скульпторов, изготовивших кресты в Йоркшире. Большой камень, найденный в Еллинг, представляет что-то совершенно новое в скандинавском искусстве, но в то же время указывает на определенное скандинавское влияние, хотя стиль орнамента на нем не получил дальнейшего развития. Возможно, начальный импульс пришел из другого региона. Трудность поиска истоков заключается в том, что ни один существующий камень из королевства викингов в Йорке (на которых изображены ручные английские животные и которые характеризуются довольно тяжеловесным дизайном) не мог вдохновить мастера на создание орнамента с изображением мощного дикого льва, который свойственен стилю Еллинг. Кроме того, при создании манускрипта в южной Англии мастера часто использовали похожие сюжеты для своих рисунков, например завитки на львином хвосте, однако они не оставили «портретов» животных в стиле Еллинг. Некоторые исследователи поэтому искали истоки изображения льва, характеризующего данный стиль, либо на Востоке (с восточными львами можно соотнести лишь некоторые примеры, и конечно же, нельзя говорить о строгих параллелях) или в искусстве эпохи Оттонов. Ни один из памятников искусства, созданных в этот период, не подвергался столь масштабному обсуждению, и трудность в определении его истоков указывает на то, что мастер обладал яркой индивидуальностью, получив право поставить

на свое изделие собственное клеймо. Возможно, для мастера главными сюжетами, которые необходимо было изобразить на камне, являлись как деятельность предков Харальда, так и сами подвиги Харальда и христианизация Дании и некоторые символы, например образ льва, уничтожающего змея, олицетворявшего зло, и образ Христа. Памятный камень, видимо, появился до 985 года (когда Харальд умер), но определенно после того, как он принял крещение между 953 и 965 годами. Если мы обратимся к ссылке в надписи на его подвиги (Суне Линдквист указал, что она, возможно, была добавлена вскоре после завершения основной работы по формированию орнамента на камне) и соотнесем ее со временем покорения всей Дании, что свидетельствует об изгнании из Хедебю германских правителей, тогда возможная дата установки камня ограничивается временным интервалом между 983 и 985 годами. Еще одна причина, из-за которой исследователи сталкиваются с трудностями в установлении источника происхождения данного камня в стиле Еллингс (и многих других камней этого периода) заключается в том, что большая часть иных художественных работ, в частности выполняемая в большом масштабе в это время резьба по дереву, не дошла до нас. Разделение пространства камня полосами, связанными в узлы в углах, и обрамление надписи отчетливо указывают на родство со скандинавской традицией; в качестве примера можно привести фибулу из Бирки.

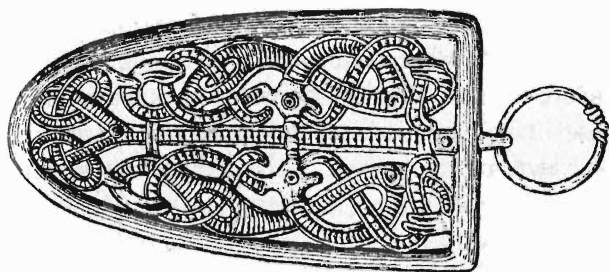

Рис. 41. Бронзовая фибула из Бирки. Длина 9,2 см

Другой стиль, названный исследователями стилем Маммен, после того как в Ютландии, в Бьеррингхее, был найден инкрустированный золотом топор, появился в результате иностранного воздействия. Его яркие черты — обширное использование растительного мотива и большая отчетливость (рельефность) в адаптации рисунка к обрабатываемой поверхности материала, создающая ощущение контраста. Тела изображаемых животных или корни деревьев не имели определенной постоянной ширины, но становились либо шире, либо уже в соответствии с требованиями рисунка, а переплетения между ними и вокруг них образовывали разнообразные тонкие «щупальца». Лучшие произведения, выполненные в этом стиле, — шкатулки из Каммина и Бамберга и рукоятка меча из лосиного рога, найденная в Сигтуне. Многие новые черты (геральдически поставленные друг против друга птицы, лев, изображенный в профиль, но с повернутой анфас мордой) указывают на эклектизм, возникший в результате контактов Скандинавии со столь

обширной географической областью от Англии до Киева в 1000 году. Хотя наряду с изображением битвы льва со змеем, являющейся узнаваемым христианским символом, мы встречаем пугающие маски, которые представляют местную традицию, развившуюся в Усеберге; эти маски предназначались, чтобы распутывать злых духов. Камень с рунической надписью в Скерне в Ютландии усиливает их значение, сообщая о бедах, которые произойдут с тем, кто нарушит покой мертвого человека. Маски на камнях были ярко раскрашены и, без сомнения, представляли традиционные мотивы. Неудивительно, что они находятся в окружении крестов и изображений Христа. Можно сравнить шлем из Бенти Грэйндж, который относится ко времени обращения англосаксов, с христианским крестом с изображением вепря, и вспомнить о смешении на миддлтонском кресте сюжетов о христианском и языческом ритуалах захоронения. Интересно исследовать пятнадцатифутовый камень в Лунде; который не представляет никаких христианских традиций. «Торгисль, сын Эсге Бьернссона вырезал надпись на камне в честь своих братьев Олофа и Отга, могучих мужей этой земли». Орнамент на камне составлен из «цепляющихся» масок и «вооруженных» волков: на группе нескольких камней из Хуннестада, находящихся в настоящее время в Лунде, защитные письмены на них тянутся от креста до изображения колдуньи Хюррокин, едущей верхом на волке, используя в качестве поводьев змей.

Данные сюжеты подводят нас к 1000 году, что важно для понимания последующего развития искусства эпохи викингов, которое необходимо рассматривать на фоне исторического развития Скандинавии. Флоты викингов разоряли английское побережье более десяти лет и основали там большое поселение данов и норвежцев. В 1017 году Кнут стал королем всей Англии (в это время он уже был королем Норвегии и Дании). Норманнские колонисты, давно обосновавшиеся на Британских островах, получили новый импульс в развитии. Как и ранее, стиль Еллингс стал частью художественных традиций севера Англии, поэтому стилизация образов скандинавскими мастерами осуществлялась теперь на основных принципах английского искусства, одно из направлений которого было, или стало, чисто скандинавским. В Ирландии поражение норманнов в битве при Клонтарфе в 1014 году привело к их изгнанию. Во главе страны встал Сигтрюгг Шелкобородый, который чеканил монеты в Дублине в течение последующих 20 лет. Очевидно, что раздор между различным претендентами на трон был менее разрушителен для развития государства, чем набеги викингов в предшествующее время. В монастырях были созданы условия для процветания искусства, в связи с чем интересно исследовать вопрос, как скандинавские стили либо влияли на него, либо адаптировались ирландскими монастырскими художниками.

Наиболее интересное развитие скандинавского искусства после 1000 года представляют

*Илл. 32,
33, 34*

камень Св. Павла, Манускрипт Псевдо-Кэдмона (несмотря на то что Софус Мюллер отнес его к ирландскому влиянию) и Кэмбриджская университетская библиотечная Псалтырь (Ff. I. 23); последняя вызвала наибольшее количество вопросов. Несмотря на свое заурядное качество, она важна, так как указывает на скандинавские традиции. Ее орнамент представляет смешение аканта и драконьих голов «винчестерской школы» со скандинавскими чертами, такими как, например, изображение листа с одной или двумя удлинёнными бороздками с загнутыми вверх завитками растений и удлинёнными головами животных с глазами, похожими на драже и выдвинутыми вперед. Художник вполне мог быть скандинавом по происхождению, хотя и переписывал при этом английские рукописи. Растительный, с завитками, орнамент, расположенный в углах Камня Св. Павла, в форме, чуждой английскому искусству, впервые появляется сравнительно поздно в ирландской художественной традиции; его также можно встретить в Скандинавии в X веке. Он, возможно, основан на восточном растительном орнаменте. Однако главная черта нового стиля заключается не в декоративных мотивах (которые были в основном английскими); а в определенном виде их стилизации. Название, которое получило это направление в искусстве (стиль Рингерике), появилось в результате некоторой путаницы. Данный термин используют для наименования норвежского материала, который согласуется со стилем Маммен

в Дании. Само название стилю дал красный песчаник из Хоула в Рингерике (юго-восточная Норвегия). Исследователи использовали его для обозначения серии памятников, выполненных в разных стилях и широко распространенных в Норвегии, в Халлингдале, Тотене, Хаделанде и самом Рингерике. Если говорить о растительном орнаменте, стиль Рингерике представляет только одну грань стиля Маммен. Деревья с перекрещенными стволами, изображенные на топоре из Маммена, повторяют орнамент на камнях, найденных в Ванге и Альстаде, и проводят связующую линию между предметами группы Рингерике, со шкатулкой из Каммина, а также с камнями, выставленными в настоящее время в музее Гилдхолл. На камнях представлены реалистичные художественные сцены, некоторые из них местного происхождения (например, сцена из истории Сигурда, убийцы Фафнира, на камне из Альстада), другие пришли из-за границы (например, изображение трех волхвов у яслей на камне из Дюнны).

Проведение сравнений между знаменитыми золотыми флюгерами из Хэгтена в Норвегии и аналогичными предметами искусства, найденными в Кэллунге (Готланд) и Седерале (Хельсингланд), и также фрагментами флюгеров из Дании и Винчестера сопряжено с трудностями в определении локальных скандинавских стилей, развивавшихся в это время. Шестой флюгер из Гримста (район Стокгольма) сильно отличается по форме от других и, возможно, был создан по какому-то славянскому образцу;

все остальные флюгеры, хотя они широко разбросаны по различным районам Скандинавии, являются идентичными не только по своей форме — треугольной, с одной изогнутой стороной, — но и по мотиву (часто изображалась борьба большого зверя со змеей, как на камне из Еллинге и камне святого Павла), и даже по исполнению (с применением штамповки, при этом на обратной стороне вырезались небольшие кружки, а очертания изображаемых тел животных оставались пустыми). Флюгер из Седерала выполнен с использованием техники сверления, его орнамент состоит из маленького животного, разделенного на две половины и расположенного на вершине флюгера. Индивидуальный стиль, продемонстрированный данными работами, говорит о том, что они все были изготовлены в одно и то же время для определенного мероприятия (возможно, для флота Кнута, готовившегося к вторжению в Англию, в котором принимали участие корабли со всего Севера), хотя с чисто стилистической точки зрения они отличаются друг от друга по разным параметрам. Из представленного ряда флюгер из Хэггена самый интересный; его орнамент составляет огромная птица, окруженная каймой из пальметок восточного происхождения, листья аканта сильно стилизованы, так что его вполне можно включить в «группу стиля Рингерике». На одной стороне флюгера из Кэллунга изображен роскошный акант, на другой — сильно стилизованный рисунок листьев аканта, представляющих

Илл. 64

древесный мотив, напоминающий орнамент на топоре из Маммена; художник из Седерала также объединил два типа аканта; и по стилю его орнамент напоминает узоры, вырезанные на большинстве рунических камней в Восточной Швеции. Животное, изображенное на данном флюгере, не похоже на других и обращено лицом к штырю, на который крепилось. Это создало трудности в формировании орнамента, которые художник пытался, но не смог преодолеть, помещая фигуры в двойную петлю. Исследуя представленные флюгеры, вполне возможно выделить в их орнаменте некоторые особые черты и сравнить их с английским, оттоновским или восточным искусством, но не существует такого искусства или направления в искусстве, с которым возможно было бы сравнить флюгеры в целом, в связи с чем с уверенностью можно сказать, что данная группа представляет исконно скандинавскую версию широко распространенных тем (таких как акант), которые часто использует.

В X веке восточная Швеция внесла небольшой вклад в развитие скандинавского искусства, насколько можно судить по дошедшему до нас археологическому материалу, но в XI веке на Готланде и в Упланде, т. е. в тех областях, где тремя столетиями ранее искусство эпохи Вендель достигло своей вершины, появился новый стиль, получивший название «стиль рунических камней». Многие из трех тысяч камней сохранили имена мастеров, работавших с ними, которых вполне можно считать самыми

первыми художниками Севера, сумевшими избежать анонимности, если не говорить о Хлевагастире из Галлехуса, изготовившем рог, и Гауте, работавшем на Британских островах. Развитие этого стиля, наиболее индивидуального и элегантного, в эпоху викингов можно легко проследить, опираясь на дошедший до нас богатый материал. Без сомнения, данное направление в развитии искусства было связано с Данией. Орнамент, свойственный ему, довольно прост, так как часто состоял только из головы животного, которую помещали в конце рунической надписи. Иногда на камнях мы встречаем сюжеты из легенды о Сигурде, как например на камне в Рамсунде вблизи Эскилстуны. Однако главной целью создания рунического камня являлась его памятная надпись, поэтому рисунок не был существенным и важным. На Готланде традиция установления памятных камней как монументов (без какой-либо надписи) возникла еще раньше, а когда люди начали возводить рунические камни, естественным было включать надпись в орнамент в сложившихся письменных художественных традициях, даже сохраняя при этом характерную форму камня, напоминающую гриб, свойственную более раннему времени. Но в целом стиль, в котором выполнялся орнамент, находился в зависимости от того, с какой периодичностью надпись украшалась завитками. Основные образцы рисунка на камне, например фигура, составленная из восьми и более частей, прорисовка мельчайших деталей глаз и усиков,

конечно, представляют черты, общие для всех стилей эпохи викингов, однако четкая расстановка данных элементов рисунка стала независимым достижением этой школы. Она может несколько видоизменяться даже в работе одного и того же художника, если он выполнял заказы клиентов с различными вкусами, поэтому орнамент мог быть как богатым, так и простым, однако сохранял общий характер.

Илл. 61, 63

Одним из первых художников, создавших индивидуальный стиль, стал Асмунд Каресон, работавший до середины XI века в районе между Упсалой и Стокгольмом, но возможно, что он получил навыки практической работы в Англии, так как использовал английские модели орнамента. В этом же районе работали двое его более молодых современников, Фот и Олев; далее на запад прославились имена Ливстена, Тидкюме и Балле, работавших в Вестманланде, в юго-западном Упланде и Содерманланде. Наиболее уверенным и изящным виртуозом в стиле был Фот; последним из великих художников стал Эпир, первоначальную силу и «свежесть» дизайна которого сменила виртуозность. Однако мы должны помнить, что многие предметы искусства, частью которого были также рунические камни, исчезли, оставив только орнаменты на небольших металлических предметах, которые нельзя отнести к определенному стилю. Более поздние находки, например церковь из Урнеса в Норвегии (по названию которой часто называют западные версии этого стиля), из Хемсе на Готланде

Илл. 62

и фрагменты изделий из Брогарпа в Сконе и Хьерринга в Дании, указывают на то, что работа по дереву была, как правило, работой с большим масштабом, и то, что стиль был действительно широко распространен. Воздвижение рунических камней происходило в XI веке на небольшой части огромной территории, и, таким образом, возможно, это приводит нас к ошибочному мнению о распространении стиля; но примечательно, что металлические предметы, изготовленные в соответствии с ним, находят по всей территории, на которую ступала нога скандинава.

Стиль Урнес с его невероятно элегантным, высотой в дюйм, рельефом и создающимися в результате этого «затемнениями», с его «узкими» животными и свернувшимися в спираль драконами является последней стадией в развитии «звериного орнамента» в искусстве Скандинавии. Оно, как видим, не отстоит далеко от романского стиля, и хотя напоминания об искусстве викингов мы можем неожиданно обнаружить в более позднем народном творчестве, оно уже сыграло свою роль в культурном развитии региона и уступило место победоносному общеевропейскому романскому стилю.

Избранная библиография

Большая часть материалов, использованных в этой работе, взята из небольших статей, опубликованных в журналах; к сожалению, мы не можем назвать все использованные нами источники, поэтому укажем только важнейшие работы и статьи.

Общие работы

Brøndsted J. The Vikings. London, 1960.

Kendrick T. D. A History of the Vikings. London, 1930.

Steenstrup J. Normannerne, Vol. I-IV, Copenhagen, 1876-1882.

Скандинавия

Arbman H. Birka. Untersuchungen und Studien, Bd. I, Stockholm, 1940-1943.

Bæksted A. Malruner og troldruner. Runemagiske studier. Copenhagen, 1952.

Blindeheim Charlotte. The Market Place in Skiringsal// Acta Archaeologica, Vol. XXXI, Copenhagen, 1960.

Brøgger A. W., Falk Hj., Grieg S., Shetelig H. Osebergfunnet, Vol. I-IV, Christiania, 1917-1928.

Brögger A. W., Shetelig H. The Viking Ships, their ancestry and evolution/trans. by K. John. Stanford, 1953.

Brøndsted J. Danish Inhumation Graves of the Viking Age//Acta Archaeologica, Vol. XXI, Copenhagen, 1936.

Dyggve E. Gorm's Temple and Harald's Stave-Church//Acta Archaeologica, Vol. XXV, Copenhagen, 1954.

Geijer A. Birka III. Die Textilfunde aus den Grabern. Stockholm, 1938.

Grieg S. Gjermundbufunnet//Norske Oldfund VIII, Oslo, 1947.

Holmqvist W. Excavations at Helgo, I, Stockholm, 1961.

Hougen B. Osebergsfunnets billedvev//Viking, Vol. IV, Oslo, 1940.

Jankuhn H. Die Wehranlagen der Wikingerzeit zwischen Schlei und Treene. Neumunster, 1937.

Jankuhn H. Haithabu, ein Handelsplatz der Wikingerzeit. Neumunster, 1956.

Lindqvist S. Gotlands Bildsteine, Vol. I-II, 1941-1942.

Nørlund P. Trelleborg//Nordiske Fortidsminder, Vol. IV, 1, Copenhagen, 1948.

Paulsen P. Axt und Kreuz bei den Nordgermanen. Berlin, 1956.

Petersen J. De norske vikingesverd//Videnskaps-selskapets skrifter, II, Hist.-filos. klasse no. 1, Oslo, 1919.

Petersen J. Vikingetidens smykker. Stavanger, 1928.

Petersen J. Vikingetidens redskaper//Skrifter utgitt av Det norske Videnskaps-Akademi i Oslo, II, Hist.-filos. klasse no. 4, Oslo, 1951.

Ramscou Th. Viking Age Cremation Graves in Denmark//Acta Archaeologica, Vol. XXI, Copenhagen, 1950.

Ramscou Th. Lindholm. Preliminary Report//Acta Archaeologica, Vol. XXIV, XXVI, XXVII, Copenhagen, 1953, 1955, 1957.

Selling D. Wikingzeitliche und fruhmittelalterliche Keramik in Schweden. Stockholm, 1955.

Stenberger M. Die Schlatzfunde Gotlands der Wikinderzeit, I–II, Stockholm, 1947–1958.

Британские острова
и острова Атлантического океана

Очень важным периодическим изданием, рассматривающим проблемы данной территории, является Книга саг, которую издает общество изучения викингов (The Saga Book of the Viking Society), в которой представлено большое количество материалов по различным аспектам и проблемам.

Blair P. H. An introduction to Anglo-Saxon England. Cambridge, 1956.

Brögger A. W. Ancient Emigrants. Oxford, 1928.

Brøndsted J. Norsemen in North America before Columbus. Smithsonian Institution, An. Rep., 1953. Washington, 1954.

Collingwood W. S. Scandinavian Britain. London, 1908.

Ducket E. S. Alfred the Great. London, 1957.

Fortid gerdar i Island/Ed. by M. Stenberger. Copenhagen, 1943.

Ekwall E. The Scandinavian settlement. Historical geography of England/Ed. by H. C. Darby, 1936.

Eldjarn K. Kuml og Haugfé. Akureyri, 1956.

Hamilton J. R. C. Excavations at Jarslhof, Shetland, Edinburgh, 1956.

Mawer A. The Scandinavian settlement in England as reflected in English place names. Acta Phil. Scand. 7, 1932.

Megaw B. R. S. and E. The Norse Heritage in the Isle of Man. Chadwick Memorial Studies. Cambridge, 1950.

Nørlund P. Viking settlers in Greenland and their descendants during five hundred years. Cambridge, 1936.

Nørlund P. and *Stenberger M.* Brattahlid. Researches into Norse culture in Greenland. Copenhagen, 1934.

De Paor M. and L. Early Christian Ireland. London, 1958.

Viking Antiquities in Great Britain and Ireland/Ed. by *H. Shetelig*, I-IV. Oslo, 1940-1954.

Stenton F. M. Anglo-Saxon England. Oxford, 1943.

Walsh A. Scandinavian relations with Ireland during the Viking Period. Dublin, 1922.

Wheeler R. E. M. London and the Vikings. London, 1927.

Whitelock D. English Historical Documents. Vol. I, 500-1042 A. D. London, 1955 (представленный том издания также содержит Англосаксонскую хронику).

Wilson D. M. The Anglo-Saxons. London, 1960.

Западная Европа

Arbman H. Schweden und das Karolingische Reich, Stockholm, 1937.

Adigard des Gautries J. Les noms de personnes Scandinaves en Normandie de 911 a 1066, Lund, 1954.

Jankuhn H. Haithabu, ein Handelsplatz der Wikingzeit. Neumunster, 1956.

Joranson E. The Danegeld in France. Rock Island, Illinois, 1924.

Lot F. Les Tributs aux Normands et l'Eglise de France au IXe siecle//Bibl. Ec. Chartes, Vol. LXXXV, 1924.

Musset L. Pour l'étude des relations entre les colonies scandinaves d'Angleterre et de Normandie//Melanges Fernand Mosse in memoriam. Paris, 1959.

Vogel W. Die Normannen und das fränkische Reich bis zur Gründung der Normandie. Heidelberg, 1906.

Средиземноморье

Allen W. E. D. The Poet and the Spae-Wife//Saga-Book of the Viking Club, Vol. XV, 3, 1960.

Lévi-Provencal E. Histoire de l'Espagne Musulmane, Vol. I, Paris, 1950.

Melvinger A. Les Premières Incursions des Vikings en Occident d'après les Sources Arabes. Uppsala, 1955.

Stefansson J. The Vikings in Spain from Arabic (Moorish) and Spanish Sources//Saga-Book of the Viking Club, Vol. VI, 1909.

Восток

Основная часть современной русской литературы по данной проблеме содержится в небольших статьях в журнале «Советская Археология» и в серии «Материалы и исследования по археологии СССР». Однако они обычно не включают выводы на иностранных языках.

Arne T. J. La Suède et l'Orient. Uppsala, 1914.

Cross S. The Russian Primary Chronicle. Harvard, 1930. (В данном издании цит. по: «Повесть временных лет по Лаврентьевской летописи 1377 г. Текст и перевод». Подготовка текста Д. С. Лихачева, пер. Д. С. Лихачева и Б. А. Романова. М.; Л, 1950.)

Dunlop D. M. The History of the Jewish Khazars. Princeton, 1954.

Falk K. O. Dnjeprforsarnas namn i kejsar Konstantin Porphyrogenetos De Administrando Imperio. Lund, 1951. (В данном издании цит. по: Константин Багрянородный. «Об управлении империей». Текст, пер. А. П. Новосельцева. М., 1991.)

Linder-Welin S. U. Wasit the Mint Town//Meddelanden från Lunds univ. hist. Museum, 1955.

Paszkievicz H. The origin of Russia. London, 1954.

Thomsen V. The relations between Ancient Russia and Scandinavia and the origin of the Russian State. Oxford, 1866.

Raudonikas W. J. Die Normannen der Wikingerzeit und das Ladogagebiet. Stockholm, 1930.

Stender-Petersen A. Varangica. Aarhus, 1953.

Zeki Validi Togan A. Ibn Fadlan's Reisebericht. Leipzig, 1939. (В данном издании цит. по: *Ковалевский А. П.* «Книга Ахмеда Ибн Фадлана о его путешествии на Волгу в 921–922 гг.». Статья, пер. и комментарии. Харьков, 1956.)

Искусство викингов

Almgren B. Bronsnycklar och djuornamentik. Uppsala, 1955.

Brøndsted J. Early English ornament. London, 1924.

Holmqvist W. Viking art in the eleventh century. Acta Archaeologica, Vol. XXXII. Copenhagen, 1951.

Kendrick T. D. Late Saxon and Viking art. London, 1949.

Kendrick T. D. Anglo-Saxon art to 900 A. D. London, 1938.

Kermode P. Manx Crosses. London, 1907.

Shetelig H. Osebergfunnet, Vol. III. Christiania. Oslo, 1920.

Shetelig H. The Norse Style of ornamentation in the Viking settlements. Acta Archaeologica, Vol. XIX. Copenhagen, 1948.

Краткий терминологический словарь

Морские термины

Азимут — угол между плоскостью истинного меридиана места наблюдателя и вертикальной плоскостью, проходящей через данную точку на земной поверхности. Азимут отсчитывают от 0 до 360° по часовой стрелке.

Ахтерштевень — кормовая оконечность корабля, являющаяся продолжением киля (носовая оконечность соответственно форштевень).

Бимс — подпалубные поперечные балки; связи, обеспечивающие в силовом наборе корабля поддержание палубы и придание ей жесткости.

Кильблоки — подпорки в виде горизонтальных брусьев, положенных друг на друга. Используются для постановки на них корабля.

Пелорус — колонка, на которой укрепляется (в современных условиях — на карданном подвесе) картушка компаса.

Рангоут — совокупность возвышающихся и выступающих частей верхней палубы корабля, на парусном судне служащих для крепления такелажа

и парусов (применительно к судам эпохи викингов — мачты и рей).

Румпель — рычаг, проходящий через вершину судового руля; посредством румпеля, который кормчий держал в руках, производилась перекладка руля.

Степсель, степс — накладка на килевой балке, в отверстиях которой крепились нижняя оконечность мачты.

Траверз — направление, перпендикулярное к курсу судна или к его диаметральной плоскости.

Фальшборт — пояс обшивки судна, находящийся выше открытой палубы для ее ограждения и предотвращения заливания водой.

Шкив — колесо в блоке с канавкой (кипом) по окружности.

Археологические и искусствоведческие термины

«*Беовульф*» (Beowulf) — памятник древней англосаксонской эпической поэзии. В первой его части рассказывается, как дружинник короля геатов (гаутов, скандинавского племени в Южной Швеции) Беовульф освобождает Данию от чудовища — Гренделя. Во второй части Беовульф, правивший геатами 50 лет, убивает дракона, угрожавшего стране, но сам при этом героически погибает. Особенно ценно то, что отдельные персонажи «Беовульфа» могут быть соотнесены с историческими личностями Европы VI века (Хигелак — Клохилайх у Григория Турского в его «Истории франков»). Поэма сохранилась в единственной рукописи начала X века на древнеанглийском языке. В основу ее легли народные героические сказания VI века; в VIII–IX веках она подверглась обработке ученого книжника, внесшего в нее христианские элементы.

Борге — поздний стиль эпохи викингов со своеобразными небольшими изображениями стилизованных животных, тяготеющих к заполнению геометрически организованного пространства.

Вальхалла (др.-сканд. Valhöll — чертог (точнее, «пиршественный зал» мертвых), в скандинавской мифологии — дворец верховного дружинного бога Одина, куда попадают после смерти павшие в битве воины (эйнхерии) и где они продолжают прежнюю героическую жизнь, сражаясь друг с другом, предаваясь чревоугодию и готовясь к последней схватке богов с хтоническими чудовищами.

Вендель (вендельская культура, культура Вендель) — историческая эпоха в Скандинавии (главным образом в Швеции VI–VIII веков), предшествующая эпохе викингов. Характеризуется углублением кризиса родового строя, наличием большого числа обычно не слишком значительных по размерам княжений локальных «малых конунгов», бурным генезисом дружин, группирующихся вокруг этих вождей, и началом массовых заморских походов — прежде всего в ареале Балтийского моря — походов, по всем параметрам уже подходящих под определение «походы викингов». Вендельское время оставляет богатую и самобытную культуру. Главные черты стиля вендельских украшений — обилие ленточных плетеных орнаментов и активное развитие мотива стилизованных до неузнаваемости голов животных; особенно часто изображались дикие вепри и хищные птицы.

Галлахусский рог — в XVII веке в Дании, в местечке Галлахус, были обнаружены два великолепных золотых рога для питья, украшенных весьма сложным антропо- и зооморфным орнаментом,

смысл каких-либо украшений не вполне прояснен и сегодня (вероятно, они связаны с кельтскими и германскими мифологическими сюжетами). На одном из рогов имелась руническая надпись, позволяющая, в частности, датировать рог началом новой эры. Однако в дальнейшем, в результате кражи из Копенгагенского музея, рога были утрачены и в настоящее время сохранились лишь их графические изображения.

Гальштатт, гальштатская культура — археологическая культура племен южной части Средней Европы в период раннего железного века (примерно 900–400 годы до н. э.) — кельтов и иллирийцев. Можно выделить две основных области распространения: восточную (Австрия, Югославия, Албания, отчасти Чехословакия) и западную (южная часть Германии, прирейнские департаменты Франции). Для каждого из этих локальных типов гальштатской культуры характерны особые формы погребального обряда. Жилища малоизучены, хорошо исследованы соляные копи, медные рудники, железоплавильные мастерские и кузницы. Характерные вещи: бронзовые и железные мечи с рукоятками в виде колокольчика или в виде дуги, обращенной вверх (т. н. антенна), кинжалы, топоры, ножи, железные и медные наконечники копий, бронзовые конические шлемы с широкими плоскими полями и с гребнями, панцири из отдельных бронзовых пластинок, нашивавшихся на кожу, разнообразной формы бронзовые сосуды, особого типа фибулы, сделанная от руки керамика, бусы из непрозрачного стекла, желтые с синими глазками. Искусство племен Г. К. было преимущественно прикладным и орнаментальным и тяготело к живописности, роскоши, изо-

билию декора; разнообразны украшения из бронзы, золота, стекла, кости, фибулы с привесками и фигурками зверей, бронзовые поясные бляхи с выбитым узором, керамические сосуды — желтые или красные, с полихромным, врезным или штампованным геометрическим орнаментом. Появилось и изобразительное искусство: надгробные стелы, статуэтки из глины и бронзы, украшавшие сосуды или составлявшие композицию (бронзовая колесница из Штретвега в Австрии со сценой жертвоприношения, 800–600 годы до н. э.); гравированные или тисненные фризы на глиняных сосудах, бронз, поясах и ведрах (ситулах) изображают пиры, празднества, воинов и земледельцев, шествия людей или зверей, поединки, сцены войны и охоты, религиозные ритуалы. На смену гальштатту в западных районах в VI–V веках до н. э. приходит кельтская латенская культура.

Денло, область датского права — территория северо-восточной Англии, в массовом порядке заселявшаяся в эпоху викингов скандинавскими (в основном датскими и норвежскими) колонистами. Скандинавское население превышало местное англосаксонское численностью, а сама область являлась плацдармом экспансии викингов на Британские острова и во Францию. По сей день здесь сохранились особенности в языке, антропологическом типе населения и топонимике.

«Длинный Змей» — флагманский корабль конунга норвежцев Олава Трюгтвасона, на борту которого он пал в битве при Свельде («Битва трех королей») в 1000 году. Превышал своей длиной все корабли Скандинавии того времени.

Еллингс стиль — один из поздних стилей скандинавского искусства эпохи викингов, названный по

местонахождению наиболее показательных памятников — Еллинге в Дании было древнейшим культовым местом, позднее органически вошедшим в число христианских святынь. Свойственны профильные изображения животных и людей с обилием внешних деталей (гривы, волосы, элементы одежды) и со своеобразными круглыми глазами.

Игровые доски — при раскопках поселений и погребений эпохи викингов часто обнаруживают фрагменты дощечек для настольных игр с соответствующей разметкой — обычно для игры в европейскую «мельницу», «таблут» и др.

Нафта — нефть, которую использовали на Востоке в военных целях как горючее вещество в морском бою, при осадах и т. д.

Погребения в деревянных камерах (Holzkammergrabe) — возникающие во второй половине эпохи викингов погребения воинов в своеобразных деревянных камерах-ящиках. Связываются с обычаем, существовавшим в специфической среде королевских дружинников — нового слоя общества.

Погребения в ладье — наиболее яркий и определяющий тип погребальной практики древней Скандинавии, когда погребение (как мужчин, так и женщин) совершалось на борту корабля с присовокуплением обычно богатого инвентаря — оружия, утвари, заупокойной пищи, принесенных в жертву животных и птиц и т. д. Было неразрывно связано с представлением о путешествии в мир иной по волнам на корабле и имело массу вариаций — ингумация, кремация вместе с кораблем, спуск корабля на воду с последующим его сожжением и т. д. Будучи в эпоху викингов неотъемлемым атрибутом знати, использование корабля транслировалось

и в другие слои общества, при этом использовались как небольшие лодки, так и выложенные из камней контуры корабля.

Поля погребений, поля погребальных урн — общее название ряда археологических культур, данное по характерному признаку могильникам без насыпей, содержащим преимущественно остатки трупосожжений, обычно с захоронением праха в глиняных сосудах, поставленных на дно могилы. Культуры полей погребений возникли в бронзовом веке и существовали в течение длительного времени (свыше 1700 лет). Были распространены по всей Европе. В раннем железном веке в могильниках встречаются также погребения сожженного праха в ямках без урн и трупоположения. Распространение полей погребений не является результатом экспансии какого-либо одного народа или генетически связанных народов. По-видимому, этот обряд был принят этнически различными группами населения Европы. Предполагается, что культуры полей погребений в Испании и Британии принадлежали предкам кельтов. На территории Восточной Европы к этим культурам относятся пшеворская, зарубинецкая и черняховская культуры, две первые из которых, возможно, имели отношение к предкам древних славян.

Усебергский стиль — ранний стиль изобразительного искусства эпохи викингов, известный по многочисленным находкам из женского погребения в ладье на юге Норвегии. Основная особенность — обилие сюжетов, связанных с антропоморфными и (реже) зооморфными существами с выгращенными глазами, которые хватают себя конечностями за причудливо переплетенные утонченные тела.

Хольгер Арбман. Викинги

«Черные чужестранцы» — ирландск. «дубгалл» — наименование, данное в Ирландии датчанам, в отличие от «светлых чужестранцев» — «финнгалл» (норвежцев). Вероятно, было связано с цветом одежды.

Географический указатель

- Аахен 74, 127
Абаскун 158
Аггерсборг, лагерь 54, 55
Аг-Дайк 141
Адельсе 67
Азербайджан 158
Аквитания 143
Альдейгьюборг 151, 152
Альстад 231
Альхесирас 145
Америка 19, 187, 193
Англия 43, 53, 72, 76, 77, 78, 83, 85, 87, 97, 99,
100, 101, 102, 103, 104, 105, 107, 108, 109,
111, 112, 113, 115, 120, 123, 129, 134, 137,
140, 168, 177, 192, 213, 222, 223, 224, 225,
228, 229, 232, 235
Ангмагссалик, г. 183
Ангулем 133
Андалусия 144
Анжер 133
Антум 137
Апулия 47

- Арль 145
Армаг 118
Арран 90, 99
Астурия 146
Атлантический океан 19, 90, 93, 123, 140, 177
- Багдад 157
Байё 36
Байе 133
Баку 158
Балтийское море 48, 61, 70, 79
Бамберг 227
Бегиниш 124
Бегиниш Ко. Керри 124
Белгород 172
Белое море 25, 78
Бенти-Грэйндж 228
Берген 184, 186
Берестов 172
Бирка 57, 64, 66, 67, 68, 69, 71, 72, 73, 75, 79, 80,
82, 84, 151, 166, 218, 226
Бове 133
Бойн, р. 118
Бордо 133
Борре 59, 210, 212, 214, 215, 216, 217
Бостон 189
Браттахлид 183
Бремен 62
Бретань 138
Британия 31, 32, 42, 87, 88, 92, 93, 108, 113, 120,
134, 177
Броа 204, 206, 207
Брогарп 236
Брунанбург 43, 121
Булгария 159, 160
Бьерке, о. 64
Бьеррингхей 227

- Валенсия 145
Вальсърде 57, 58
Вальхерен, о. 132
Ванг 231
Везер 132
Вендель 36, 57, 58, 198, 208, 233
Верне 214
Вестергарн 80
Вестманланд 59
Вестрибюгд 184
Вестфольд, провинция 59, 60, 204
Византия 148, 163, 165, 169, 173, 174
Вильгельмсхафен 74
Винланд 29, 186, 187, 189, 190, 191, 192, 193,
194
Винхейд 43
Винчестер 112, 231
Вирджиния 189
Висбю 80, 81
Волга, р. 84, 150, 151, 155, 156, 157, 158, 159,
160, 163, 171
Волин 85, 151
Волхов, р. 85, 151, 155, 156, 160, 161
Вормс 74
Воронега, р. 155
Восточный Халифат 84, 159
Вытегра 155
Вышеград 165, 172
Вюрцбург 74
- Галлехус 234
Гамбург 62, 132
Гардар (Русь) 176
Гебридские острова 90, 92, 176
Гекла, вулкан 180
Гестрикланд, провинция 82
Гибралтар 145
Гилдхолл 231

- Гиллинг 223
Гнездово 165, 166
Гокстад 19, 20, 21, 22, 26, 28, 59, 60, 210, 211
Голландия 138
Гольфстрим, течение 184
Готланд, о. 28, 46, 47, 48, 50, 80, 81, 140, 204,
206, 207, 208, 231, 233, 234, 235
Готхоб 184
Гренландия, о. 19, 29, 183, 185, 186, 187, 188,
190, 191, 192, 194
Гримста 231
Гринмаунт 124
Гробиня 47
Гронинген 138
Гурган 157, 158
Гьеррильд Грено 83
- Даларна, провинция 82
Даневирке 142
Дания 52, 53, 83, 86, 110, 115, 125, 126, 132, 213,
218, 219, 226, 229, 231, 234, 236
Датского права область (Денло) 107
Даугава, р. 160
Дерби 106
Дербишир 99, 115
Дерри 118
Десна, р. 166
Джерби 99
Днепр, р. 156, 160, 163, 164, 165
Днепропетровск 163
Дон, р. 157
Дорестада 62, 128, 129
Дублин 31, 92, 93, 98, 99, 108, 110, 116, 118, 119,
120, 122, 123, 229
Дунай, р. 171
Дюнабург 160
Дюнна 231

Еллингс 213, 215, 216, 217, 219, 220, 222, 223,
224, 225, 226, 229, 232

Жефосс 135

Западная Европа 45, 46

Западный Агдир 180

Западный Халифат 84

Зеебург 47

Зеландия, о. 54

Иль де Груа, о. 139

Ильмень, оз. 85, 160, 161

Ингельхейм 132, 150

Инглеблю 115

Ирландия 32, 43, 72, 85, 92, 93, 97, 99, 101, 106,
111, 116, 119, 120, 121, 122, 123, 124, 129,
140, 144, 146, 229

Исландия, о. 19, 75, 85, 92, 95, 97, 175, 176, 177,
178, 179, 180, 181, 182, 183, 184, 185, 186,
187, 190, 208

Ислэй 31

Испания 142, 143, 144, 145, 146

Италия 129, 143

Итиль, р. 158

Йердслеса 216

Йорк 16, 31, 32, 33, 38, 42, 43, 85, 88, 91, 98, 101,
103, 106, 108, 109, 110, 116, 120, 121, 219,
222, 225

Йоркшир 101, 116, 225

Кальмарзунд, пролив 80

Камберленд 99, 116

Каммин 227, 231

Кан 142

Карлингфорд 118, 119

Каспийское море 84, 151, 157, 158

- Каспля, р. 160
Каттегат, пролив 52
Каупанг (см. Скирингссаль) 71, 72, 75, 77
Квентовик 129
Кейтнес, п-ов 93
Кельн 84
Кембридж 103
Кент 102
Киев 85, 149, 150, 159, 160, 161, 163, 164, 165,
167, 169, 170, 172, 173, 174, 228
Киллала 124
Килмайнхэм 123
Кирк Браддон 223
Кирк Майкл 99, 100
Китай 159
Клонгарф 92, 122, 229
Кнафахолум 182
Кнок-и-Дуни 98
Ковша, р. 155
Колонсэй 147
Константинополь 150, 159, 161, 167, 169,
170, 173
Корсхамн 70
Кутгхамн 69, 70
Курляндия 47
Кэллунг 231, 232
- Ладбю 60
Ладога 85, 151, 155, 156
Ла-Манш 101
Ламбэй, о. 116
Ламлаш 90
Лапландия 84
Латвия 47
Лейнстер 121, 122
Лестер 106, 109
Либава (Лиепая) 47
Лимож 133

Лим-фьорд 52, 53

Линдисфарн, о. 87

Линкольн 106

Линн Дуахайл 118

Линн Ройо 118

Литва 47, 48

Лиффи, р. 118

Ловать, р. 160

Лондон 112, 116

Лорьян 138

Лот 118

Луара 129

Луара, р. 145

Луна 144

Лунд 142, 228

Ля Аг 141

Ля Камарг 145

Маммен 219, 220, 221, 227, 230, 231, 233

Маркланд 188, 190, 194, 195

Меларен, оз. 46, 64, 85

Мелюн 133

Мидленд 109

Мидлтон 36, 115, 223

Мит 118, 121

Мо 133

Мунстер 121

Мэддон 111

Мэн, о. 31, 97, 98, 99, 100, 101, 110, 120, 222, 223

Мюватн 181

Мястермюр, оз. 50

Наварра 145

Нанбарнхольм, о. 32

Нант 129

Нева, р. 85, 155

Нерке 216

Ним 145

- Новгород 149, 160, 161, 169
Норвегия 24, 49, 59, 71, 77, 78, 84, 86, 89, 91, 92,
97, 98, 101, 108, 110, 111, 115, 119, 136, 139,
145, 176, 177, 179, 180, 183, 184, 194, 213,
214, 215, 216, 229, 231, 235
Норвич 31
Норд-Кап, мыс 24, 25, 78, 157
Нормандия 85, 122, 132, 137, 140, 141
Нортумберленд 116
Нортумбрия 87, 103, 104, 105, 120, 121
Норфолк 53
Ноттингем 106
Нуармутъе, о. 129
- Оденсе 54
Одер 85
Ольборг 52
Онежское, оз. 155
Орбю 58
Оркнейские острова 31, 90, 91, 92, 99, 122, 223
Орлеан 133
Осло 71
Осло-фьорд 129
Осцеллус, о. 135
Оять, р. 155
- Памплона 145
Париж 132, 133, 135, 138
Паша, р. 155
Пембрук 116
Пеннины, горы 85
Периге 133
Питре 138
Польша 85
Помпеи 52
Пятиградие 42, 105, 107, 116

- Рамсунд 234
Регенбург 74, 84
Ред 214
Рейнин 190
Рерик 61, 62, 126, 127
Рим 144
Рингерике 230, 231, 232
Ристимяки 207
Рогаланд 176, 180
Рона, р. 145
Руан 129, 138
Руан 133
Румыния 165
Русь (Россия) 35, 56, 84, 87, 147, 150, 151, 157,
160, 161, 166, 168, 173
Рюстрингия 132
- Салвиксгрупен 70
Самбург Во 94
Сантьяго де Компостелла 146
Саттон-Ху 36
Саутгемптон 111
Свельд, о. 24
Свирь, р. 155
Северная Африка 143, 146
Северное море 55
Севиля 143, 144, 146
Седерала 231, 232, 233
Седертелье 70
Селлестед 219, 220, 221
Сена 105, 128, 129, 132, 134
Сент-Моголд 99
Сигтуна 227
Силли 55
Скагафьорд 190
Скайл 223
Скаллакот 180
Скандинавия 43, 45, 125

- Скерн 228
Скирингссаль (см. Каупанг) 72, 79, 82
Скиринкгес Хилл 72, 78
Сконе 58, 235
Слиесторп 60, 61, 126
Смоланд, провинция 79, 82
Смоленск 160, 165, 166
Снэфелльснес, мыс 183
Согн (Согне-фьорд) 192
Средиземноморье 91, 167
Старая Ладога 151, 152, 153, 154, 155, 156, 160
Стокгольм 46, 235
Страумфьорд, залив 190, 192
Стура Ихре 207
Стэйнмур 109
Стэмфорд 106
Стэмфордбридж 39
Сясь, р. 155
- Танет, о. 102, 111
Тара 116, 121
Телюца 165
Темза, р. 31, 32
Томкрайр 118
Торксей-на-Тренте 103
Тотен 231
Треллеборг, лагерь 54, 55, 142
Трене 61
Труа 138
Трусо 48, 79
Тулуза 133
Туна 19, 57, 58, 59, 60, 210
Тунугдларвик, залив 183
Тур 133
Тьорсардаль 180
- Ульстер 117
Ультуна 57

Уолтемстоу 116
Уорхэм 53
Упланд, провинция 45, 80, 233
Уппсала 58, 235,
Урнес 235, 236
Усвяча, р. 160
Усеберг 19, 20, 59, 196, 199, 200, 201, 202, 205,
208, 210, 212, 214, 215, 220
Уэльс 53, 97, 122
Уэссекс 103

Файф 92
Фарвель, мыс 183
Фарерские острова 176
Фландрия 122, 128
Франкфурт 74
Франция 87, 134, 145, 177
Фресвик 93
Фрисландия 62, 85, 126, 127, 129, 132
Фюн 60
Фюркат, лагерь 54

Хаврс-фьорд, залив 89, 90, 91
Хаделанд 231
Халле 204
Халлингдал 231
Хамбер 111
Хамлидж 157
Хедебю 61, 62, 64, 68, 71, 72, 73, 75, 78, 79, 80,
82, 151, 226
Хельви 207
Хелюланд 188, 190
Хельге, о. 46
Хельсингланд 231
Хемсе 235
Херюльфснес, мыс 194
Холингшгедт 61
Хон 136

Хорасан 159
Хорезм 159
Хоул 231
Хофстадир 181
Хуннестаг 228
Хьерринг 236
Хэгган 231, 232
Хэгген 231

Чернигов 165, 166
Черное море 157
Чесапикский залив 189
Честер 97, 107
Чешир 111

Шартр 133
Швеция 45, 47, 57, 61, 64, 79, 80, 86, 115, 139,
150, 155, 159, 166, 167, 213, 217, 233
Шексна, р. 155
Шеппи, о. 101
Шербур 141
Шетландские острова 31, 90, 93, 176, 185
Шотландия 32, 85, 93, 97, 99, 100, 101, 106, 120,
122, 223

Эвре 133
Эдсхег 216
Эдсвикен 49, 50
Эйдер 126
Эйдер, р. 61
Эйриксфьорд, залив 185, 190
Эйстрибюгд 29, 184
Экеторп 216
Эланд 216
Эльба 126
Эльбинг 48
Эмден 74, 75
Эскилстуна 234

Эстерьетланд 216

Эстра Херрестад 217

Эстфольд 214

Юлианехоб 183

Ютландия, п-ов 61, 79, 83, 218, 227, 228

Ярлсхоф 93

Ярроу 88

Именной указатель

- Аббо 133
Адакан Кузнец 100
Адам Бременский 66
Актеву 168
Алкуин 88, 143
Аль-Бируни 35
Аль-Кинди 35
Аль-Масуди 158
Аль-Табари 143
Аль-Тартуси 64
Альфонсо II 143
Альфред 16, 20, 24, 48, 76, 77, 78, 102, 103,
104, 106
Амлайб 119
Андерсон М. 21
Андрей I Венгерский 174
Ари Мудрый 175
Арне Т. 166
Асгейрр 129
Аскольд 164
Асмунд Каресон 235
Атфари 50
Ауд Мудрая 92

Балле 235
Беда Достопочтенный 175
Блиндхейм Шарлотта 71
Браги 153, 154
Бреггер А. В. 177
Бриан Бору 121, 122
Бьерн 135, 136, 143, 145
Бьярни Херюльфссон 187, 188, 189
Бюрхтнот 111

Валиди Таган 35
Вебек С. Л. 29
Велунд 135
Вермуд 168
Видукинд 150
Видфари 50
Виллиброрд 125
Вильсон Д. 111
Владимир, князь 159, 167, 172, 173, 174
Владимир 172, 173
Вульфстан Йоркский, архиепископ 16, 109
Вульфстан, мореплаватель 20, 48, 78

Гамильтон Дж. Р. С. 94
Гардар 176
Гаут 100, 101, 222
Генрих I, король Франции 174
Генрих Птицелов 61
Годи 168
Горм 219, 224
Готфрид 60, 126, 127, 134
Гудред 108, 110, 121
Гудрид 190
Гуннар 38
Гуннбьерн 183
Гуннлауг 38
Гутрум 106

- Дасент Джордж 36
Дикуил 89
Дир 164
Долли Р. Х. М. 110
Дудо Сен-Кантенский 143
- Ибн аль-Асир 143
Ибн аль-Квитгийя 143, 144
Ибн Мискавейх 158
Ибн Русте 151, 166
Ибн Фадлан 56, 57, 115
Ибн Хордадбех 157
Ивар 102, 119, 120
Игорь 169
Игорь, князь 161, 169, 170
Ингельд 168
Ингельри 33
Ингигерда, княгиня 174
Ингольф Арнарсон 176
Иоанн Цимисхий 171
- Кайтилл-Финн (Кетилл Хвити) 120
Кальф Арнарсон 84
Карл 168
Карл А. О. 94
Карл Великий 73–75, 125, 126, 127
Карл Лысый 129, 134, 136
Карл Простоватый 137
Карн 168
Кер В. П. 37
Кермод П. М. С. 98, 100
Кетиль Плосконосый 92
Кетиль Хвити 120
Кирбхалл 120
Кнут 30, 32, 55, 83, 112, 218, 229, 232
Константин Багрянородный 161, 163, 165
Константин Великий 170, 171

- Лев Диакон 171
Лейф Эйрикссон 188, 189, 190, 193, 194
Ливстен 235
Лидул 168
Лиестоль А. 33, 34, 35
Линдквист С. 226
Лотарь 129, 132
Людовик Благочестивый 127, 128, 129, 132, 150
- Магнус Харальдссон 97
Мелбригди 100
Моррис У 36
Мэлсехлайнн 121
Мюллер С. 230
- Наддод 176
Нерлунд П. 54
Нерман Б. 47
Нестор 149, 150, 159, 161, 164, 168, 170
Ньяль 43
- Олав 24, 31, 109, 120
Олав Белый (Хвити) 92, 119
Олав Кваран 108, 111, 121
Олав Трюггвасон 22, 111
Олав Шетконунг 174
Олев 235
Олег, князь 164, 169, 172
Ольга, княгиня 170, 171
Орвик 35
Орозий 76
Отер (Оттар, Охтхере) 20, 25, 26, 48, 72, 76, 77,
78, 79, 81, 157
- Пааш 78
Патрик 116, 119
Пиренн 74
Псевдо-Кэдмон 230

Хольгер Арбман. Викинги

- Равдоникас В. И. 152, 154
Рагналл 91
Рагнар Кожаные Штаны 102, 132
Рёгнвальд 91, 108, 121
Репников Н. И. 154
Римберт 47, 48, 62, 64, 66
Роберт, граф Парижский 137
Роллон (Рольф) 132, 137
Руальд 168
Рудольф 137
Рулов 168
Руссо Ж. Ж. 16
Рюрик, князь 149, 161, 164, 170
- Св. Ансгарий 47, 57, 62, 64, 132
Св. Брикций 113
Свейн 30, 32, 55, 111
Свейн Вилобородый 218
Святослав, князь 161, 170, 171, 172
Седрик 112
Сельвер С. В. 29
Сигтрюгг 120
Сигтрюгг Ветер 108
Сигтрюгг Гали 121
Сигтрюгг Шелкобородый 111, 121, 122, 229
Сигурд Дигре 92, 122, 234
Сигурд Хринг 48
Синеус, князь 149
Ситрик (Сигтрюгг) 43
Скотт В. 93
Соломон 172
Стемид 168
Стольпе Я. 66
- Тацит 15
Тидкюме 235
Торберг 22

- Торвальд 189, 190
Торгильс 50
Торкелль Хави 112
Торстейнн 189
Торстейнн Бычья Нога 24
Торфинн Карлсефни 190, 191, 192, 193, 194
Торфинн, ярл Оркнейских островов 92
Торф-Эйнар, ярл Оркнейских островов 91
Торхалль 190
Тресвельг 153
Труан 168
Трувор, князь 149
Турвилль-Петра 41
Тургейс 118, 119
Тьодольф 153
- Уббе 102
Ульфберт 33, 182
Ульфьот 178
Утрехт 125
- Фарлаф 168
Феофил 150
Флоки Вильгердарсон 176
Фост 168
Фот 235
Фрелав 168
- Хавлок Датский 121
Хакон 118
Хальвдан 102, 104, 120
Харальд Прекрасноволосый 77, 78, 89, 90, 91, 93,
176, 177, 178
Харальд Серая Шкура 48
Харальд Синезубый 218, 224, 226
Харальд Суровый 39, 174
Хастейн 143, 145
Хест Г. 153
Хлевагастир 234

Хольгер Арбман. Викинги

Холингшед 38

Хорек 132

Хорси 50

Чайлд Гордон В. 94

Чосер Джеффри 37

Шекспир 38

Шетелиг Х. 27, 100, 197, 202

Шульц 54

Эгиль 33, 38, 43, 76, 109

Эдгар 97, 107

Эдельфред 110

Эдмунд 108, 109

Эдуард 113

Эйнхард 127

Эйрик Гнупссон 194

Эйрик Кровавая Секира 33, 42, 108

Эйрик Рыжий 183, 185

Эйрик, ярл Оркнейских островов 152

Эльфия 112

Эоганам 93

Эпир 235

Эрментарий Нуармутъеский 132, 133

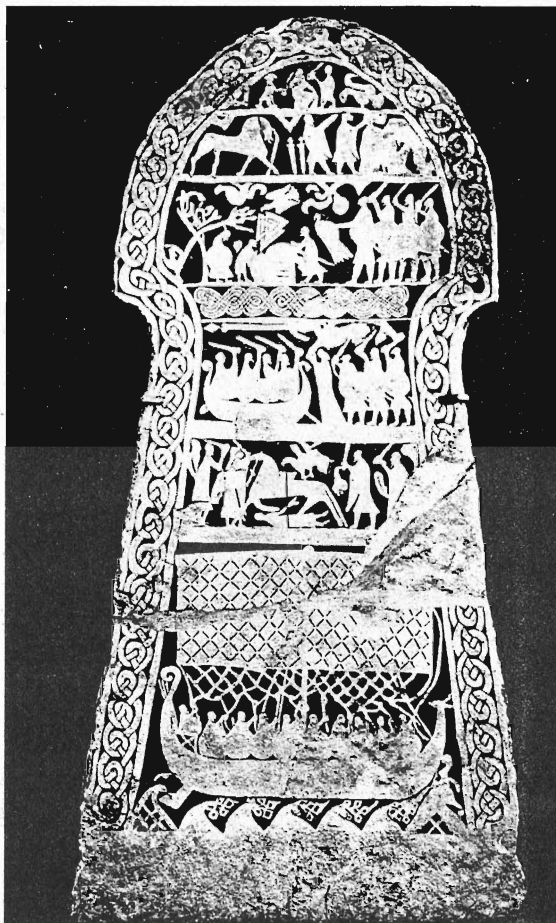
Этельред 112, 113

Этельстан 108

Ярополк, князь 172

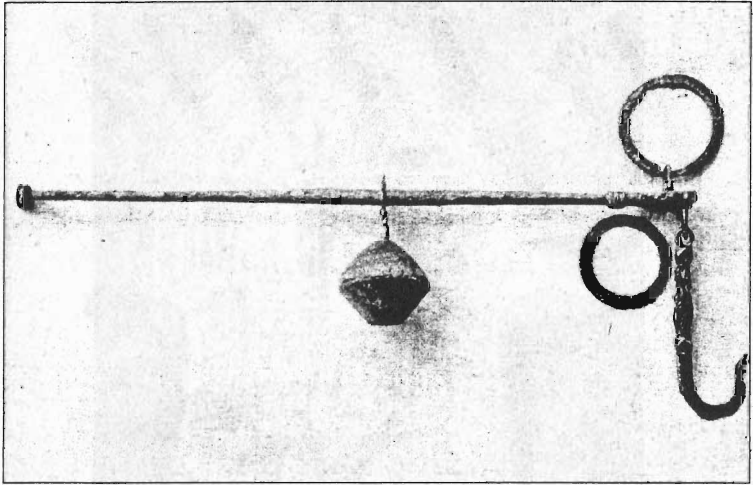
Ярослав, князь 159, 174

ИЛЛЮСТРАЦИИ

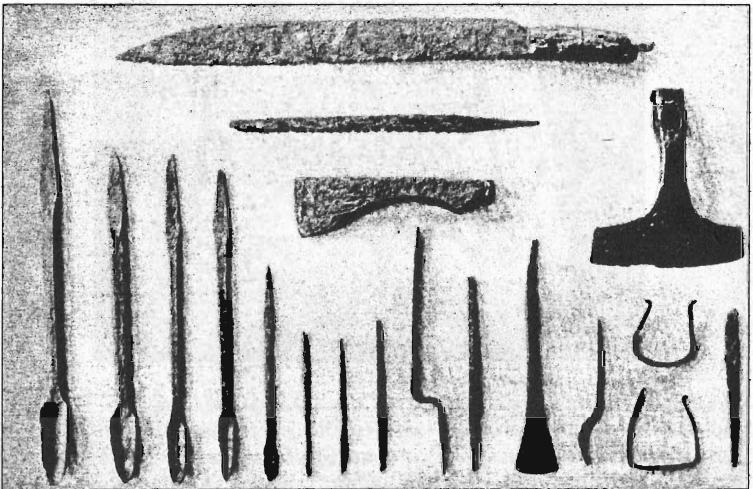

Илл. 1. Поминальный камень в Стуре Хаммаре, Лербро, Готланд. По-видимому, представляющий сцены из героической поэмы, из которой нам известны только некоторые отрывки, сохранившиеся в «Ragnarsdǫgra» исландского скальда Браги. Ее героиня, Хильд, принуждена покинуть свой род, чтобы совершить месть. Подобно большинству камней с Готланда, на нем нет рунической надписи; кроме того, представляется весьма затруднительным как-то интерпретировать фигуры на камне. Высота 3,5 м. Конец VIII века*

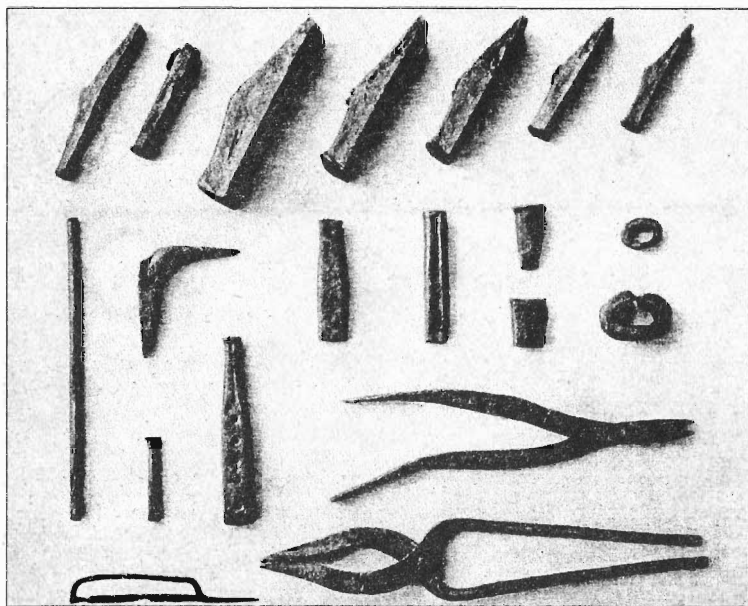
* Следует подчеркнуть, что даты в этих примечаниях служат только в качестве общего указателя для читателя.

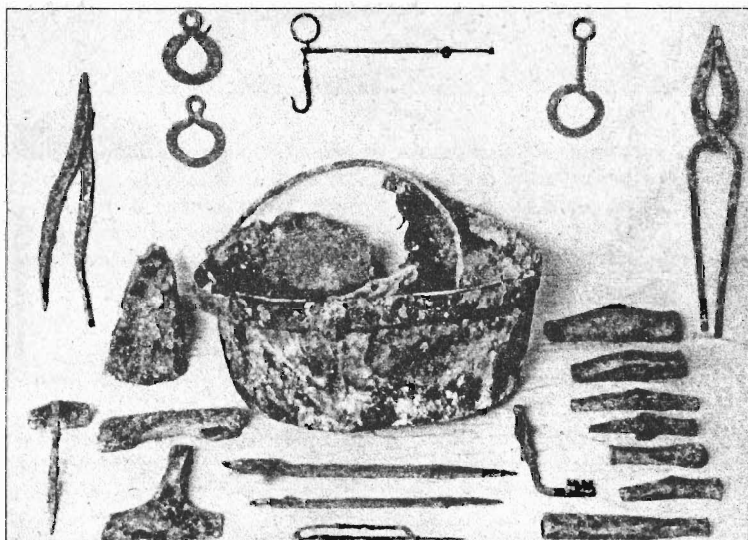
Илл. 2. Весы из находки в Мястермюре. Длина 35,3 см

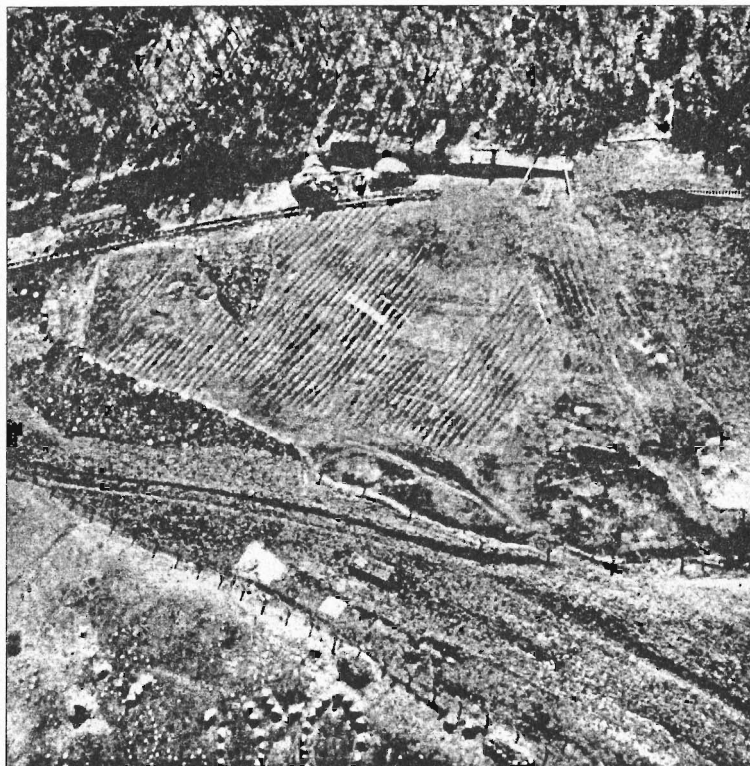
Илл. 3, а также 4 и 5. Орудия труда из ящика для рабочих инструментов ремесленника, найденные на месте высохшего озера Мястермюр, Готланд. В ящике находилось около 150 инструментов, показывающих, что их хозяин был бродячим ремесленником и мастером на все руки — кузнецом, столяром, плотником и лудильщиком. Приблизительно 1000 года. Государственный исторический музей, Стокгольм

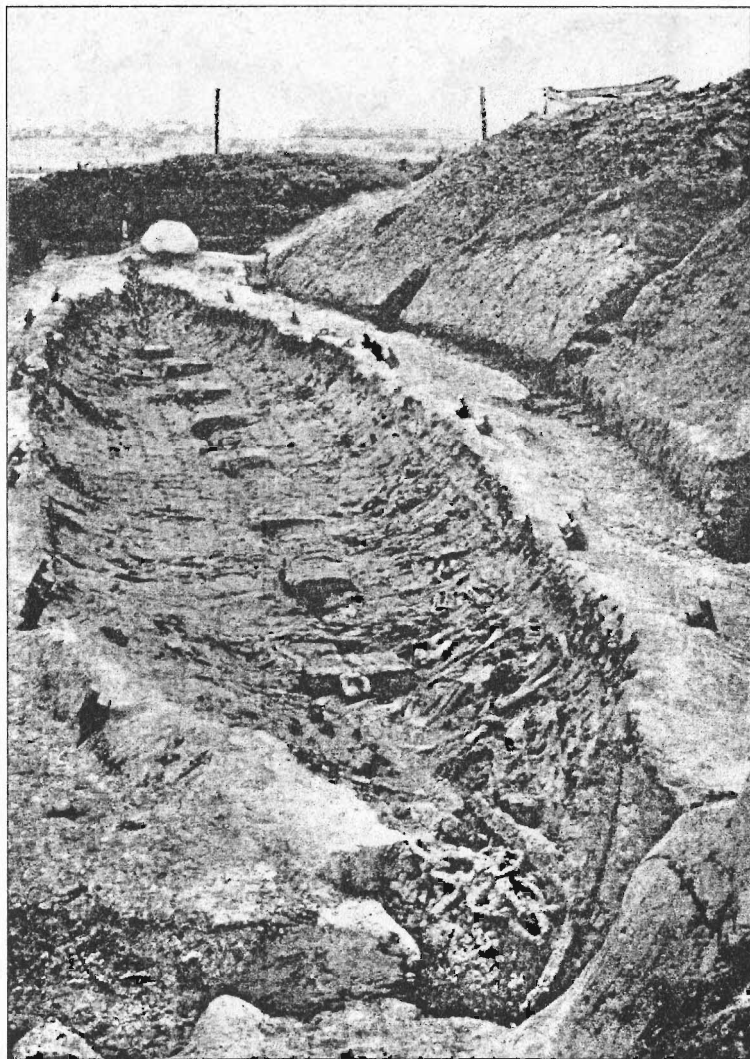
Илл. 4

Илл. 5

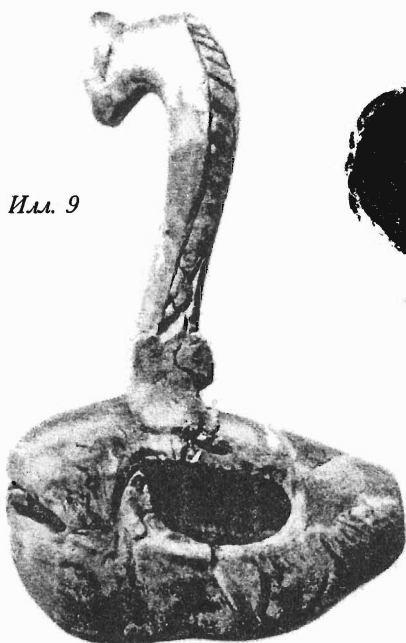
Илл. 6. Раскопки в Линдхольме, рядом с Ольборгом, Дания. Глубокие узкие вспаханные борозды отмечают первоначальную поверхность полей периода викингов. Камни, выложенные в форме ладьи, в нижнем левом углу выделяют кремационные захоронения. Некоторые могилы неполные, так как камни, видимо, были унесены отсюда, чтобы обозначить более поздние могилы

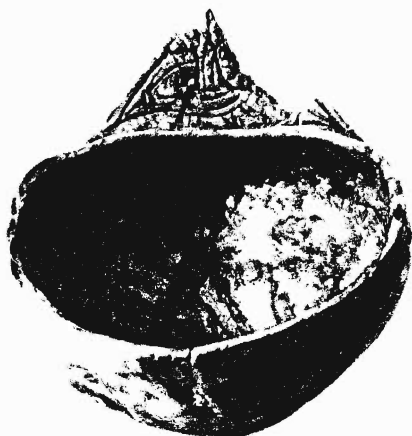
Илл. 7. Погребение в ладье, о. Фюн, Дания. Якорь и якорная цепь расположены на самом видном месте. Пол сравнительно плоский и корпус корабля низкий (хотя показаны только нижние части корпуса). X век

Илл. 8

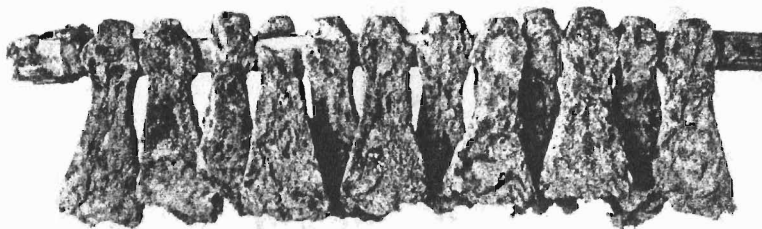

Илл. 9

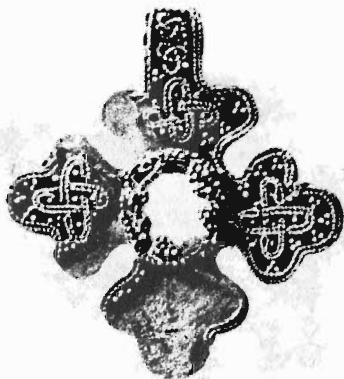

Илл. 10

Илл. 8, 9, 10. Домашняя утварь из бересты из захоронения в ладье в Эрбю, Упланд. X век. (8) Ложка с выступом на внутренней стороне ручки, что позволяет ставить ложку горизонтально на стол. Длина 19,6 см. (9) Изогнутый ковш необычной формы. Длина 19,2 см. (10) Черпак, похожий на те, что используются в настоящее время в северной Швеции для питья. Наибольшая ширина 11,2 см. Государственный исторический музей, Стокгольм

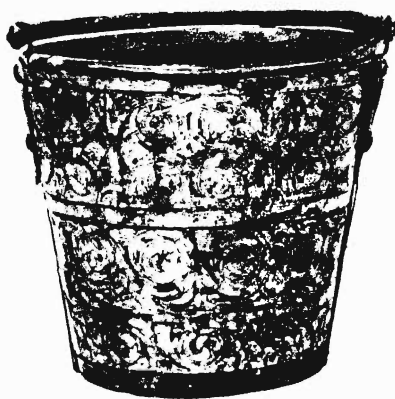
Илл. 11. Двенадцать топоров из Гьеррилда, обнаружены недалеко от Грено, Ютландия. Они нанизаны на шест, сделанный из ели, которая не росла в Дании в период викингов и, возможно, поступила в качестве экспорта из Норвегии или Швеции. Длина шеста 73 см. IX–X века. Национальный музей, Копенгаген

Илл. 12. Серебряный нательный крест из Бирки с филигранным узором. В центре находится прозрачный камень (хрусталь) с выгравированной надписью. Поздний период эпохи Каролингов или Оттонов. Длина 4,7 см. Государственный исторический музей, Стокгольм

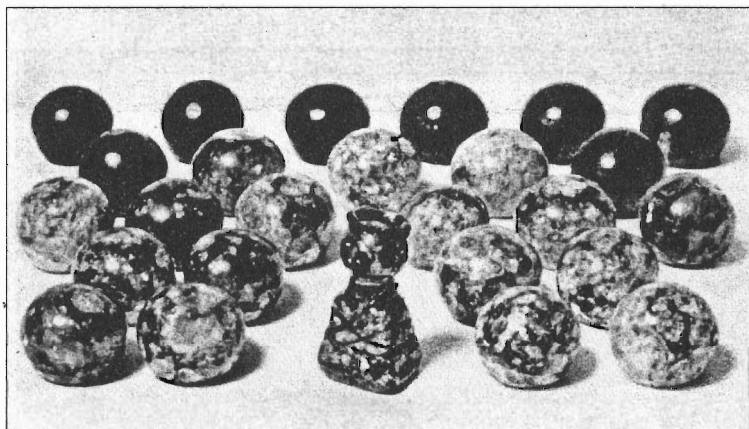
Илл. 13. Серебряный с позолотой нательный крест из Бирки с филигранью и рельефом. Это самое раннее известное нам распятие, сделанное в Скандинавии. Длина 4,7 см. Около 900 года. Государственный исторический музей, Стокгольм

Илл. 14. Берестяное ведро, найденное в Бирке, покрытое тонким бронзовым листом и украшенное выгравированными птицами, деревьями и завитками. Привезено из Нортумбрии или Шотландии. VIII век или начало IX века. Длина 18,3 см. Государственный исторический музей, Стокгольм

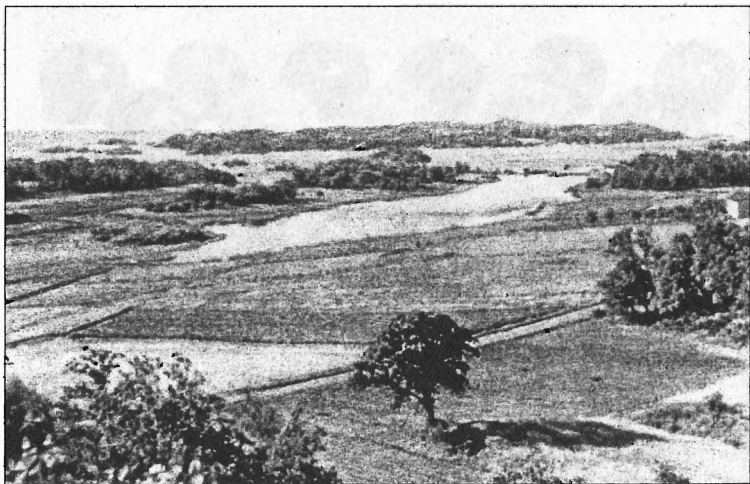
Илл. 15. Бирка, внутренний вид форта с городом (в поясе «Черной Земли»)

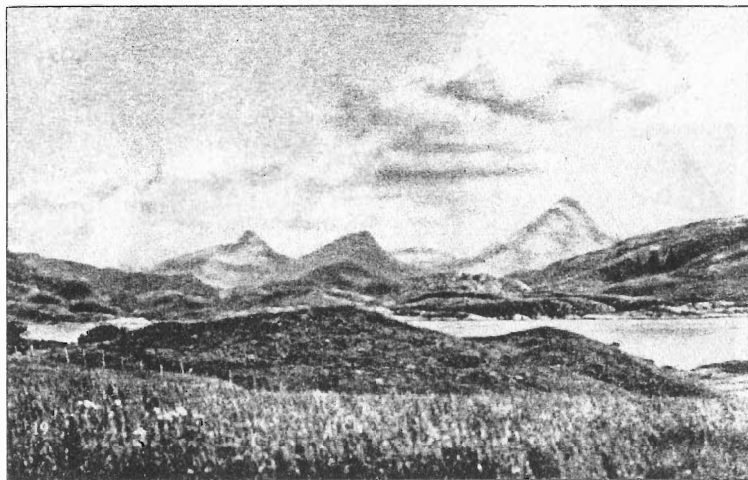
Илл. 16. Стекланные фишки для игры. Девять изготовлены из темно-зеленого стекла, и семнадцать — из светлого сине-зеленого стекла, с центральной фигурой «короля» с темно-синим рисунком на лице, «коронаой» и декоративной резьбой по «туловищу». Найдены в Бирке, возможно восточного происхождения. Диаметр 2,5–2,7 см. IX век. Государственный исторический музей, Стокгольм

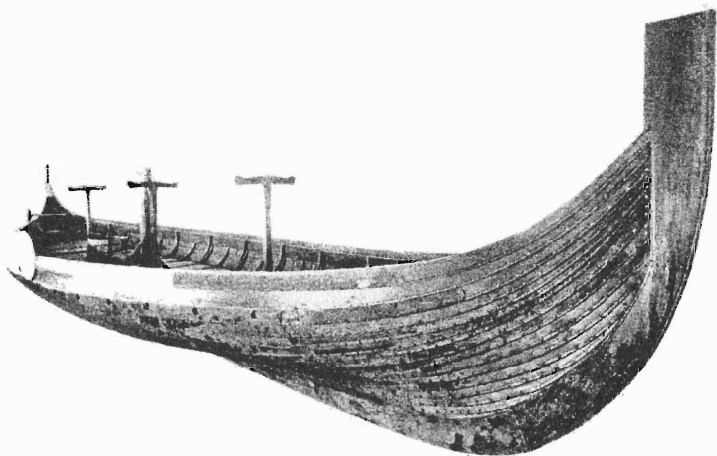
Илл. 17. Стекланные чаши и керамика, привезенные из устья Рейна. Большой кувшин в центре несет на себе рисунок, инкрустированный оловом (в так называемом стиле «плетенки»). С правой стороны находится камень с рунической надписью. Все предметы из Бирки. Высота кувшина 24,7 см. Государственный исторический музей, Стокгольм

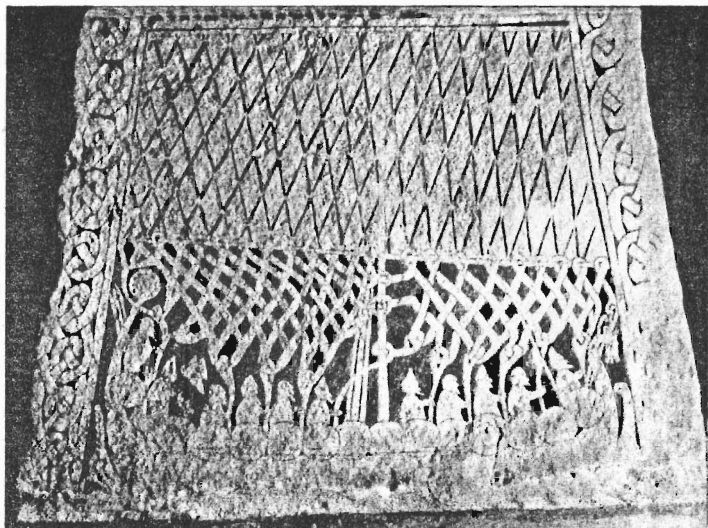
Илл. 18. Вид на Каупанг, Скирингсаль, Норвегия. Место торгового города на переднем плане

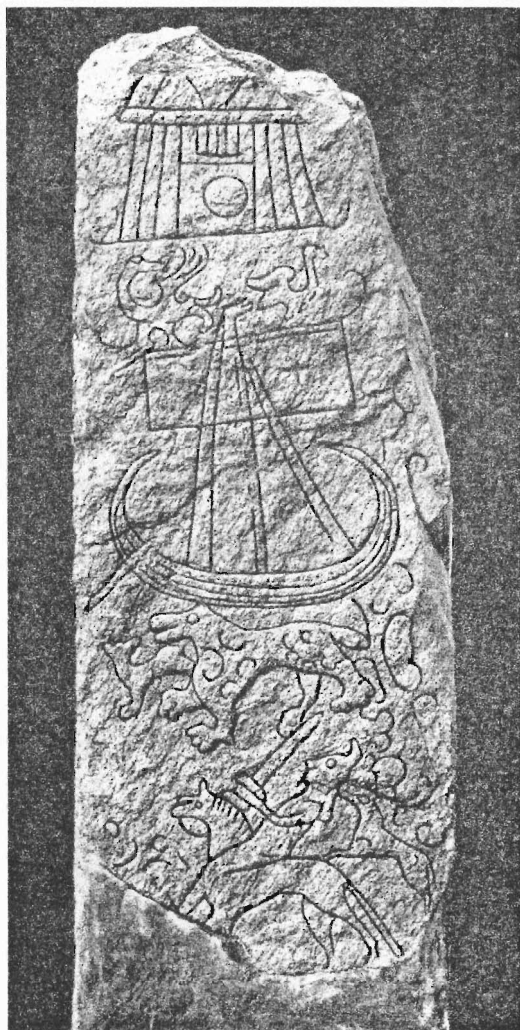
Илл. 19. Норвежское курганное захоронение, Херлаугсхауген, Треннелаг

Илл. 20. Ладья из Гокстада. Боковой руль корабля и румпель можно рассмотреть непосредственно над щитами. Неглубокий разрез на верхушке уключин позволял лопасти весла полностью проходить из внутренней части судна наружу и обратно. Так как нос судна и корма оказались над защитным слоем голубой глины в курганном захоронении, они не сохранились. Музей кораблей викингов, Осло

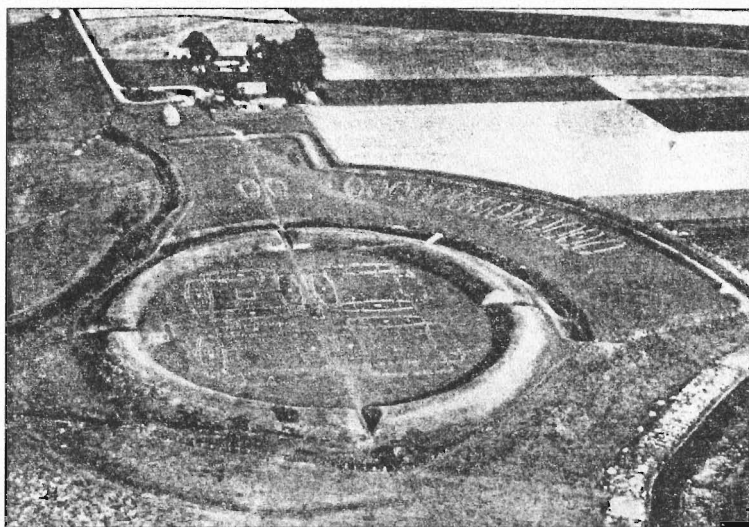
Илл. 21. Изображение корабля, вырезанное на камне из Смисс, Стенчурка, Готланд. Орнамент на корме напоминает орнамент, найденный в Иль Де Груа. Переплетение под парусом, возможно, представляет декоративное развитие системы многочисленных шкотов, которые более эффективно поддерживали парус. На вершине мачты флюгер для определения погоды. Около 800 года. Висби, Готландский Музей Древностей

Илл. 22. Рунический камень из Спарлёса, Вестергётланд. Фигуры частично выполнены в низком рельефе, т. е. в технике, которая была очень редка для периода викингов. Дом, изображенный на вершине камня, представляет тот же тип, что встречается на монетах из Бирки. Приблизительно 800 год

Илл. 23. Традиционный длинный дом, сохранившийся на Мэйнланде, Шетландские острова. Его можно сравнить с реконструкцией дома из Ярлсхофа, рис. 6

Илл. 24. Треллеборг, остров Зеландия, Дания. Вид с воздуха отчетливо показывает план военного лагеря с четырьмя внутренними секторами, в которых находились длинные дома со слегка изогнутыми стенами, защищенными круговой стеной. На внешней стороне лагеря находятся тринадцать длинных домов аналогичного дизайна, но меньшего масштаба, и два дома, расположенных параллельно друг другу. На юго-западе построены внешние защитные сооружения. Возможно, этот лагерь предназначался для армий датских королей. Около 1000 года

Илл. 25. Кольчуга, найденная в кургане «Ярлсхауг», Тренне-лаг, Норвегия, около 1750 года. Находки кольчуг очень редки в могилах викингов. Возможно, она была выполнена скандинавом в эпоху викингов или в период раннего Средневековья. Университет Олдсаксамлинг, Осло

Илл. 26. Тысяча девятьсот шлюпок ловцов сельди, находящихся на Лофотенских островах, представляют типичную картину работы рыбака в период викингов. Две гребные шлюпки на переднем плане хотя и гораздо меньше, чем их предшественницы, однако сохранили традиционную норманнскую форму корпуса корабля

Илл. 27. Изображение на камне из Айоны представляет, видимо, ладью викингов

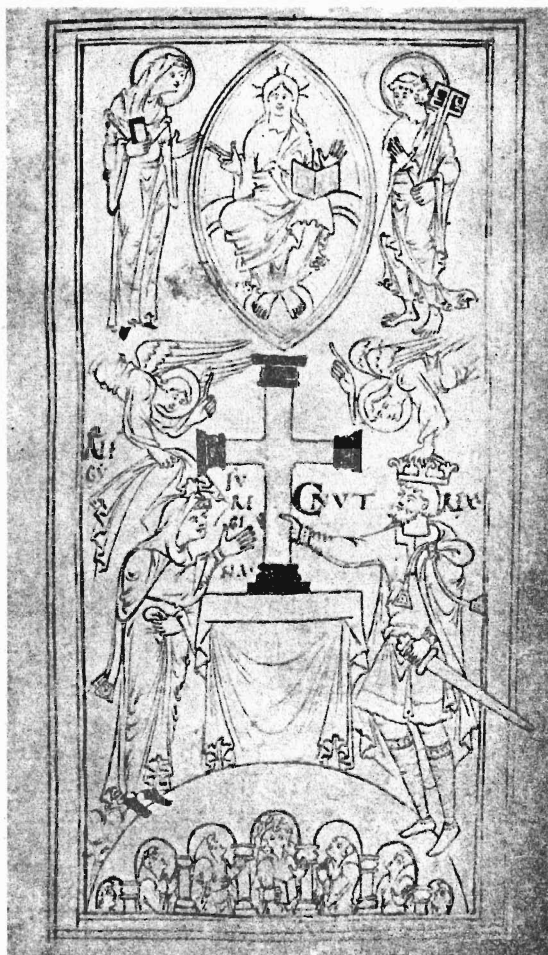
Илл. 28. Бронзовая оковка ножен меча, найденных в Йорке. Рисунок состоит из сплетенных животного и змеи, выполненных в стиле Еллинг. Длина 9 см. X век. Йоркширский музей, Йорк

Илл. 29. Крест из Мидлтона, Йоркшир. Он показывает характерное убранство языческого погребения викинга. Фигура между копьём слева и заостренным шлемом, возможно, является птицей. Щит, меч и топор должны быть справа. Сакс или длинный кинжал находятся на теле. Середина X века

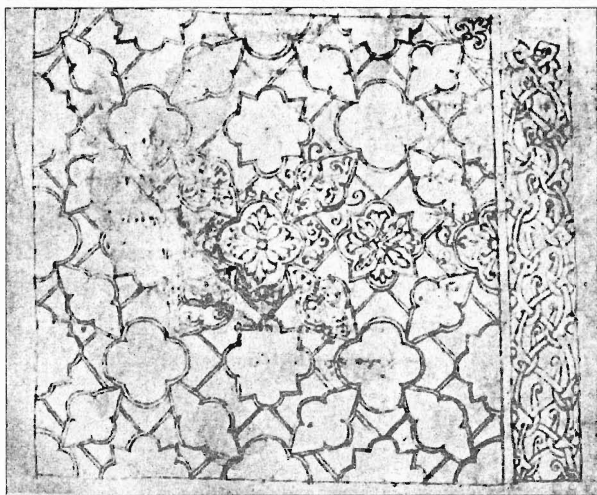
Илл. 30. Обратная сторона того же креста показывает типичную грубую и схематичную версию так называемого английского стиля Еллинг. Высота рисунка 70 см

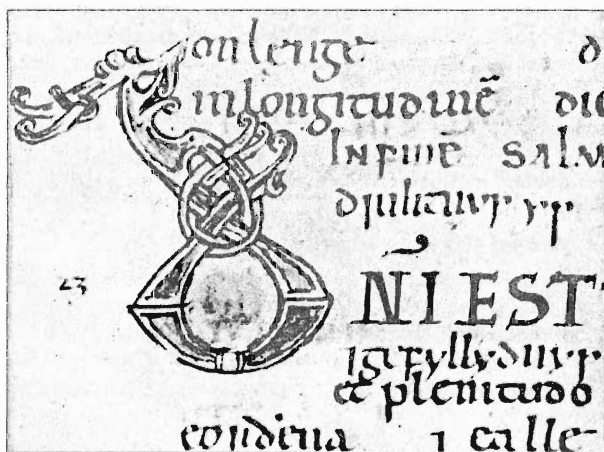
Илл. 31. Страница из «Книги Жизни» Нового Служебника в Винчестере, показывающая короля Кнута и его жену, Эльфгифу-Эмму, устанавливающих позолоченный крест на алтаре кафедрального собора. Эта книга является метрической книгой и книгой мученичества от 1016 по 1020 год. Британский музей, Манускрипт (Stowe 944)

Илл. 32. Камень с церковного кладбища старой церкви Св. Павла. Он выполнен в зверином стиле эпохи Кнута, представляет скандинавские элементы стиля Рингерике. Музей Гилдхолл, Лондон

Илл. 33. Переплет манускрипта Кэдмона. На лицевой стороне английский рисунок аканта и на корешке орнамент в стиле Рингерике. 1030–1050 год. Бодлейанская библиотека, манускрипт Юния II, Оксфорд

Илл. 34. Инициал в форме дракона со скандинавскими чертами из того же манускрипта, представляющий типичный Винчестерский стиль. Ранний XI век. Университетская библиотека, Манускрипт Ff. I, 23, Кембридж

1

Илл. 35. Набор серебряных монет викингов (все монеты, кроме (1), приведены в одном масштабе).

1-я монета — Швеция, Бирка, 880 год (увеличена).

2-6-я монеты викингов северо-восточной Англии 895–915 годов: (2) неопределенная чеканка из Йоркшира, 895 год (повторяет монеты Альфреда Великого); (3) неопределенная чеканка с юга Хамбера, 895 год (имитация двух монет Альфреда Великого); (4) Йорк, «Король Сифред», 895–900 годы; (5) Йорк, «Король Кнут», 895–900 годы; (6) Йорк, «Неизвестный Король», 915 год.

7-11-я монеты ирландско-норманнских королей Йорка, 921–954 годов: (7) Ситрик I Каох («Сигтрюга Одноглазый»), 921–926 годы; (8) Анлаф II Гутфритсон, 939–941 годы; (9) Ситрик II Ситриксон («Сигтрюг Сокровище»), 942 год; (10) Рагнвальд II Гутфритсон, 943 год; (11) Анлаф I Ситриксон («Анлаф Кваран» или «Анлаф Сандалия»), третье правление, 942–951 годы.

12-я монета — Эйрик Кровавая Секира, Второе Правление, 952–954 годы.

13-я монета — Южная Швеция (Лунд?), 975 год?

14-17-я монеты имитирующие английский пенс того времени, 995 год, Ирландия: (14) Ситрик III Анлафсон («Сигтрюг Шелкобородый»), Ирландия, Дублин; (15) Олав Трюгвасон, Норвегия, неопределенная чеканка; (16) Свейн Харальдсон («Свейн Вилобородый»), Дания; (17) Олав Шётконунг, Швеция.

Монеты 1, 13, 15–17, Государственный исторический музей, Стокгольм; монеты 2–12, 14, Британский музей

2

3

4

5

6

7

8

9

10

11

12

13

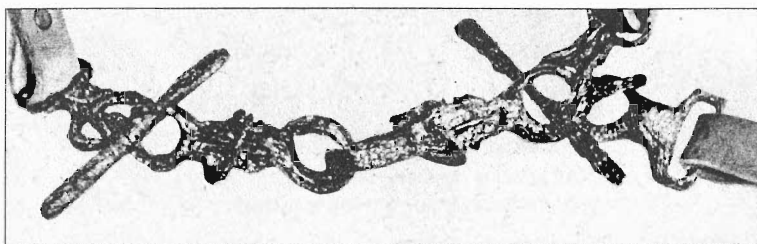

14

15

16

17

Илл. 36. Удила, принадлежащие типу, который часто встречается в захоронениях в Скандинавии X века. Из района Руана. Музей Древностей, Руан

Илл. 37. Пара скандинавских черепаховидных фибул из женского погребения в Питре, Нормандия. IX век. Музей Древностей, Руан

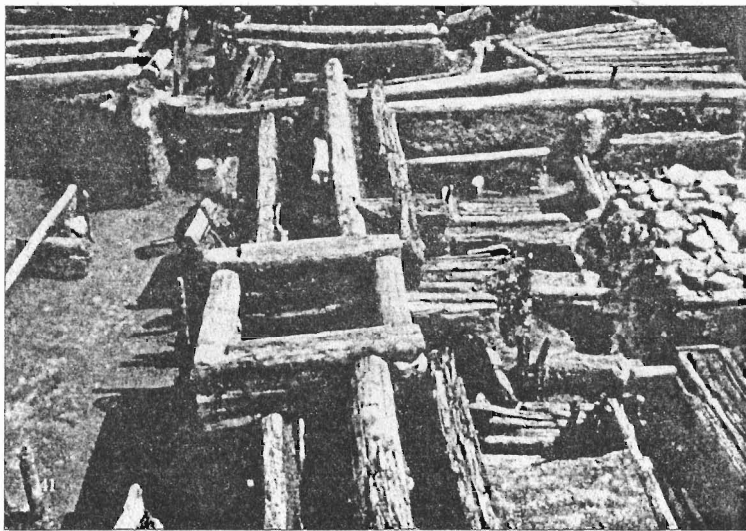
Илл. 38. Меч викинга, найденный в Луаре. Эфес украшен инкрустацией серебром и медными нитями. IX век. Музей Нанга

Илл. 39. Меч викинга из Сёрупа, рядом с Лёгстёром, Ютландия. На медных накладках меча выгравированы геометрические рисунки. IX век. Музей Орхуса

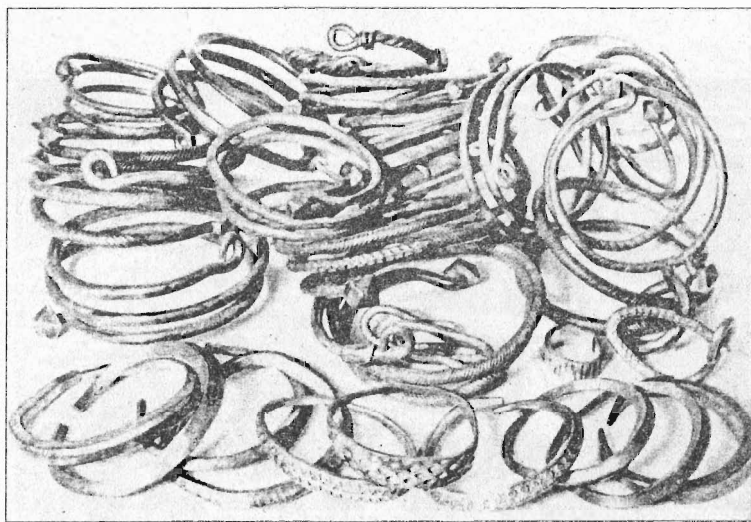
Илл. 40. Старая Ладога (Альдейгьюборг). Вид на земляные укрепления, которые были серьезно повреждены ранними раскопками

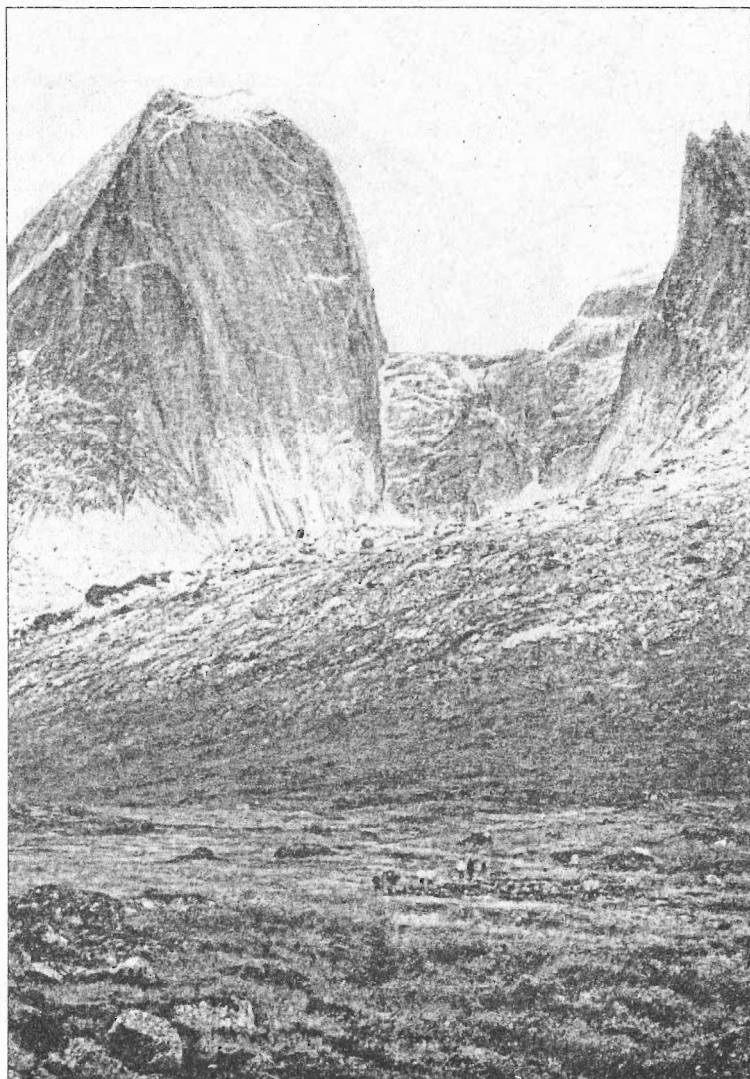
Илл. 41. Старая Ладога. Остатки деревянных зданий в нижнем (финском ?) слое. Из раскопок Репникова в 1913 году

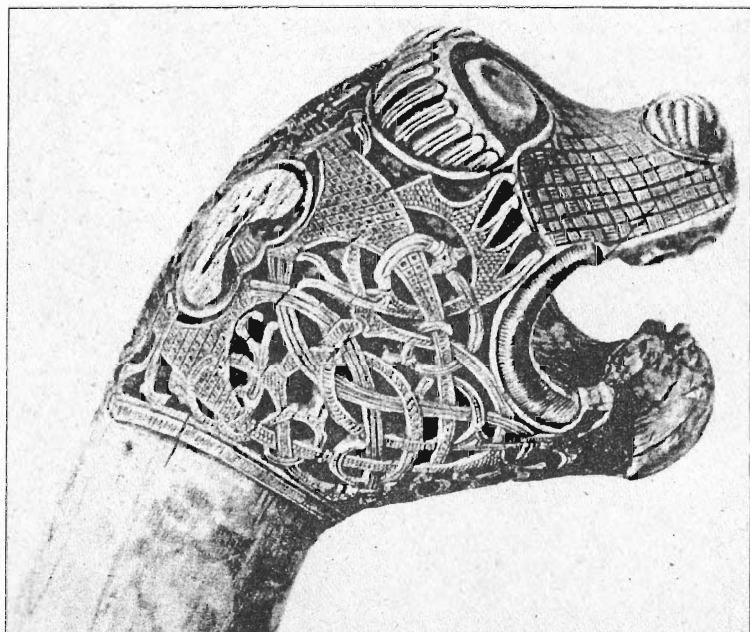
Илл. 42. Серебряный фрагмент из клада в Эстер Рифтес, Фоле, Готланд. Возможно, передняя часть византийской или русской раки, с выгравированной фигурой святого. Длина 2,9 см. Около 1000 года. Государственный исторический музей, Стокгольм

Илл. 43. Клад серебряных браслетов, найденный в Асарве, Хемсе, Готланд. Браслеты спиральной формы привезены из Восточной Европы, возможно, из района реки Кама. Это второй крупнейший клад серебряных предметов с Готланда, весом в 15 фунтов. IX век. Государственный исторический музей, Стокгольм

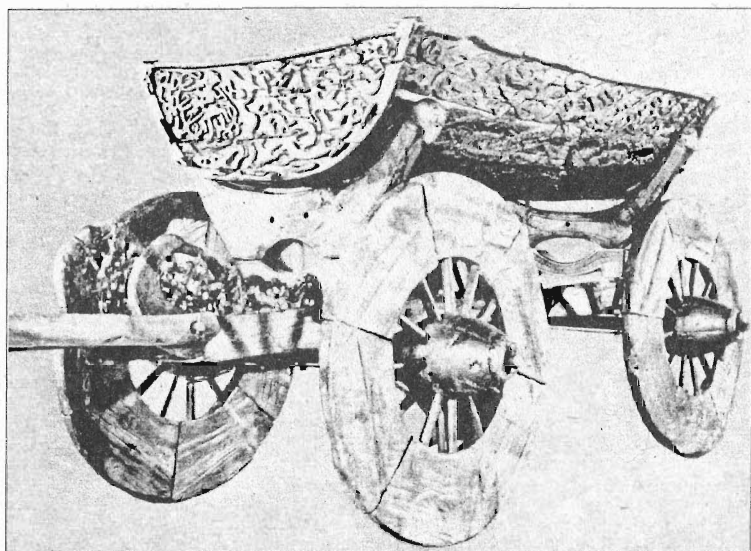
Илл. 44. Кетильсфьорд, Гренландия. В Средние века монастырь основали у подножия горы на берегу фьорда. Эта фотография дает некоторое представление о суровом пейзаже, с которым скандинавы вошли в соприкосновение

Илл. 45. Украшение носа корабля, выполненное в «академическом» стиле (см. рис. 45). Усеберг. Длина 52 см. Музей кораблей викингов, Осло

Илл. 46. Деталь причудливого образца санных оглобель, найденных в Усеберге. Музей кораблей викингов, Осло

Илл. 47. Повозка из Усеберга. Украшения на одной стороне и торце повозки выполнены в различных стилях. Музей кораблей викингов, Осло

Илл. 48. Деталь оконечности с одной из опорных стоек повозки, найденной в Усеберге. Музей кораблей викингов, Осло

Илл. 49. Оконечность с одной из угловых подпорок на санях Шетелига в виде головы, найденной в Усеберге. Такие головы, очевидно, предназначались для того, чтобы внушить страх, который был важным элементом при создании художественного эффекта. Музей кораблей викингов, Осло

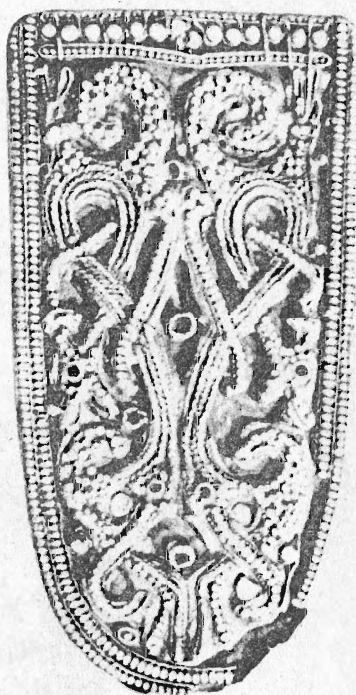
Илл. 50. Маленький серебряный кулон в форме мужской головы из погребения викинга в Аске, Хагебюхёга, Эстерьётланд. Мужчина в шлеме, украшенном стилизованными птицами. Длина 3,5 см. X век. Государственный исторический музей, Стокгольм

Илл. 51. Рукоять меча, найденного в Дюбеке, Сконе. Серебряный с позолотой, выполненный в «зверином стиле», характерном для южной Англии, с чернением. Видимо, английская работа или сделана скандинавским мастером, который учился в Англии. Длина перекрестия 10,2 см. Примерно 1000 год. Государственный исторический музей, Стокгольм

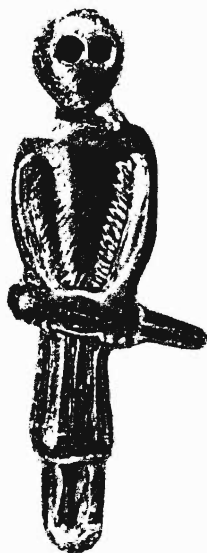

Илл. 52

Илл. 53

Илл. 52, 53. Две серебряные фибулы с филигранью, выполненные в различных техниках, из клада, найденного в Экеторпе (Нэрке, Швеция). «Звериный орнамент» в стиле **Еллинг** показывает влияние на мастера усебергских художников. Длина 8 см и 7,8 см. Государственный исторический музей, Стокгольм

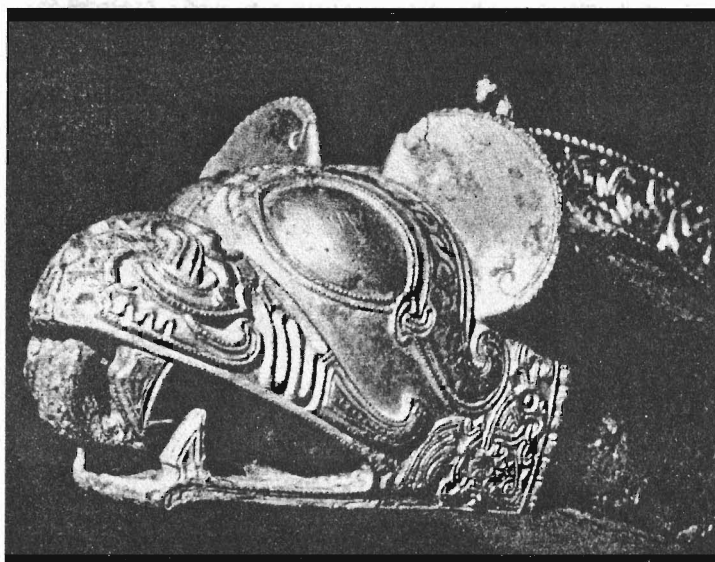
Илл. 54. Серебряный с позолотой кулон в форме человека (возможно, амулет) из клада в Экеторпе. Он одет в облачение до колен и держит меч обеими руками. Его глаза, видимо, были накладными. Длина 3,7 см. Государственный исторический музей, Стокгольм

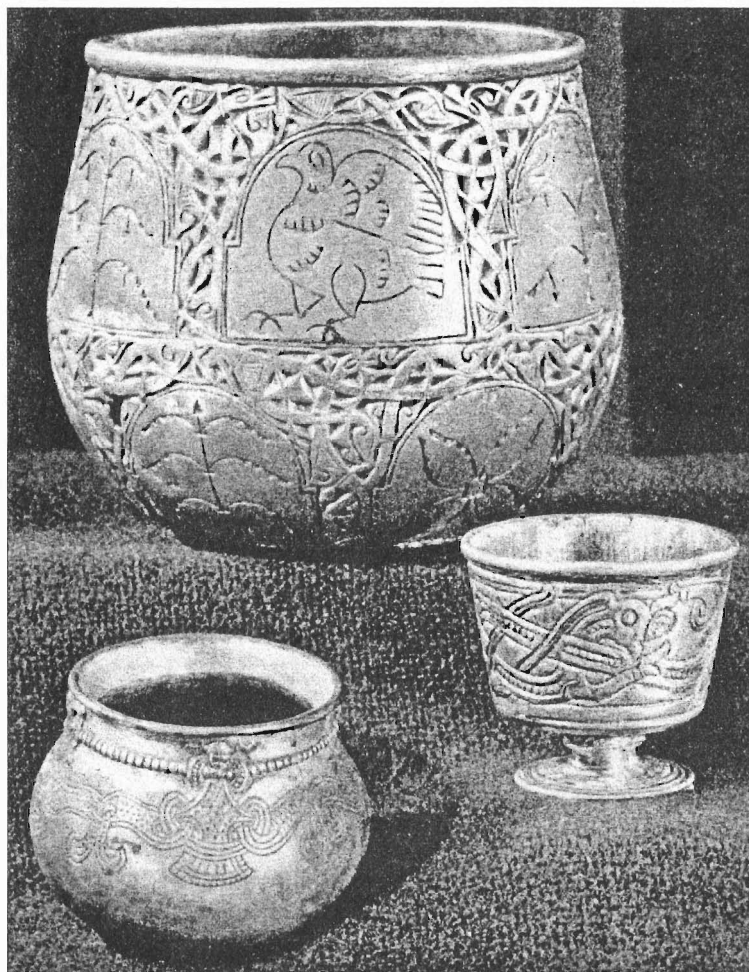
Илл. 55. Деталь навершия эфеса меча из Стура Ихре, Хелльви, Готланд, показывающая смешение старых и новых черт. Центральный медальон изображает льва с головой птицы: лучше всего он виден, если перевернуть картинку. Примерно 800 год. Государственный исторический музей, Стокгольм

Илл. 56. Серебряная фибула с чернением из Йердслёсы, Оланд. Хороший образец, выполненный в стиле Борре. Диаметр 8,5 см. X век. Государственный исторический музей, Стокгольм

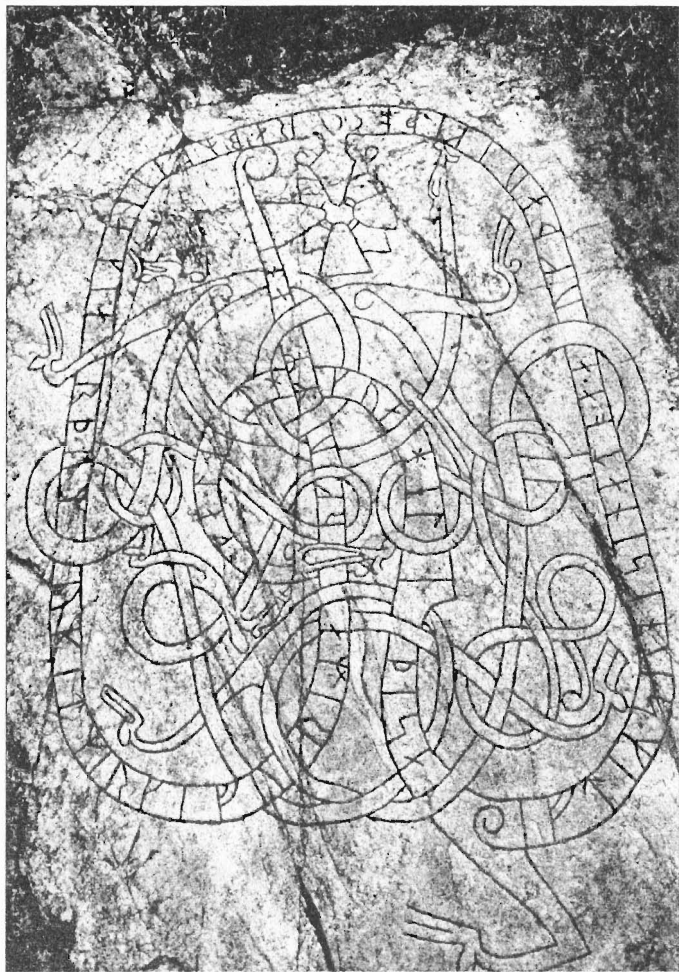
Илл. 57, 58. Детали пары бронзовой конской упряжи из Сёллестеда, Фюн, Дания. Они украшены совершенным орнаментом в стиле Еллинг, представляющего традицию старых скандинавских «звериных орнаментов». X век. Национальный музей, Копенгаген

Илл. 59. Серебряные чаши из Дании. Сверху из Фейё: континентального происхождения, но в стиле чувствуется влияние южной Англии. Частично позолоченная, с чернением. Высота 9,7 см. Примерно 800 год. Внизу, слева, чаша из Лейре, Зеландия: датская работа, частично позолоченная и с чернением. Высота 4,5 см. X век. Внизу, справа, чаша из Еллингга: возможно, потир. Высота 3,8 см. X век. Все из Национального музея, Копенгаген

Илл. 60. Еллингский камень. Одна из сторон камня из Еллинге показывает сцену распятия. Христос окружен плетением, часть рунической надписи можно увидеть на основании камня. Приблизительно 980 год

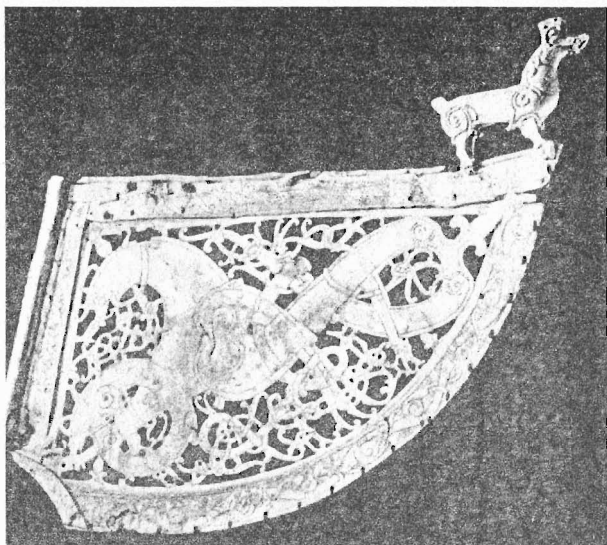
Илл. 61. Руническая наскальная резьба из Соллентуны, Упланд. Середина XI века

Илл. 62. Деталь декора «ставчурки» (столбовой церкви) в Урнесе. Середина XI века

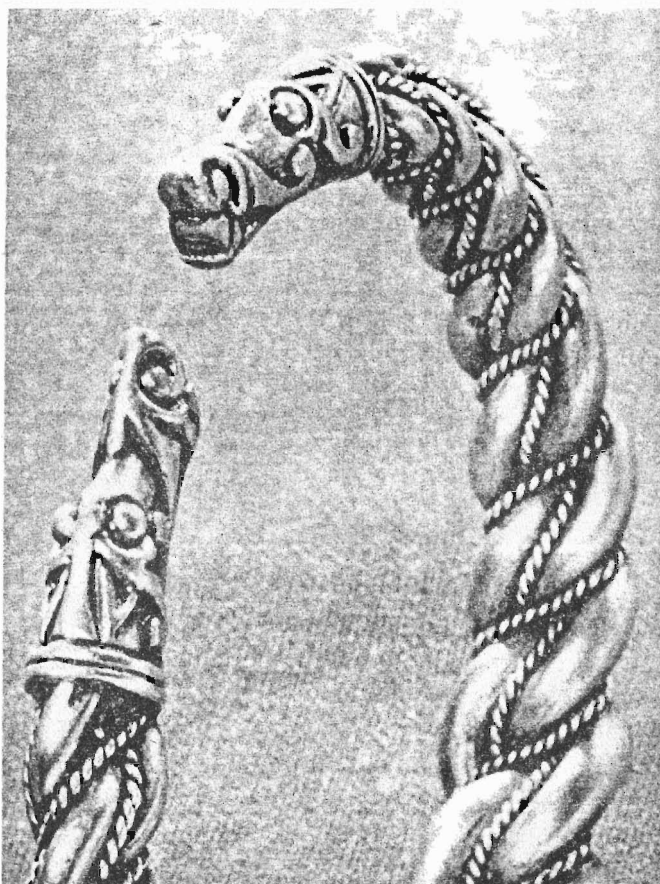
Илл. 63. Рунические камни из Спельвика, Сёдерманланд. XI век

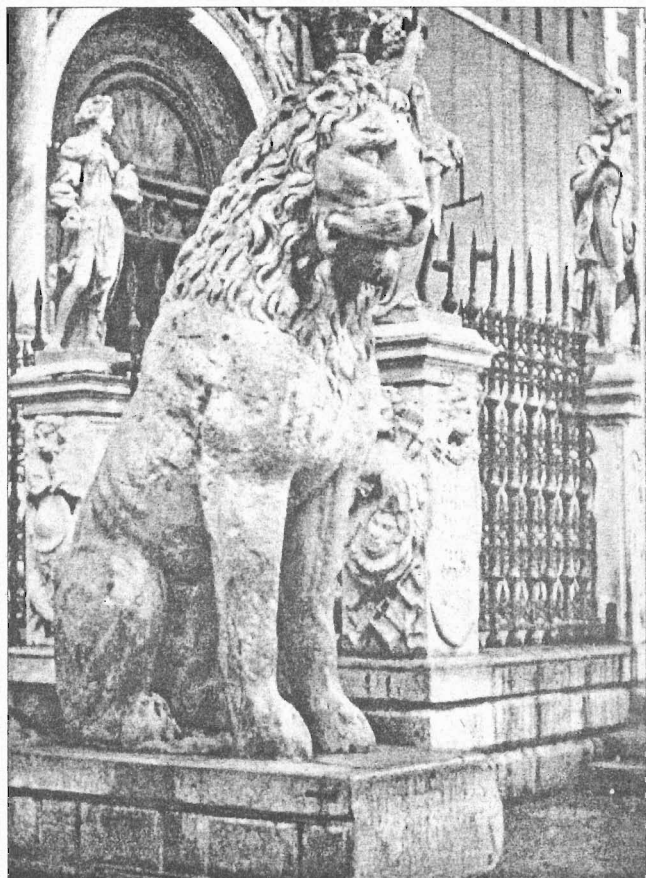
Илл. 64. Бронзовый позолоченный флюгер из церкви в Сёдерала, Хельсингланд. Листочки, которые первоначально свисали из отверстий вдоль изогнутой нижней стороны, были потеряны. Флюгер в английском стиле. Возможно, снят с корабля, составлявшего флот Кнута. Длина 44 см. Государственный исторический музей, Стокгольм

Илл. 65. 1 — обе стороны раки из накладного серебра с чернением из клада в Валбо, Гестрикланд. На одной стороне изображена Дева Мария, на другой — святой Николай. Диаметр 2 см. XI век. 2 — фрагмент, вырезанный от серебряного предмета. Возможно, голова Христа. Из серебряного клада, обнаруженного в Валдарве, Эскелхем, Готланд. Примерно 1000 год. Диаметр 1,75/1,45 см

Илл. 66. Серебряный браслет из Хейслундса, Хавдхем, Готланд. Наибольший диаметр 9,2 см. XI век. Государственный исторический музей, Стокгольм

Илл. 67. Пирейский лев, который находится у входа в Арсенал, Венеция. Мраморный лев был захвачен венецианцами в греческой гавани Пирей. Памятник не норманнского происхождения, но несет руническую надпись, которую можно увидеть только на темном пятне на плече. Однако надпись так стерта, что не может быть расшифрована

Научно-популярное издание

Арбман Хольгер
Викинги

Главный редактор В.В. Чубарь
Ведущий редактор В.Ю. Трофимов
Художественный редактор П.П. Лосев
Компьютерная верстка: Л.Н. Комарова
Корректор Е.А. Капитоновой

ООО «Издательство «Евразия»
197110, Санкт-Петербург, ул. Барочная, д. 2, лит. А, пом. 3-Н
Тел.: 235-99-06; 329-05-85
e-mail: eurasia@vmb-service.ru

Издание осуществлено при техническом участии
ООО «Издательство АСТ»

Отпечатано с готовых диапозитивов
в типографии ОАО «Издательство «Самарский Дом печати».
443080, г. Самара, пр. К. Маркса, 201.
Качество печати соответствует качеству предоставленных диапозитивов.

Произведение выдающегося шведского археолога Хольгера Арбмана посвящено истории викингов.

Цель данного исследования — создание панорамной картины эпохи, оказавшей огромное влияние на дальнейшее развитие всей европейской цивилизации.

Книгу отличают доступный стиль изложения и строгая документальность привлекаемого материала.

Историческая библиотека

ISBN 5-8071-0190-1

9 785807 101907